Донна Фоли Мабри

Откровенная история
одной семьи

Мод

11 795
восторженных отзывов на Amazon.com

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самая обсуждаемая книга в книжных клубах Америки. В детстве Донна Мабри могла часами слушать истории своей бабушки Мод. Выйдя на пенсию, Донна описала жизнь своей бабушки в книге и, не получив поддержки от издательств, самостоятельно опубликовала её в интернет-магазине. Спустя всего несколько недель «Мод» обогнала по продажам раскрученные блокбастеры и продалась тиражом более 1 000 000 экземпляров. История большой любви и величайшей трагедии – откровенная книга об обыкновенной женщине с необыкновенной судьбой. Погрузившись в переживания героини, вы поймете насколько тяжела была жизнь женщин всего 100 лет назад.

- Донна Мабри
  -
  - Предисловие от внучки
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69

- Глава 70
- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75
- Глава 76
- Глава 77
- Глава 78
- Эпилог от внучки
- Благодарность
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Донна Мабри
МОД
Откровенная история одной семьи

Donna Foley Mabry
MAUDE
Copyright © 2014 by Donna Foley Mabry

© Малышева А. А., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Предисловие от внучки

Мои родители развелись, когда мне было три года, и мать оставила меня на попечении бабушки с дедушкой. Следующие девять лет отец почти каждую пятницу — если не случалось работать допоздна — приезжал и забирал меня на выходные. Он старался проводить со мной все каникулы: летние (с июня по сентябрь), весенние и рождественские, — и возвращал бабушке в самый последний день.

Первое мое воспоминание — это зимнее утро, когда он привез меня к себе домой. Я прижимаюсь щекой к гладкой и прохладной поверхности его кожаной куртки.

У отца я жила в одной комнате с моей второй бабушкой, Мод. Каждый вечер перед сном она рассказывала мне истории — не из книг, а из своей собственной жизни. Лежа в темной комнате, я изо всех сил боролась со сном, только чтобы подольше послушать те невероятные вещи, которыми она со мной делилась, а ее нежный голос убаюкивал меня. Как знать, быть может, и для нее это было своего рода терапией — изливать душу в темноте жадному слушателю.

По мере того как я становилась старше и она чувствовала, что я начинаю понимать все больше, истории обрастали новыми подробностями, и наконец, когда мне было около шестнадцати, она поведала о том, какую роль в ее жизни играл секс.

Никакой хронологии она не соблюдала, просто рассказывала о том, что приходило в голову — будь то истории о детстве, или кошмары войны, или рассказы о годах Депрессии, или даже о том, как она потеряла четверых из своих пяти детей.

Лишь спустя годы, пересказывая все это своей дочери, я в полной мере осознала, какой эпической была история моей бабушки. Однажды дочка спросила: «Может, напишешь ее для меня?»

Вот почему эта книга посвящается моей дочери Мелани и ее прабабушке, которую она застала совсем маленькой.

Лишь небольшая часть моей повести вымышлена, а кое-где я добавила свои собственные воспоминания из более позднего времени, порой не совсем точные. Иногда вам будут встречаться и замечания моего дедушки, а он был большим шутником, вовсе не таким серьезным, как моя бабушка.

Моя мать, Эвелин, рассказала бы эту историю по-другому, но здесь я излагаю точку зрения бабушки. Большая часть книги, а также огромное количество прямых цитат — ее слова, оставшиеся в моих воспоминаниях о тех ночах в ее спальне много-много лет

назад.

Пролог

Наступил день моей свадьбы, а было мне чуть больше четырнадцати. Моя старшая сестра Хелен вошла в комнату, взяла меня за руку и усадила на кровать. Она открыла рот, как будто собираясь что-то сказать, но вдруг покраснела и отвернулась к окну. Спустя мгновение она сжала мою руку и заглянула прямо в глаза. Потом потупилась и наконец произнесла:

— Ты всегда была хорошей девочкой, Мод, и во всем слушалась меня. Совсем скоро ты выйдешь замуж, и твой муж станет главой вашего дома. Сегодня вечером, когда вы вернетесь домой после праздника, что бы он ни захотел сделать, ты должна будешь ему это позволить. Поняла?

Конечно, я не поняла, но все равно кивнула. Тогда многое казалось мне странным, и это в том числе. Разумеется, я должна была ее слушаться — ведь выбора не было. В конце концов, я ведь и на свет появилась не по своей воле.

Глава 1

Я родилась в 1892 году в Перкинсвилле, на северо-западе Теннесси, в нескольких милях к западу от Дайерсбурга. Меня назвали Нола Мод Клейбурн. По обоим концам дороги, разрезавшей городок пополам, возвышались церкви, а сам Перкинсвилль представлял собой практически пустырь. Дома были расположены так далеко друг от друга, что это больше походило на загородное поселение. Жили там в основном фермеры и те, кто работал на предприятиях, их обслуживавших.

Почти во всех домах на заднем дворе располагалась конюшня на одну-двух лошадей, там же стояла двуколка, служившая транспортом, или фургончик для работы на ферме. Все мы держали кур и корову — ради молока. У всех был свой огородик, а у многих — даже сад с яблонями, вишнями и грушами. В поселке был один большой магазин и один врач. Местная вдова иногда принимала на постой путников, но не было ни гостиницы, ни ресторана, ни банка.

Я хорошо помню запахи. Зимой город наполнялся ароматом дров, потрескивавших в каминах и печах, запахом скотины, а порой и курятника — если ветер дул с той стороны. Весной воздух становился тяжелым и сладким от цветущих деревьев и свежевспаханной земли.

В восточном конце была Баптистская церковь, а в западном — Церковь Святости, куда ходила и моя семья. Вся наша жизнь вращалась вокруг церкви. Мы посещали службы воскресным утром, а также по вечерам в среду и в субботу. Раз в году нас навещал приезжий священник, и тогда целую неделю по вечерам шли бдения.

Башни церквей стояли по обоим концам городка, как пограничные часовые, и от одной церкви до другой можно было дойти меньше чем за полчаса. Не было там ни католиков, ни иудеев, и большинство из нас не ведали, что есть на свете такая штука, как атеизм. Никто даже не понимал значения этого слова — кроме разве что нашего врача. Он был одним из самых образованных людей в поселке, много где побывал, и лишь когда ему исполнилось шестьдесят, после смерти жены, оставил город, чтобы вернуться туда, где вырос.

Большинство жителей городка родились там и умерли, и если за всю жизнь куда и выезжали, то разве что в Мемфис, на медовый месяц.

Цветные у нас тоже были, но жили они на самом краю поселка, чуть в стороне от основного населения.

Своими прямыми волосами и карими глазами я пошла в отца, Чарльза Юджина Клейборна, и, как и папа, была крепенькой, из-за чего казалась взрослее, чем на самом деле. Сестра же Хелен, на одиннадцать лет старше, больше походила на нашу мать, Фейт, — обе они были миниатюрными и аккуратненькими, хорошенькими, со светлыми волосами и синими глазами, живыми и быстрыми. Волосы Хелен волнами струились по плечам, а мама всегда закалывала свои в пучок, который носила на затылке, как и все замужние женщины. Из пучка то и дело выбивались непослушные завитки, и мне нравилось смотреть, как ветерок шевелит их и они порхают по маминому затылку, словно бабочки.

Фигурка у Хелен была как песочные часы; соседи говорили, что ее талию можно было обхватить двумя руками. Мне же они добродушно улыбались и хлопали по плечу, как будто утешая — и это ужасно меня бесило. Я рано поняла, что в моей внешности нет ничего примечательного, и свыклась с этой мыслью. Мама постоянно носилась с Хелен, шила ей красивые платья, заплетала в волосы ленты. А меня даже не учила все это делать, просто не обращала на меня внимания.

Правда, по большому счету, меня это не слишком задевало: я была папиной дочкой. Он держал извозчичий двор через дорогу от нашего маленького домика. Там он объезжал лошадей для продажи, сдавал их в прокат, поил коней путников. Каждое утро, пока я еще нежилась в постельке, он вставал и шел ухаживать за лошадьми. Вернувшись домой к обеду, папа целовал маму, подхватывал меня своими сильными руками и крепко обнимал. Потом усаживал на колено и заводил беседу — только со мной — до самого обеда. Он с улыбкой расспрашивал меня о делах в школе и друзьях, подтрунивал над тем, что мне нравился Джеймс Коннор, наш сосед по улице.

Папа был крупным, с мускулистой грудью и руками, натруженными от постоянного поднятия тюков сена. Прильнув головой к его груди, я вдыхала исходивший от него запах лошадей и корма. Лишь общение с ним приносило мне утешение. Он был для меня всем.

Подходил к концу 1899 год, и все, сгорая от нетерпения, предвкушали новый 1900 год и новый век. Мне эта цифра казалась любопытной, но я не понимала всеобщей суеты. Разве 1 января жизнь будет так уж отличаться от той, какой была всего день назад? А люди меж тем лишь об этом и говорили. Я слышала эти разговоры в школе, в церкви, в магазине, но не чувствовала особенной сопричастности. Я не думала, что грядущий век что-то изменит — и ошибалась. Тот год перевернул мою жизнь с ног на

голову.

В апреле 1900 года, когда мне было семь, а Хелен восемнадцать, она вышла замуж за Томми Спенсера, одного из самых завидных женихов. Родители его владели универмагом и были едва ли не самой богатой семьей в городке. Хелен собрала свои пожитки и перебралась в милый маленький домик, который Томми построил специально для них. Впереди дома было крылечко, совсем как у нас, и точно такое же на заднем дворе, чтобы можно было греться на солнышке или нежиться в тени в любое время дня. Прямо в кухне Томми установил водяную колонку, поэтому Хелен не нужно было каждый раз выходить, чтобы набрать воды. В дальней части дома была ванная, в обоих концах — спальни, а в передней части — сени.

Когда Хелен вышла замуж и уехала, все, как могли, старались утешить меня, однако я по ней совсем не скучала. Иногда заходила в гости, и еще мы встречались в церкви. В целом же ее переезд означал, что у меня наконец будет собственная отдельная комната, а жизнь моя станет гораздо спокойнее и не будет больше толп молодых людей, стаями вившихся вокруг моей сестры. До того как она съехала, мне казалось, что они в доме постоянно. Подружки Хелен почти каждый день приходили к нам после школы. Они сидели на крыльце, попивая холодный чай, и, хихикая, обсуждали мальчиков и прочие вещи, которыми не спешили со мной делиться.

Парни старались к нам заглянуть под любым предлогом, расспрашивали о делах в школе или в церкви, но тут же умолкали, стоило мне появиться поблизости. Сестрины подружки либо смотрели на меня так, что я сразу понимала, что мне тут не рады, — как будто бы я была в гостях, — либо и вовсе так, словно меня тут нет и я не имею никакого права тут находиться.

После замужества и отъезда Хелен моя мать впервые на моей памяти наконец по-настоящему заметила меня. Она начала прикладывать все усилия, чтобы сделать из меня достойную партию для жениха, который рано или поздно появится. Вместе мы высаживали рассаду — ряды латука, зелени, помидоров и кукурузы, — и все время, пока работали, она разговаривала со мной так, как никогда прежде, — словно со взрослой. Мы вспахивали землю, и она показывала, как сделать пальцем лунку в мягкой почве и посадить туда семечко. Когда Хелен уехала, мы с мамой стали настоящей командой.

Вместе мы готовили в большой дровяной печи. Папа смастерил для меня табуретку, чтобы я могла стоять рядом и помогать. Я смешивала сахар и специи для яблочных пирогов и смотрела, как мама раскатывала основу, попутно рассказывая

мне, как замесить тесто на холодной воде. Она научила меня на слух определять готовность жарящейся в сковороде курицы (если потрескивание стало громче, пора переворачивать) и что картошку нужно солить перед приготовлением, а курицу — после; учила делать воздушные клецки и вкусное печенье.

Осенью я научилась закатывать в банки фрукты и овощи с нашего большого огорода. Надев фартук и подвязав его на талии, чтобы подогнать по размеру, я усаживалась за стол и принималась вскрывать бобовые стручки. Этому тоже научила меня мама: сперва потянуть за верхний конец, затем раскрыть сверху вниз и разделить боб на четыре части. Мама укладывала бобы в большой горшок на печи, где уже томился свиной шпик, и оставляла на целый день, а затем раскладывала по стеклянным банкам.

По вечерам мы сидели на крылечке в ярких солнечных лучах и шили. Мама показала мне, как кроить, чтобы расходовать ткань экономнее. Она умела раскроить платье так, что обрезки помещались в горсть одной руки. Мама научила меня делать мелкие, ровные стежки, которые не расходились, и объяснила, что перед началом работы надо подержать нить над свечой, чтобы она не спутывалась.

Я научилась вязать спицами и крючком, вышивать гладью и узорами в виде букв и цветов. И хотя я была непоседой и меня утомляло долгое сидение, как в церкви, — рукоделие мне нравилось. Когда шьешь, на тебя снисходит такое умиротворение, все заботы улетучиваются, и все мысли вертятся вокруг ткани и ниток. Когда работаешь, то сосредоточиваешься на небольших кусочках полотна, — и закончив работу, почти не веришь собственным глазам. Даже спустя долгое время после смерти матери мне все казалось, будто бы я слышу ее голос, напоминавший потуже затянуть узелок или раскрутить иголку, чтобы распутать нить. На всю свою жизнь я запомнила мамины уроки, и не только по части шитья.

Однажды, в субботу вечером, вскоре после отъезда Хелен, мама впервые завила мне волосы. Она поставила меня на стул и расчесала волосы влажной расческой, намотав их на полоски ткани из старого мешка из-под муки. Заснуть в ту ночь было нелегко — узелки больно тянули волосы, — но когда наутро мама развязала их и расчесала, то мои жесткие прямые локоны заструились по плечам мягкими волнами, совсем как у Хелен. Я побежала на кухню, показать папе. Он подхватил меня и крепко обнял.

— Ты только посмотри, какая красавица получилась!

Никогда в жизни никто не говорил мне ничего подобного. Он

крепко прижал меня к груди и принялся раскачивать; потом наконец отпустил. Я ожидала, что в церкви все станут охать и ахать при виде меня, но одна лишь Хелен обратила на меня внимание. Теперь, после переезда, она ко мне потеплела.

В тот вечер я попросила маму снова завить мне волосы, но она сказала, что каждый день это делать слишком хлопотно. Я попробовала сделать кудряшки самостоятельно, но вышло неважно, — местами волосы получились волнистые, а кончики остались прямыми. Я решила, что буду завивать их только на воскресную службу. Я была счастлива хотя бы раз в неделю чувствовать себя хорошенькой.

Первый год нового века прошел без происшествий до следующего лета, когда мне исполнилось восемь и я была в доме Хелен. Она как раз носила своего первого ребенка, была на седьмом месяце, и беременность протекала тяжело. Даже на этом сроке ее по-прежнему рвало по десять раз на дню, и стоило ей что-нибудь поднять, как у нее тут же кружилась голова, поэтому в течение нескольких месяцев каждые выходные меня отправляли к ней помогать делать уборку.

Мне это нравилось. Убираясь, я представляла, что это мой собственный дом и это мой муж вот-вот придет с работы домой и поцелует меня, как целовал Хелен Томми.

В тот день я как раз развешивала белье на заднем дворе, как вдруг из дома услышала резкий вскрик — так кричит раненый зверь. Кинув в корзину полотенце, которое собиралась повесить сушиться, я бросилась в дом. Там были муж Хелен, Томми, и врач — тот самый, который помог нам троим появиться на свет. Томми обнимал Хелен. Она прильнула к нему, и вид у нее был такой, будто бы она вот-вот упадет. Я схватила Хелен за юбку.

— Что такое? Что случилось?

Вид у Томми был встревоженный. Он стряхнул мою руку.

— Иди в спальню!

Я, как всегда, послушалась — ушла в спальню и села на кровать. Кто-то закрыл за мной дверь, и я изо всех сил принялась подслушивать, но не могла разобрать ничего из того, что они говорили. Казалось, прошла целая вечность. Наконец дверь отворилась, и Томми внес Хелен в комнату. Она была без сознания. Доктор Уилсон расстелил постель, Томми уложил Хелен и укрыл одеялом. Затем доктор жестом велел нам с Томми следовать за ним в гостиную, и мы вышли, затворив за собой дверь.

Я крепко стиснула ладонь Томми.

— Она поправится? Что с ней?

Он грустно посмотрел на меня, потом на доктора, повесил

голову и ушел на кухню. Доктор Уилсон шумно вздохнул, взял мою ладонь в свою и сказал самое страшное, что я когда-либо слышала в своей жизни.

— Произошел несчастный случай, Мод. — Он вдруг замолчал, как будто подбирая слова. — У вас в кухне что-то загорелось. Твой папа услышал крик соседей и побежал в дом, чтобы найти маму.

Волна паники охватила все мое тело, от корней волос до кончиков пальцев. Внезапно меня сковал холод. Все тело била дрожь, и я обхватила себя руками.

— Папа в порядке? Он обжегся?

Доктор Уилсон похлопал меня по плечу.

— Мне очень жаль, Мод. Дом был старый, деревянный. Они не успели выбраться.

Какую-то долю секунды я не понимала смысла этих слов. Сердце мое билось так бешено, что его гул в ушах едва не оглушил меня. Наконец до меня дошло, что мамы с папой больше нет. Я пыталась подобрать слова — но ничего не выходило. Руки безвольно повисли, и я просто стояла посреди комнаты, уставившись в пол и дрожа всем телом. Доктор снова похлопал меня по спине и ушел на кухню. Там они с Томми начали о чем-то тихо переговариваться, а я все стояла как вкопанная. Внезапно из спальни Хелен раздался странный, слабый крик.

Я вбежала к ней. Комнату наполнял запах крови и чего-то еще. Я завизжала, и на мой крик прибежали Томми и доктор Уилсон. Они оттолкнули меня, и я прижалась к стене. Доктор сдернул с Хелен одеяло.

— Воды отошли, — сказал он. — Принеси мою сумку.

Томми убежал в гостиную, где доктор Уилсон оставил свой чемодан, рядом со стулом, принес его и вручил доктору.

Тот посмотрел на меня.

— Принесите воды и все полотенца.

Это привело меня в чувство, и мы с Томми принялись суетиться на кухне. Он набрал большой таз воды, я схватила в кладовке стопку полотенец и побежала назад в спальню.

Доктор убрал с Хелен все одеяла и согнул ее ноги в коленях. Юбка ее была задрана до пояса, белья на ней не было. Я застыла в дверях, не в силах пошевелиться. Никогда прежде я не видела сестру голой, и теперь зрелище было ужасным.

— Давай сюда полотенца, — велел доктор.

Я плюхнула свою стопку на кровать, рядом с Хелен. Томми принес воды — лицо у него было бледное, как у призрака. Он поставил таз на пол и подтащил к кровати маленький столик, так, чтобы врачу было удобно дотянуться.

— Принеси еще воды и подогрей, — сказал доктор, обращаясь к Томми, который испытал видимое облегчение оттого, что ему дали задание, и вновь выбежал из комнаты. Хелен громко вскрикнула, но глаз не открыла. Непонятно было, пришла ли она в себя.

Кровотечение, похоже, прекратилось. Доктор Уилсон раздвинул ноги Хелен и приподнял одеяла. Затем прижал ладони к ее бокам и какое-то время не отпускал.

— Схватки еще не начались. Мод, принеси мне какие-нибудь часы.

Я снова бросилась в гостиную и нашла часы Томми, которые он оставил на небольшой подставке. Эти часы подарил ему его отец, и Том надевал их только по воскресеньям. Доктор встал, пододвинул стул к кровати и кивком велел мне сесть. Затем взял мою ладонь и прижал ее к боку Хелен.

— Первые роды обычно длятся долго. Я не могу сидеть здесь весь вечер и всю ночь. Если понадоблюсь — я у себя в кабинете, в самом конце улицы. — Тут он крепко прижал мою ладонь к боку Хелен. — Чувствуешь ее живот?

Я кивнула.

— Следи за ее лицом — так ты поймешь, когда начнутся схватки, даже если она не очнется. Когда они начнутся, живот на несколько минут станет твердым-твердым, потом снова мягким. Сначала от одной схватки до другой пройдет много времени, но потом они станут все чаще. Понимаешь?

Я снова кивнула.

— Вот и хорошо. Когда между схватками будет примерно пять минут, пошли за мной Томми.

Я снова кивнула в знак того, что понимаю. Доктор встал и вышел из комнаты. Я слышала, как он разговаривал с Томми на кухне и как хлопнула дверь-ширма.

Все время, до вечера, я сидела, уставившись в лицо Хелен, внимательно следя за изменениями. Одна моя ладонь была прижата к боку сестры; когда рука уставала, я меняла руку, но живот был таким же, как и прежде. Каждые полчаса Томми то входил, то выходил, и выражение его лица было озабоченным. Иногда он спрашивал, не случилось ли чего, но я лишь молча качала головой. Наконец он не выдержал и всплеснул руками:

— Я пойду найду какую-нибудь женщину, пусть она нам поможет. Не дело поручать такое маленькой девочке и мужчине. Пойду приведу мою тетю Дебору.

В прошлом году умерла мать Томми, и теперь из женщин в родне Томми осталась лишь Дебора. Она жила на другом конце городка.

Я знала, что за несколько минут управиться у него не получится, к тому же боялась оставаться наедине с такой огромной ответственностью. Но при мысли о том, что можно будет передать свои обязанности кому-то другому, становилось легче. Мы с Томми встретились взглядами — казалось, он спрашивает моего согласия. Я и забыла, что мне всего восемь.

— Да, хорошо бы. Беги скорее, — сказала я ему.

Он пулей вылетел из дома. Не прошло и пары минут, как Хелен издала громкий крик и тело ее напряглось. Под моей ладонью ее живот вдруг стал твердым, как камень. Я посмотрела на часы на столе — было 7 часов и 35 минут.

— Семь-тридцать пять, — сказала я вслух, чтобы запомнить время. Через несколько секунд Хелен расслабилась, и живот ее снова стал мягким. Дальше все происходило в точности, как сказал врач — и мне стало легче. Все будет хорошо. Сейчас Томми приведет тетю Дебору, а когда схватки участятся, они позовут доктора.

Вот только следующие схватки наступили вовсе не через полчаса. Когда живот Хелен снова напрягся под моей ладонью, я глянула на часы: прошло всего пять минут! Мне хотелось позвать кого-нибудь на помощь, но никто бы меня не услышал, а оставлять Хелен одну и бежать за доктором было страшно — и так же страшно сидеть и ничего не делать.

Через несколько секунд схватки утихли. Я вскочила со стула и выбежала на переднее крыльцо, сбежала по ступенькам и пулей бросилась к соседям Томпсонам. Изо всех сил я заколотила кулаками в дверь. Дверь открыл один из их старших сыновей и изумленно уставился на меня.

— Малыш вот-вот родится! Нужно срочно позвать доктора Уилсона в дом Томми, пожалуйста!

Потом повернулась и бегом понеслась назад к Хелен. Она снова успокоилась и как будто заснула. Я села на стул и уже привычно прижала ладонь к ее животу. Через несколько минут схватки повторились, но на сей раз Хелен впервые за вечер открыла глаза и громко закричала. Затем повернула голову и увидела меня. Во взгляде ее читалось осуждение, как будто это я причиняла ей боль. Я схватила ее ладонь и крепко сжала ее обеими своими руками.

— Все будет хорошо, малыш вот-вот родится. Томми побежал за своей тетей Деборой, и доктор сейчас будет.

Хелен крепко зажмурилась, запрокинула голову и снова закричала. Я пришла в ужас, совершенно не зная, что делать. Она подтянула колени к подбородку и хватала ртом воздух.

— О нет, о нет, опять! — прошипела сестра сквозь зубы.

Я отдернула одеяло и заглянула: уже показалась головка ребенка, покрытая кровью и слизью. Желудок у меня сжался, я вцепилась в руку Хелен. Это было единственное, что пришло мне в голову — я понятия не имела, что делать. Потом дверь-ширма с громким стуком распахнулась, и вбежал доктор со своим чемоданчиком.

Я посмотрела на него — вид у меня, наверное, был напуганный до смерти.

— Он уже выходит!

Доктор Уилсон отодвинул меня, поставил свой чемодан на кровать рядом с Хелен и открыл его. Расстелив одно из принесенных мной полотенец на столике рядом с кроватью, он принялся доставать из чемоданчика странные инструменты и раскладывать их на полотенце.

— Возьми еще одно полотенце, разверни его и держи, — велел мне доктор.

Я встряхнула полотенце и одной рукой протянула его врачу.

— Нет, это для ребенка. Разверни его и держи на руках так, чтобы завернуть в него малыша.

Я сделала, как он сказал, и встала, держа перед собой полотенце на вытянутых руках. Насмерть перепуганная, я смотрела, как выходят на свет плечики и ручки ребенка. Мне было ужасно, невероятно страшно, но я зачарованно стояла и смотрела, не в силах отвернуться. Доктор взял младенца за бока и легонько потянул, пока все тельце не вышло наружу. От его живота тянулась странная штука, похожая на веревку, заканчивавшаяся где-то внутри Хелен. Ребенок казался мне крошечным, но я понятия не имела, какими они бывают. Потом увидела его причинное место и поняла — мальчик. Прежде я никогда не видела мужское достоинство: все дети, которых я видела, были одетыми. К тому же они были, как минимум, на несколько недель старше, ведь родились 9-месячными, а не 7-месячными.

Я ждала, что он заплачет — но нет. Доктор перевернул ребенка и слегка встряхнул, но крика не было. Он легонько похлопал его несколько раз по попке, затем, уже сильнее, по спине. Ничего. Наконец он завернул его в полотенце, что я держала, и взял его из моих рук. Держа его на руках, он несколько раз дунул ему в рот, затем прижал ухо к его груди. Потом вздохнул и положил его на постель. Перетянул пуповину и отрезал ребенка от Хелен. Затем завернул ребенка в полотенце и вручил его мне. Я протянула руки и взяла его, как еще несколько дней назад брала на руки своих кукол. Доктор вновь обратил свое внимание к Хелен, когда в комнату вошли Томми и тетя Дебора.

Она увидела сверток в моих руках и, должно быть, поняла, что случилось.

Тетя Дебора взяла меня за руку и подтолкнула к двери.

— Томми, уведи девочку отсюда. Нам с доктором нужно все прибрать.

Томми послушно положил руку мне на плечо и вывел из комнаты. Вместе мы прошли на кухню. Я остановилась, сжимая в руках крохотный сверток. Томми посмотрел на меня.

— Он много плакал?

— Он вообще не плакал, — ответила я.

Мои слова шокировали его. Он сел на стул и протянул руки. Я вручила ему младенца, он положил его на стол, развернул полотенце и уставился на него. Потом дотронулся пальцем до его крошечного личика, и по щекам его потекли слезы.

— Посмотри на него, Мод. Маленький мальчик. Хелен сказала, если будет мальчик, она разрешит мне назвать его Генри Матиас, в честь моего дедушки.

Он встал, вернул мне ребенка и вышел из кухни на задний двор. Я слышала, что он кричит что-то страшное. Спустя мгновение я вновь завернула ребенка и прижала его к груди. Потом отнесла его и положила в кресло-качалку в углу кухни, а сама села рядом и принялась тихонько качать. Время от времени я разворачивала полотенце и заглядывала в его идеальное личико, надеясь, что он пошевелится, опровергнув то, что, как я уже поняла, произошло.

Не знаю, сколько времени прошло. Наконец в кухню вошел доктор.

— Где Томми? — спросил он.

Не прекращая качать, я кивнула в сторону заднего двора. Доктор все понял. Он вышел во двор, и через открытую дверь я слышала, как он разговаривает с Томми.

— Хелен поправится. У нее будет столько детей, сколько она захочет. Но сейчас она потеряла много крови, и ей потребуется время на восстановление. Я не хочу, чтобы она вставала, по крайней мере, недели две, и даже тогда какое-то время она будет слаба. Нужно, чтобы кто-то был при ней и заботился о ней, пока ты на работе.

— У тети Деборы есть свои дети, она не может быть здесь целый день, — ответил Томми испуганным, надломленным голосом.

— Зато Мод может. Она все равно будет здесь, и для своего возраста она очень смышленая.

— Мод? Здесь?

— Конечно. Теперь из всей семьи у нее осталась только

Хелен. Куда еще ей идти?

— Не знаю, об этом я как-то не думал.

— Понимаю. День был ужасный. Я договорюсь с похоронным бюро и священником насчет похорон, а ты попытайся отдохнуть. Завтра будет не легче.

Я встала, взяла свой маленький сверток и отнесла в специально приготовленную для ребенка комнатку. Томми покрасил стены в светло-желтый цвет со светлыми деревянными панелями, там были комод и люлька. Я положила младенца в люльку и подоткнула ему одеяльце. Погладила головку, все еще в следах слизи.

Я вытащила из комода постельное белье и постелила на полу. Сняла ботинки и носки, легла, завернулась в одеяло и впервые заплакала. Но то не были слезы горя. Я была так рассержена тем, что Господь допустил это, — до самой глубины души! Мне самой было страшно от такой злости. Всю жизнь меня учили, и я верила, — что сердиться на Бога грешно. Я боялась, что за такие мысли Бог накажет меня. Ребенок, которого Хелен так ждала, умер, как и мои мать и отец. Если Бог нас любит, как мог он так поступить с нами?

Но больше всего меня напугали слова доктора. Теперь некому было обо мне позаботиться, кроме Хелен, — других родственников у меня не осталось. И ради собственного благополучия я должна была заботиться о ней, следить за тем, чтобы с ней ничего не случилось.

Спустя какое-то время дом наконец затих и стало темно, а вскоре и мои слезы прекратились, и злость во мне улеглась. Я встала и взяла малыша из люльки. Затем снова легла на свою импровизированную постель, обнимая ребенка. Но всю эту страшную ночь я не могла сомкнуть глаз до самых первых лучей солнца.

Глава 2

Утром я проснулась от голосов, доносившихся из соседней комнаты. Не шевелясь, я прислушалась, пытаясь разобрать слова. Тут дверь в спальню отворилась, и вошла жена священника, сестра Кларк. В руках у нее была какая-то одежда. Они с братом Кларком служили в Церкви Святости, которую посещала моя семья. Это была милая, жизнерадостная женщина, чуть постарше Хелен, со светло-русыми волосами, зелеными глазами и ласковыми руками. Она положила одежду на край люльки, присела рядом с моей импровизированной постелью и взяла меня за руку.

— Мод, пора вставать. Нужно готовиться к похоронам.

Я не пошевелилась, лишь взглянула на нее. Сестра Кларк взяла ребенка из моих рук.

— Нужно отнести его в похоронное бюро, Мод, надо его приготовить. А ты иди умойся. Я тут принесла тебе кое-какую одежду. Это от твоей подруги Сюзан — она захотела с тобой поделиться. Ведь всё ваше имущество сгорело.

Я встала.

— Всё-всё?

Сестра Кларк сочувственно кивнула.

— Дом сгорел дотла.

Я вспомнила красивое синее платье, что мама сшила мне на день рождения, расшитое бабочками по подолу и краям рукавов. Я надевала его всего один раз. Теперь его больше нет — как и моей куклы с фарфоровой головой. С ней я уже не играла, и все же мне было больно осознавать, что я больше никогда ее не увижу.

Сестра Кларк тоже держала малыша так, будто бы он был живым, и я испытала к ней прилив симпатии. Она вздохнула.

— Учитывая обстоятельства, праздничного бдения не будет. В десять часов в церкви состоится служба.

Я взяла платье, что она принесла. Оно оказалось немного велико, но грех было жаловаться. Сестра Кларк погладила меня по голове.

— Вот и умница. Я останусь с Хелен до окончания похорон. Она не в состоянии идти на службу. Какое-то время ей понадобится твоя забота. Когда оденешься, я покажу, что нужно будет делать.

Потупившись, я кивнула и пообещала себе, что сделаю все, что смогу, для своей сестры, — и потому, что любила ее, и потому, что без Хелен у меня совсем никого не останется и

некому будет обо мне позаботиться.

Сестра Кларк осталась с ребенком. Я отправилась на кухню, набрала в таз воды и отнесла в ванную. Там я сняла одежду, в которой была со вчерашнего дня, и вымылась. Затем надела одежду Сюзан, что принесла мне сестра Кларк.

Одевшись, я вышла и села на крыльцо. Оттуда было хорошо видно, как снуют из спальни Хелен и обратно сестра Кларк и Томми. Лишь один раз я встала — когда Томми оставил дверь спальни открытой. Я тихонько подкралась к двери и заглянула. У постели сидела сестра Кларк и читала вслух Библию. Глаза Хелен были закрыты, будто она спала. Грудь ее мерно вздымалась и опадала, на щеках выступил легкий румянец. Мне стало легче, и я вернулась на свое место и сидела, пока не вернулся Томми. Он сказал, что пора идти. Под глазами у него залегли круги, лицо осунулось.

Когда мы вышли, я взяла его за руку:

— Она поправится, Томми.

Он слабо улыбнулся мне в ответ.

— Ну, раз ты так считаешь…

В тот день Церковь Святости показалась мне не такой, как всегда. Всю свою жизнь я с нетерпением ждала службы. Хор пел светло и радостно, — кроме воскресной заутрени, посвященной Тайной Вечере, когда пели «Преломи хлеб жизни». Они радостно били в ладоши, а потом люди вставали и рассказывали о том, как добр к ним был Господь и как Иисус спас их и изменил их жизнь.

Иногда после проповеди кто-то подходил, чтобы покаяться в каком-нибудь грехе. Мне всегда было интересно, что они такого натворили, но однажды, когда я спросила об этом маму, она шикнула на меня и сказала, что это не касается никого, кроме Бога и грешника. Меня этот ответ устроил.

В тот день не было ни радости, ни веселых песнопений, никто не хлопал в ладоши — только на протяжении всей службы раздавался тихий женский плач. Брат Кларк, как мог, утешал нас. Он был из тех людей, которые немедленно вызывают доверие. Светловолосый, голубоглазый, миловидный. Лет ему было около тридцати. У него было крепкое, мускулистое тело — не от чтения Библии, которому он посвящал каждый день, но от работы на родительской ферме.

В тот день он не прохаживался, как обычно, из стороны в сторону, за кафедрой, и не размахивал руками, а стоял на одном месте и рассказывал о том, как много лет назад брат и сестра Клейборны приняли Господа нашего Иисуса как своего Спасителя и как вся их жизнь была тому живым свидетельством. Он сказал, что они достигли той вершины добродетели, к какой должен

стремиться каждый прихожанин, чтобы жить праведной жизнью без греха. И еще он сказал, что теперь, в этот самый день, они сидят по правую руку Господа, вместе с младенцем, ведь он умер, не успев согрешить.

В ночь накануне я так много плакала, что в церкви слезы уже не шли. В словах священника я нашла утешение, потому что верила в их искренность.

Закончив проповедь, брат Кларк спел еще одну песнь, а затем мужчины подняли на плечи три сосновых гроба. Самый большой из них взяли шесть человек — в нем лежал мой папа. Четверо несли маму, а последний нес перед собой крошечный гробик с младенцем. На улице нас ждала телега. Вслед за ней мы все вместе пешком отправились на маленькое кладбище на окраине города и всю дорогу пели гимны.

Гробы опустили в три заранее вырытые ямы. Брат Кларк еще что-то сказал о том, что все мы из праха и во прах обращаемся, затем помолился об утешении тех, кто остался на этом свете. Один за другим собравшиеся подходили к могилам, каждый брал горсть земли и бросал ее на крышку гроба. Мы с Томми были последними, но я не бросила свою горсть земли — просто не смогла. Мама ненавидела грязь. Я лишь опустила голову, уставившись на ноги Томми, и прошла мимо могил, не глядя на них.

Когда мы с Томми вернулись домой, сестра Кларк отвела меня в спальню Хелен и показала все, что я должна была делать, чтобы за ней ухаживать. Она наконец очнулась и заявила, что сама может о себе позаботиться, но сестра Кларк лишь шикнула на нее и сказала, что, если она хочет поправиться, ей придется следовать указаниям врача.

Она объяснила, как поддерживать в чистоте интимные места Хелен и как мыть ее, обтирая тряпочкой. Еще научила менять белье на постели Хелен, пока она сама там лежит. Я внимательно слушала все ее наставления, чтобы ничего не упустить и все сделать правильно.

Закончив, сестра Кларк быстро меня обняла.

— Будет что-то нужно — скажи. Это ненадолго. Через несколько недель она совсем поправится, и ты снова станешь маленькой девочкой. Пока же ты остаешься за старшую.

Я вдруг подумала: должно быть, в тот последний год, с того момента, как Хелен вышла замуж, мама готовила меня к тому, что мне придется делать. Я решила сразу же приступить к выполнению обязанностей хозяйки. Собрала грязное постельное белье и унесла на задний двор, где стояли две большие лохани: одна — для стирки, другая — для полоскания. Набрала воду,

подогрела ее и сама отнесла к лоханям. Затем настрогала фруктовым ножом мыло в горячую воду, точь-в-точь как мама. Выстирав и развесив белье, я сменила воду и принялась стирать одежду.

Потом приготовила скромный обед на троих — для меня, Томми и Хелен. В доме было полно еды, которую принесли друзья. Кто-то самый умный принес глыбу льда, чтобы продукты дольше оставались свежими. Я нарезала ветчину, отварила картофель и порезала салат. Затем поставила все на поднос и отнесла Хелен. Томми взял свою тарелку и ушел в спальню, чтобы пообедать вместе с ней, а я устроилась за столом на кухне.

Поблагодарив Бога за всех наших друзей и еду, я пообедала в одиночестве и вымыла посуду.

Томми просидел весь день в спальне, а когда Хелен спала, держал ее за руку. В тот же вечер брат и сестра Кларк принесли для меня нормальную кровать, чтобы я больше не спала на полу, и еще связку вещей, пожертвованных прихожанами. Кое-что из вещей было совсем новое. Там было пальто, три платья, а нижнего белья столько, что я могла стирать его всего раз в неделю. Томми со священником поставили кровать в комнату, предназначавшуюся для малыша. Вынося колыбельку в амбар, Томми разрыдался, и брат Кларк похлопал его по спине и заверил, что наступит тот день, когда он внесет люльку обратно.

Какое-то время Хелен была слаба, и я делала все, чтобы ухаживать за сестрой и содержать дом в чистоте. Через несколько недель силы начали понемногу к ней возвращаться, и вскоре она встала на ноги. В психологическом смысле мне не пришлось ей много помогать, но полностью бразды правления домом Хелен взяла еще не скоро. И даже тогда самая тяжелая работа, — стирка и уборка, — остались на мне.

Похоже, мне не суждено было снова стать маленькой девочкой, хотя жизнь мало-помалу возвращалась в прежнее русло. Я снова стала ходить на занятия, а также посещать воскресную школу. Там я встречалась с друзьями, но никогда не приглашала их в гости. В конце концов, я и сама была в гостях, к тому же мне некогда было рассиживаться на крыльце, как делала Хелен до замужества. Слишком много забот было по дому.

Первые месячные начались, когда мне было одиннадцать. Я подняла корзину с бельем и почувствовала, как по ногам стекает что-то теплое. Поставила корзину, заглянула вниз и увидела красные дорожки. Со мной никто никогда не говорил об этом, но я не испугалась. Ведь я стирала белье, и уже знала, что раз в месяц у женщин идет кровь.

И все же я не чувствовала, что уже доросла до того, чтобы

стать женщиной. Кровь я отстирала, помылась, подложила чистую тряпочку и отправилась к Хелен. Она сказала, что это то, что роднит всех женщин. Сев рядом со мной и обняв за плечи, она уверила меня, что знает, каково мне.

— Когда Ева согрешила, Господь наслал на нее проклятье, и теперь каждая женщина должна страдать. Кровь будет идти раз в месяц, в течение пяти-шести дней. В эти дни нельзя мыться, сидя в ванне, или мыть голову, не то заболеешь. Грустно, что у тебя они начались так рано. У некоторых девочек они приходят только в пятнадцать — вот уж кому повезло!

Затем Хелен разорвала несколько тонких старых полотенец на полоски и вручила их мне, объяснив, что с ними делать и как содержать свое тело в чистоте. Ведя хозяйство, я привыкла к женскому труду, а теперь и мое тело превращалось в женское. Ни то ни другое не приносило мне счастья, но ничего поделать было нельзя.

В двенадцать лет у меня начался роман с Джеймсом Коннором. Мне он всегда нравился, и, думаю, это было заметно, потому что даже в детском саду папа то и дело подтрунивал надо мной. Однако до сей поры Джеймс не обращал на меня внимания.

В городе была всего одна школа, поэтому мы виделись каждый день. Еще он вместе с семьей посещал Церковь Святости — ту самую, куда ходили и мы. Он был на несколько лет старше, и я сразу же поняла, что теперь ему нужна совсем другая дружба. Для своего возраста я была высокой, почти как взрослая женщина, и тело мое рано расцвело. Я была не как Хелен — хрупкая, с тонкой талией, — а крепкая, как мой отец.

Джеймс был светловолосым, с ярко-синими глазами, и таким высоким, что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. И мне это нравилось: на его фоне я не казалась такой крупной. Лицо у него было простое, как у меня, но миловидное, улыбчивое и очень обаятельное.

С ним я чувствовала себя особенной. Когда мы пересекались в школе и он меня замечал, его лицо тотчас же озарялось, показывая, как он рад меня видеть. Никогда я не замечала, чтобы он обращал внимание на другую девушку, но при каждой встрече со мной его лицо озарялось улыбкой. Однажды, когда мы шли из школы домой, он взял меня за руку. Мне это понравилось, но на следующий день нас начали дразнить, и он больше этого не делал.

После рождения мертвого ребенка Хелен беременела, по крайней мере, раз в год, но всякий раз на второй или третий месяц у нее случался выкидыш. После этого она запиралась у себя в комнате на несколько дней и плакала. С каждым разом ее

уверенность в способности доносить ребенка становилась все слабее. Томми обнимал ее и утешал, напоминая о словах врача о том, что рано или поздно у них родится здоровый малыш.

Когда мне было тринадцать, у Хелен в очередной раз наступила задержка. Третий месяц миновал без происшествий, и все затаили дыхание. Доктор Уилсон велел ей по возможности соблюдать постельный режим, что она и делала. Я снова осталась единственной работающей женщиной в доме. Вставала ни свет ни заря, с первыми петухами, готовила завтрак на троих, а также обед — для Томми, который брал его с собой на работу, и для Хелен; его я убирала в ледник, чтобы не испортился. Вернувшись из школы, я наводила порядок и делала прочую работу по дому, потом разогревала обед. По субботам стирала и готовила ужин на воскресенье — обычно это была жареная курица, кукурузный хлеб и картофельный салат. В воскресенье я старалась ничего не делать, разве только самое необходимое.

Пережив без происшествий третий месяц беременности, Хелен заметно повеселела. На пятый месяц животик у нее округлился, и Томми тоже слегка выдохнул. Вернувшись с работы, он целовал жену, прикладывая ладонь к ее большому животу, и разговаривал с ребенком. Он был уверен, что снова родится мальчик.

Днем Хелен сидела в своей постели и читала или болтала с подругами, которые приходили ее навестить. Я хотела присоединиться к ним, но не могла: нужно было вести хозяйство. И теперь, входя в комнату к Хелен, когда там были подруги, я снова чувствовала себя чужой, совсем как в детстве.

Закончив уборку после обеда, я, бывало, усаживалась с Джеймсом на переднем крыльце. Он был занят не меньше моего: доучивался последний семестр и собирался поступить на работу в лавку своего отца. Пока по субботам я убиралась, он играл в бейсбол. В субботний вечер он приходил в гости, и нам приходилось изо всех сил соблюдать дистанцию, следить за тем, чтобы наши стулья стояли не слишком близко друг к другу. Нам не хотелось, чтобы о нас пошли пересуды.

Рассказывая о бейсболе, Джеймс не мог скрыть своего восторга.

— По всей стране открывают стадионы, Мод! Есть команды разных уровней. Настоящие профессионалы играют в высшей лиге, и там, чтобы заработать, не нужно делать ничего — просто мяч гонять. Только представь: тебе платят за то, что ты играешь! Потом — то, что называется низшая лига, где тебя тренируют настоящие тренеры и готовят тебя к высшей лиге. Наш нынешний уровень — один городок против другого — это самый низ.

Все это он мне уже рассказывал, но я все равно слушала. Мне нравилась его страсть к игре.

— Иногда кого-нибудь отправляют посмотреть, есть ли ребята, достойные играть на профессиональном уровне, — рассказывал он с мечтательным видом. — Один такой приезжал недавно к нам, Мод. Смотрел, как мы играем. После игры подозвал к себе троих — Генри Грэя, Фила Фуллера и меня. Стал расспрашивать о том о сем, потом сказал, что еще вернется. Вот чем я хочу заниматься, Мод! Больше всего на свете мечтаю играть!

Тут я подумала об отце Джеймса: он держал лавку фермерских товаров.

— А как же отцовская лавка? Он ведь ждет, что ты когда-нибудь примешь ее у него? Отпустит он тебя играть?

— Отец не такой, он не станет мешать мне заниматься любимым делом. К тому же когда-нибудь я и впрямь вернусь и займусь магазином — но не раньше, чем состарюсь и не смогу больше играть.

Тут Джеймс взял меня за руки и заглянул в глаза.

— А чего хочешь ты, Мод? Какой ты видишь свою жизнь?

Этот вопрос застал меня врасплох — я даже не сразу нашлась, что ответить. Спустя мгновение он переспросил:

— Мод?

Я смущенно хихикнула.

— Никто еще не спрашивал меня, чего я хочу, Джеймс. Ни разу. Всю свою жизнь я делала то, чего хотели от меня другие. Как будто я попала в бурный поток, которому легче поддаться, чем побороть.

— Ну, вот я тебя спрашиваю. Каким ты видишь свое счастье?

Я улыбнулась и посмотрела на облака. С минуту я обдумывала свой ответ.

— Я хочу закончить школу и отправиться куда-нибудь еще. Я слышала о городах, где от одного конца до другого нужно идти несколько дней. Я читала об океанах, таких больших, что даже самой большой и быстрой лодке нужно несколько недель, чтобы их переплыть.

Он молчал, и через несколько секунд я добавила:

— А потом мне бы хотелось иметь собственный дом, где я повесила бы на окна красивые занавески. Хочу выйти замуж за хорошего человека и растить детей, и состариться в кругу семьи.

Какое-то время мы сидели молча, каждый думал о своей мечте, пока не вышла Хелен и не напомнила Джеймсу, что уже поздно и что у меня еще много дел.

Мать и отец Джеймса хорошо ко мне относились. Они

поощряли нашу дружбу и хвалили меня за то, как я забочусь о Хелен и веду хозяйство. Они радовались, что их сын выбрал меня.

Нам с Джеймсом было очень хорошо вместе, пусть даже эти мгновения выдавались редко. Наше будущее, казалось, было определено. Мы никогда не говорили о нем, но я ждала, что после окончания школы Джеймс сделает мне предложение. Хотя до того момента было еще целых три года.

Шестой месяц беременности Хелен прошел гладко, а за ним — седьмой и восьмой. Она говорила, что малыш постоянно шевелится. Иногда сестра хватала меня за руку и прижимала ее к животу. Я чувствовала, как внутри толкается что-то маленькое. Хелен была счастлива.

— Генри Матиас никогда так себя не вел — он едва шевелился. Я знаю: с этим все будет хорошо.

Я улыбалась и радовалась вместе с ней: мне не меньше, чем Хелен и Томми, хотелось, чтобы ребенок выжил.

Когда до рождения осталась неделя или две, Хелен охватила паника, и она то и дело спрашивала врача:

— Доктор Уилсон, вы уверены, что все в порядке? Откуда вы знаете? Еще не пора?

Он улыбался ей, как маленькой:

— Ты ведь знаешь, как говорят, Хелен: ребенок что яблоко — когда созреет, сам упадет. Не волнуйся, я о тебе позабочусь. И Томми, и Мод тоже.

Томми принес из амбара люльку, и я помыла ее и почистила, а потом поставила на прежнее место в своей комнате, подвинув кровать к стене, чтобы освободить место. Вытащила свои вещи из двух ящиков, расчищая пространство для маленького приданого, что я ему приготовила. Благодаря занятиям с мамой, я неплохо шила и за это время наделала малышу множество крошечных сорочек и чепчиков. Конечно, они отличались от покупных — без вышивки и прочего, — но швы были ровными, прочными, и одежки шились с любовью.

Однажды, вернувшись со школы, я застала Хелен сидящей на краешке постели. Вся покрытая испариной, она с трудом глотала воздух.

— Вызови врача! — выдавила она.

Я выбежала из дома и со всех ног помчалась к дому доктора, до которого было целых четверть мили. Его кабинет с маленькой приемной и смотровой располагался в пристройке к дому. Дверь была открыта, но его там не было. В приемной ждали люди — я видела их в церкви. У одного голова была повязана, и из-под повязки сочилась кровь.

— Где он? — заорала я. — Пусть скорее приходит! У Хелен

начались роды!

Все они знали, что случилось в первый раз: их порезанные пальцы подождут. Один человек встал.

— Доктор зачем-то вышел в магазин, всего с минуту назад. Я пойду его позову.

Я выбежала из пристройки и припустила обратно домой. Прибежала вся в поту и едва дыша.

— Доктор Уилсон будет через несколько минут. Что, совсем плохо? — спросила я.

Хелен с трудом кивнула, губы ее скривились от боли.

Я вспомнила прошлый раз.

— Пойду все приготовлю.

Я убежала на кухню, набрала полный таз воды и поставила на печь, но огонь никак не занимался. Я выскочила на крыльцо, цапнула пару поленьев, сложенных там же, и закинула их в печь. Кое-как занялось слабое пламя. Довольная результатом, я крепко захлопнула дверцу и бросилась за полотенцами. Остановившись на секунду, выглянула в окно проверить, не идет ли доктор, но его не было видно.

Хелен легла на спину, подтянула коленки и пристально уставилась на меня, глаза в глаза.

— Начинается, Мод. Где доктор?

Я снова выглянула в окно, но его по-прежнему не было.

— Держись, Хелен, он сейчас придет.

Взгляд у нее стал диким.

— Я не могу! Я сейчас рожу!

Сделав глубокий вдох, я отдернула одеяло. Я уже вдоволь насмотрелась на интимное место Хелен, но теперь мне нужно было знать, что происходит. Хелен была права: малыш уже выходил на свет. Вот показалась крошечная головка. Он не кричал. Мне нужно было ему помочь.

— Ты права, Хелен, ждать больше нельзя. Когда снова начнутся схватки, постарайся вытолкнуть его, чтобы я могла его ухватить.

Хелен зажмурилась и напряглась изо всех сил. Показались плечики малыша. Я потянула, — видела, как в прошлый раз это делал доктор Уилсон, — но он был таким скользким, что мне никак не удавалось его ухватить. Хелен снова сделала глубокий вдох и снова потужилась. Ребенок вышел еще немного, я взяла полотенце, обернула его и попыталась снова, и наконец, извлекла его целиком. Это была девочка. Я завернула ее в полотенце. Она не плакала и была вся синяя. Правой рукой я придержала крошечную шейку и перевернула ее вниз головой. Потом легонько встряхнула, но она так и не заплакала. Я несколько раз

подула ей в ротик, совсем как врач в прошлый раз. Ребенок кашлянул прямо мне в рот и испустил душераздирающий крик. Это было самое прекрасное, что я слышала в своей жизни. Хелен откинулась на подушки.

Когда я подняла глаза, в комнату вошел взволнованный доктор Уилсон. Ребенок все еще кричал, и от этого крика уши сворачивались в трубочку. Доктор достал из чемоданчика инструменты, перетянул пуповину и перерезал ее. Затем взял меня за руку и отвел на кухню.

— Мне нужно позаботиться о Хелен. Заверни ребенка и отнеси на кухню. Вымой ее, да смотри, чтобы не простудилась.

Я с радостью принялась исполнять его указания. Держа малышку одной рукой, другой я соорудила на кухонном столе подстилку из свернутого одеяла. Затем набрала в таз теплой воды и искупала ребенка, смыв с него всю послеродовую слизь. Потом запеленала и завернула в одеяльце — я видела, как это делали мамочки в церкви. Все это время малышка не переставала кричать, и от этого крика сердце мое наполнялось радостью, ведь он означал, что она жива и здорова, что все у нее будет хорошо. Я испытывала такую гордость при виде этого совершенного крошечного тельца, словно это мой собственный ребенок. Она была идеального размера, кругленькая и розовая. Головка покрыта светлым пушком, того же цвета, что и у Хелен. Это была здоровая и красивая малютка.

Врач наконец закончил с Хелен и пришел ко мне — я сидела и качала ребенка в углу кухни. Девочка сладко спала, а я наблюдала за каждым ее вдохом.

— Ты отлично справилась, юная леди. Я и сам не смог бы лучше. Хелен рассказала, как ты вдохнула в нее жизнь.

От такой похвалы я просияла. Пожалуй, это был самый важный поступок всей моей жизни.

Глава 3

Словами не передать, как я любила эту малышку. После занятий я со всех ног мчалась домой, чтобы помочь Хелен. Она назвала дочку Фейт, в честь мамы, и от этого я любила ее еще сильнее. Я купала и переодевала малютку, пододвинула люльку к своей кровати, чтобы качать ее и петь колыбельные, если она просыпалась по ночам. Когда приходило время кормить, я относила ее к Хелен, та прикладывала ее к груди, а я уходила. Это было единственное, чего я не могла делать, и именно это было самым важным. Я завидовала Хелен.

Однажды, когда маленькой Фейт было несколько месяцев, я услышала, что Томми и Хелен планируют купить для нее кровать побольше: она уже начала вырастать из люльки.

— Две кровати в комнате просто не поместятся! — говорил Томми немного раздраженно.

В следующее воскресенье Джеймс Коннор, как обычно, провожал меня из церкви домой, но почти всю дорогу молчал. Год назад он закончил школу и теперь был все время занят: днем работал с отцом в лавке, по выходным играл в бейсбол и все ждал, что агент сборной исполнит свое обещание и вернется. Я несколько раз заводила разговор, но он не клеился, так что в конце концов я замолчала и лишь шла рядом с ним, наслаждаясь его обществом.

Дойдя до дома Хелен, мы увидели на крыльце родителей Джеймса вместе с Хелен и Томми. Я не могла сдержать удивления: они никогда раньше к нам не заходили. Когда мы с Джеймсом подошли, они встали.

— Пойдемте на кухню, — предложил Томми. Все четверо проследовали в дом, мы с Джеймсом — за ними. Женщины сели за стол, Томми жестом указал Джеймсу на последний стул. Мистер Коннор встал позади жены, Томми — сзади Хелен.

Взрослые переглянулись. Томми прокашлялся и начал свою речь — чувствовалось, что он долго готовился.

— Мод, ты теперь взрослая, пора тебе вступить на собственный путь. Мы знаем, что ты очень привязана к Джеймсу, а он к тебе. У него хорошая работа, и он может о тебе позаботиться. Брат и сестра Коннор хорошо к тебе относятся, и мы все думаем, что пора вам пожениться.

Джеймс посмотрел на меня с широкой улыбкой. Он с самого начала обо всем знал, и тут до меня дошло, почему он молчал всю дорогу. Разумеется, меня разозлило, что он утаил это от меня, и чтобы успокоиться, мне пришлось несколько раз глубоко

вдохнуть. Все пристально смотрели на меня в ожидании моего ответа. Наконец я прошептала:

— А как же школа? Мне ведь учиться еще целых три года.

Томми покачал головой:

— Ты почти закончила девятый класс. Для девочки этого достаточно.

Сердце у меня упало. Я посмотрела на него.

— Но Хелен-то ведь доучилась! Ты ведь ее дождался!

— Так решили твои родители, совсем другое дело. У них были свои методы. Так будет лучше для всех.

Я поняла намек: Томми хотел, чтобы я съехала. Я коротко кивнула.

— Когда вы хотите сыграть свадьбу? Можно мне хотя бы закончить семестр?

— Ну конечно. А потом организуем самую настоящую свадьбу, отпразднуем в церкви.

Джеймс взял меня за руку и улыбнулся.

— Я буду тебе хорошим мужем, Мод. Обещаю.

Я через силу улыбнулась: придется ему поверить.

До окончания семестра оставалось шесть недель. Хелен отвела меня в универмаг, чтобы подобрать ткань для свадебного платья, и я выбрала светло-голубую, без рисунка. Хелен взяла еще рулон белой фильдеперсовой ткани и положила на прилавок.

— Еще шесть ярдов вот этой, пожалуйста, — попросила она. Затем шепнула мне на ухо: — Нужно ведь еще сшить тебе красивое нижнее белье.

Я скроила платье и аккуратно сшила его, стараясь, чтобы стежки ложились ровно, совсем как у мамы. Закончив, я расшила платье маленькими белыми цветочными цепочками по подолу и краям рукавов. Я была чрезвычайно горда собой: такой красивой вещи у меня никогда не было. Затем связала кружевную оборку по краям своего нового нижнего белья и сорочки. На своей свадьбе я буду не хуже какой-нибудь богатой барышни, думала я.

Джеймс в эти шесть недель приводил в порядок маленький однокомнатный флигель на заднем дворе родительского дома. Их дом был довольно большим для нашего городка. От входной двери на второй этаж вела широкая лестница: там располагалось четыре спальни. На первом этаже слева была беседка, а справа — столовая. В дальней части дома — ванная и кухня и крытая веранда, выходившая на задний двор, восемь футов в ширину, опоясывавшая весь дом.

Наш флигель был площадью где-то 20 квадратных футов[1], с камином и четырьмя окнами, по одному на каждой стене и по бокам от двери. За домиком был даже собственный туалет.

Джеймс выкрасил оба здания снаружи и внутри, положил во флигеле новый деревянный пол и заново остеклил окна. Матушка Коннор не понимала, почему мы не можем просто жить в доме вместе с ними, но Джеймс настоял на том, чтобы у нас было собственное жилище, и правильно сделал. Тогда я еще не знала той истины, что двум женщинам под одной крышей не ужиться, но поняла ее много позже.

Родители дали ему стол, два стула и диванчик. Было решено, что в день свадьбы Томми привезет мою кровать и бюро, которое он и Хелен собирались подарить нам на свадьбу.

В пятницу я окончила девятый класс, а на следующий день, в пять часов, была назначена свадьба — таким образом мужчины могли закончить свою работу и подготовиться к церемонии. Именно в то утро, когда я одевалась, Хелен и сказала мне эту сакраментальную фразу:

— Что бы он ни захотел сделать, ты должна будешь ему это позволить.

Все прихожане нашей маленькой церкви собрались на свадьбе. Брат Кларк велел мне произнести слова Руфи, которые я затвердила наизусть:

«Куда *ты* пойдешь, туда и я пойду, и где *ты* жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом».

Я пообещала любить Джеймса и слушаться его, а он — любить меня и заботиться обо мне. Я надеялась, что у нас с Джеймсом сложатся те же отношения, что и у моих родителей, и, как я полагала, у брата и сестры Кларк. Я много раз видела, как они стояли рядом, держась за руки, и с какой любовью сестра Кларк смотрела на своего мужа. Так же было и у мамы с папой.

Женщины на церемонии плакали. На вечеринке у Конноров мужчины хлопали Джеймса по спине, тыкали в ребра и обменивались многозначительными взглядами. От этого мне было не по себе. Я плохо представляла, в чем заключаются супружеские обязанности. Лишь от своих подружек я слышала о том, чем занимаются муж и жена, но они знали не многим больше моего.

Каждая семья принесла нам по подарку. Тут было и постельное белье, и масляные лампы, и большие чаши. Подарки были небогатые, но мы все равно им радовались. Никогда прежде я не ведала такого теплого обращения.

После службы и вечеринки мы с Джеймсом отправились во флигель. Томми уже привез мои вещи, кровать и бюро, и еще — красивый кедровый сундук, который он сделал для меня в качестве подарка. Сундук был на гнутых ножках, с обтянутыми

кожей ручками. Хелен сложила туда все мое рукоделие — все, что я смастерила за последние два года: как и все девочки, мы с подружками начали готовить приданое в 12 лет и обсуждали, чего бы нам хотелось, в красках и подробностях.

Хоть я и любила Хелен и ее дочурку Фэйт, но всегда мечтала о собственном доме и своей семье. Все деньги, что давала мне Хелен за последние годы, я тратила на ткани и рукоделие, пополняя содержимое сундука. Это было самое настоящее приданое, и я радовалась, что эти деньги не разошлись на ленты и конфеты, как у моих подружек. В сундуке было не так много, как мне хотелось бы, но и деньги мне давали нечасто, к тому же я не ожидала, что так рано выйду замуж.

Некоторое время мы с Джеймсом расставляли мебель по местам и раскладывали вещи. Вечер выдался теплый, так что огонь в камине мы не разжигали. Когда солнце начало садиться, Джеймс зажег масляную лампу. Я изо всех сил делала вид, что ужасно занята, но в конце концов дел не осталось: день был долгим. Джеймс, краснея, пробормотал:

— Кажется, пора в постель.

Сердце у меня заколотилось. Мне было и страшно, и любопытно.

— Пожалуй, — согласилась я. Достав свою сорочку из бюро, я положила ее на кровать и оглянулась в поисках места, где можно было бы переодеться. Флигелек был очень уютный, но уединиться и сменить платье на сорочку было совершенно негде. Джеймс уловил мое смущение.

— Э-э, мне нужно выйти. Я на минуточку.

— Хорошо, — улыбнулась я.

И хотя Джеймс вышел, я сперва накинула сорочку, и лишь затем расстегнула и сняла платье. Потом повесила его на вешалку, сняла остальную одежду, стянула чулки и уложила их в туфли. Отвернув одеяло, я забралась в постель, пододвинувшись ближе к стене.

Через несколько минут вошел Джеймс. Он поставил лампу на прикроватный столик и погасил ее. В лунном свете, проникавшем через окно, я видела, как он раздевается. Потом он лег рядом со мной, и я вспомнила слова Хелен.

Джеймс уткнулся носом мне в шею. За все наше знакомство мы только и делали, что держались за руки да быстро поцеловались в церкви, когда нас объявили мужем и женой.

Мне нравилось прикосновение его губ. Я слегка склонила голову, чтобы он понял, что мне приятно. Затем он положил руку мне на грудь, я подумала о том, что сказала Хелен, и все мое тело напряглось. Джеймс убрал руку.

— Я люблю тебя, Мод. Обещаю, что никогда не сделаю тебе больно.

Я лежала в темноте рядом с ним, и причин сомневаться в его словах у меня не было.

— Я знаю, — прошептала я. И он сдержал обещание.

Глава 4

На следующее утро я проснулась, услышав, как кто-то рубит дрова. В камине потрескивал огонь, в котелке на крючке кипела вода. Вошел Джеймс с большой охапкой поленьев и положил их в коробку рядом с очагом.

— Доброе утро. — Он сел на краешек постели, наклонился и поцеловал меня в щеку. — Теперь мы женаты, и я могу целовать тебя каждый день, даже по воскресеньям.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу, и улыбнулась ему. Он мягко взял меня за подбородок.

— Как ты? Все в порядке?

Я поняла, что он имеет в виду, и покраснела еще сильнее.

— Да, все хорошо.

Он кивнул, взял со стола небольшой сверток из белой бумаги и протянул мне.

— Мама дала немного кукурузной крупы, чтобы мы приготовили завтрак. Обедать будем в доме, после церкви.

Он встал, достал из кармана мелочь и протянул мне.

— Вот деньги, можешь купить то, что нужно для завтрака. Мама сказала, что мы можем пользоваться их ванной, пока не купим свою.

Я молча посмотрела на деньги. Когда я покупала для Хелен продукты и прочее, я просто просила продавца записать все в свою книгу. Внезапно меня осенило: теперь я по-настоящему стала хозяйкой в доме. Я ощутила собственную власть.

Джеймс, неправильно истолковав мое молчание, нахмурился:

— Этого хватит?

Я аж подскочила: я так крепко задумалась, что его голос застал меня врасплох, практически выведя из забытья. Я посмотрела на него широко открытыми глазами:

— Наверно, да. Вообще-то я не знаю, сколько нужно, но думаю, этого будет достаточно.

— Видимо, нам обоим нужно многому научиться, Мод. Мама с папой нам помогут. Все будет хорошо. — Он притянул меня к себе, и я прильнула к его плечу. Джеймсу было всего восемнадцать, но мне он казался таким надежным и сильным. Сердце мое переполнилось любовью к нему. Он был моим мужем и уже подарил мне собственный дом.

— Я знаю.

Одевшись, я набрала воды в кастрюльку и сварила кукурузную кашу. Мы съели ее без молока и сахара. В понедельник надо будет их купить. Позавтракав, мы оделись и

отправились в церковь вместе с родителями Джеймса.

Я не могла отделаться от ощущения, что на меня все таращатся. Как будто ждали, что я сделаю какое-то объявление. Некоторые женщины смотрели на меня с такой грустью, что я невольно задалась вопросом: о чем они думают? Джеймса опять хлопали по спине и тыкали под ребра, в ответ он робко улыбался позволяя им наслаждаться ощущением братства женатиков.

Я поздоровалась с подружками, но в то утро они казались мне другими. Я поняла, что оказалась там, куда им пока вход заказан, и наши отношения навсегда утратили детскую непосредственность.

Джеймс хотел ласк почти каждую ночь. Я не понимала, что он чувствует и почему хочет этим заниматься, но он был нежен и быстро заканчивал, и мне нравилось, когда он меня обнимал. Прошло четыре месяца после свадьбы, а он так ни разу и не видел меня без сорочки, хотя я уже его не стеснялась. Он всегда отводил глаза, чтобы не смущать меня, но из комнаты уже не выходил.

Однажды ночью, когда я уже начала расстегивать платье, он сел на стул и посмотрел на меня. Я все ждала, когда он отвернется, как обычно, но он смотрел и смотрел.

— Продолжай, Мод. Я хочу тебя видеть.

Точно знаю, что покраснела. Я чувствовала, как залилось краской лицо, но все же отпустила платье, оно упало на пол, и я вышла из него. Потом подобрала платье и повесила на спинку стула. Затем расстегнула нижнюю сорочку, сбросила, вышла из нее и осталась совершенно голой, уставившись в деревянный пол.

Джеймс встал и обнял меня, затем наклонил мою голову и поцеловал.

— Мод, ты хорошая жена и еще ни разу мне не отказывала, но я знаю, что ты чувствуешь не то же самое, что я. Я говорил об этом с братом Кларком, и он сказал, что супружеский долг благословлен и мы оба должны получать удовольствие. Он все мне рассказал в подробностях.

Джеймс отступил назад и разделся. Я никогда не видела его член при свете и невольно уставилась на него, а его это, похоже, нисколько не смущало. Его вид, кажется, немного меня успокоил. Он подвел меня к кровати и сделал все, чему его научил священник. В ту ночь впервые за все время я поняла, почему ему это так нравилось, и вечно буду благодарна брату и сестре Кларкам.

Единственное, что печалило меня, — это то, что я так и не окончила школу. В остальном же я была несказанно счастлива. Нам было хорошо вместе.

Каждое утро Джеймс уходил в лавку. Я делала домашние

дела, ходила в магазин, шила или занималась чем-нибудь еще. Помогала матушке Коннор по саду, точно так же, как когда-то помогала своей матери. Ели мы скромно, но я знала, что хорошо готовлю. На завтрак обычно ели кукурузную кашу или овсянку, кроме воскресенья, когда у нас была овсянка и яйца. Джеймс приходил домой обедать. Мне хватало кастрюлек и горшочков, чтобы готовить ему разнообразные блюда. Первое мы ели на обед, а остатки накрывали салфеткой и оставляли на ужин.

Я мечтала о том, чтобы иметь настоящую печку, как у мамы. С камином особенно не разбежишься — только супы да жаркое. По воскресеньям я готовила лишь на завтрак (поскольку в субботу я помогала матушке Коннор стряпать на все воскресенье, и, вернувшись домой из церкви, мы лишь разогревали приготовленный заранее обед и ели вместе с родителями Джеймса).

Я гордилась тем, каким чистеньким и опрятным был наш флигелек. Джеймс соорудил курятник на заднем дворе, чтобы у нас была своя птица, а я развела рядом огородик, где посадила то, чего не было у матушки Коннор, — например, салат. Еще посадила цветы у крыльца и по обеим сторонам дорожки, ведущей во флигель.

Мне нравились родители Джеймса, и я не стеснялась обращаться к его матери за советом по огороду и другим вопросам. Между нами возникла естественная женская привязанность. Иногда мы вместе готовили, и я вспоминала о тех временах, когда трудилась на кухне вместе со своей мамой.

По вечерам я частенько ходила к Хелен и играла с ее дочкой. С каждым днем Фэйт все больше походила на свою мать и бабушку. Волосы ее начали завиваться в мягкие кудряшки. Я обожала свою маленькую племянницу. Когда подходило время сна, я качала ее на кухне, как в ту ночь, когда она родилась. Лишь когда девочка уже совсем клевала носом, я относила ее в комнату и гладила по голове, пока она не заснет.

Хелен покупала остаточные лоскуты ткани в магазине, и я все шила и шила платьишки для Фэйт. Хелен и сама неплохо шила, как и другие женщины в городке, но ей это не доставляло такого удовольствия, как мне.

Дни становились все короче, а жечь масло было слишком дорого, поэтому после ужина мы с Джеймсом выходили на крыльцо перед флигелем и засиживались допоздна. Говорили о его работе в лавке, о людях, которых он видел каждый день, о наших мечтах.

По субботам он играл в бейсбол. Он так и не оставил надежды попасть в профессиональный спорт. Шел 1906 год, у

Национальной лиги появился конкурент: Американская лига. Бейсбольная лихорадка охватила страну. Даже за океаном, в Европе, начали формироваться команды.

Однажды — был конец сентября, — раскладывая кукурузную кашу по тарелкам, я внезапно ощутила приступ тошноты. Я едва успела добежать до двери и извергнуть из себя густую желтую жидкость. Горло жгло. Я прислонилась к перилам крыльца и долго так стояла, наконец сплюнула накопившуюся слюну, чтобы избавиться от противного вкуса. Через несколько минут мне полегчало, и я вернулась в дом. Зачерпнула черпаком воду из ведра и выпила, чтобы горло перестало жечь.

На следующее утро история повторилась. К концу недели меня тошнило по три раза на дню, в основном по утрам. Джемс рассказал своей матери, и миссис Коннор пришла ко мне во флигель. Она пристально с улыбкой посмотрела мне в глаза.

— Когда у тебя в последний раз были месячные, Мод? — спросила она.

Я задумалась.

— Где-то восемь-девять недель назад.

— Ну, теперь тебе лучше не напрягаться, по крайней мере, пока не минует третий месяц. Не таскай воду и не поднимай тяжестей — пусть этим займется Джеймс. Ты ведь не хочешь, чтобы с ребенком что-нибудь случилось.

Я уставилась на нее.

— С ребенком?

— С ребенком! — рассмеялась миссис Коннор. — Ты что, не знала, что беременна? Думаю, к началу весны ты станешь мамой.

Теперь мне все стало ясно. Я вспомнила, как страдала по утрам Хелен всякий раз, как попадала в это положение. Я схватила матушку Коннор и стиснула ее в объятиях. Я была невероятно счастлива: у меня будет свой ребенок! О большем я не могла и мечтать.

Когда Джеймс пришел домой, я тут же сообщила ему новость, не в силах больше ждать. Он улыбнулся мне во весь рот: он и сам это подозревал.

— Как думаешь, стоит перестроить флигель, чтобы у него была своя комната?

Я покачала головой.

— Не сейчас, может быть, на будущее лето. Я хочу, чтобы малыш спал рядом со мной, обнимать его и знать, что с ним все в порядке.

Джеймс притянул меня к себе и поцеловал в лоб.

— Скажи, если что нужно. Лучше не рисковать — мы ведь хотим, чтобы он был большим и здоровым.

— Я буду беречься. Твоя мама не велела мне теперь несколько месяцев поднимать тяжестей, вроде ведер с водой.

Я не сказала Джеймсу о своих мыслях насчет пола ребенка, чтобы не расстраивать его. Все мужчины хотят сыновей, особенно если это первенец, но в глубине души я уже знала, что ношу под сердцем девочку. Я надеялась, что она будет похожа на мою маму и с такими же светлыми кудряшками, как у Фэйт.

В ту ночь, раздевшись, я приложила ладонь к животу, закрыла глаза и представила, что ребенок слышит меня.

— Я буду любить тебя и заботиться изо всех сил. Шить тебе платьишки и сорочки, расшитые цветочками, а когда твои волосики отрастут, если они не будут кудрявыми, я буду завивать их каждый вечер.

Я погладила живот, где зарождалась бесценная жизнь, и улыбнулась сама себе. Я была безмерно счастлива.

Через несколько недель утренняя тошнота отступила. Я была рада, что мне не пришлось страдать, как Хелен — почти до самого конца беременности. Вскоре одежда стала тесна в талии. Мне приходилось завышать пояс, чтобы платья были свободнее. Мать Джеймса накупила мне фартуков и новой ткани.

— С фартуком тебе не придется застегивать платье на талии, так можно будет проходить некоторое время. Я купила тебе ткани — хватит на два платья, они тебе пригодятся, когда перестанешь влезать в прежние. Родится ребенок — перешьешь их в обычные.

Я была ей так благодарна! Никогда в жизни я не получала сразу два новых платья. Одно можно будет носить, а другое постирать. Я обняла свою свекровь со слезами на глазах.

— Вы так ко мне добры! Спасибо большое!

Матушка Коннор похлопала меня по спине.

— Ты хорошая девочка, Мод. Я вижу, что Джеймс с тобой счастлив. Дома у тебя чисто, ты хорошо готовишь, и мой мальчик ходит повсюду довольный. О лучшей невестке нельзя было и мечтать.

Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Приятно, когда тебя ценят. Я слышала, что некоторые девушки ненавидят своих свекровей, и чувствовала себя счастливейшей из жен.

Зима в тот год выдалась мягкая. Снег падал, но не лежал подолгу. Флигелек быстро прогревался, но Джеймс все равно держал поленницу полной. Однажды он принес гладкую широкую доску футов восемь в длину. Положил ее на переднее крыльцо, развернул коричневый бумажный трафарет и перенес схему на дерево. Затем разрезал на планки, отшлифовал края и собрал детали вместе. Накинув одеяло поверх пальто, я сидела и смотрела, как он работает, хотя уже поняла, что это будет:

люлька! Я испытала страшную гордость — не знала, что он умеет делать такие вещи. Он поставил ее передо мной.

— Думаю, на какое-то время ему хватит.

— Какая красивая! Мне нравится!

Джеймс внес люльку в дом и поставил в углу, у кровати. Он легонько толкнул ее, и она долго качалась сама по себе.

— Вот как можно понять, что дно ровное: качается мягко, — объяснил Джеймс. Видно было, что его переполняет гордость за свое творение. Я обняла мужа и прильнула к его плечу. Ребенок как раз повернулся у меня в животе, и Джеймс чувствовал, как он толкает его в бок.

— Совсем скоро он появится на свет. Хорошо, что у нас есть кроватка.

Я улыбнулась. Да, хорошо, что у нас есть кроватка для моей малютки. Я была счастлива — безумно, безмерно счастлива.

Глава 5

Как и говорила миссис Коннор, первые схватки у меня начались, когда почти наступила весна. Был ранний вечер, схватки были легкие, с интервалом где-то в полчаса. Я разговаривала с женщинами в церкви об их родах, видела, как рожала Хелен, поэтому не боялась. Малыш появится еще нескоро.

Когда Джеймс вернулся из лавки, я сидела в кресле-качалке на крыльце.

— Меня весь вечер крутит, — призналась я ему. — Думаю, ребенок уже на подходе.

Лицо Джеймса побелело, рот открылся.

— Я сейчас же позову доктора Уилсона!

Я расхохоталась.

— Нет нужды спешить. Думаю, это случится не раньше завтрашнего дня. Скажи ему, что схватки начались, и маме своей тоже скажи. Она захочет нам помочь.

— Мама еще не вернулась из Юнион-сити, ухаживает за своей сестрой. Папа сказал, она вернется сегодня или завтра, но точно мы не знаем.

— Ну, все равно предупреди доктора Уилсона. Он сам скажет, когда нужно будет его позвать. Я же говорю, ребенок родится не раньше завтрашнего дня. Может быть, твоя мама к тому времени уже вернется. Я знаю, она вряд ли захочет такое пропустить. Дай мне свои часы.

Настенных часов у нас не было, и я определяла интервал схваток на глазок. Он вынул часы из кармана и протянул мне, повернулся и побежал к доктору. Я улыбнулась ему вслед, глядя, как Джеймс несется на всех парах.

Через несколько минут он прибежал обратно.

— Док Уилсон ушел на ферму Миллеров. Сестра Миллер тоже сегодня рожает. Сестра Уилсон сказала, что он должен скоро вернуться, потому что у Миллеров это пятый ребенок, так что роды пройдут легко.

Вид у него был испуганный, а мне было совсем не страшно. Я взяла его за руку. Нужно было чем-нибудь занять его, чтобы отвлечь.

— Доктору Уилсону понадобится много воды, горячей, и еще чистые полотенца и покрывала. Может, разожжешь огонь посильнее и начнешь таскать воду?

Джеймс с видимым облегчением принялся исполнять указания. Вбежал во флигель, взял ведро и принялся бегать к колодцу и обратно. В первый раз он бежал так быстро, что

расплескал половину ведра. После этого он перешел на шаг. Сначала наполнил чайник, висевший на крючке в камине, и пошевелил дрова, чтобы разгорелся огонь. Затем он отправился в большой дом за бельем, принес и сложил его на прикроватный столик. Потом достал все наши кастрюли и принес еще, из родительского дома. Наблюдать за ним было забавно, но когда их стало гораздо больше, чем было нужно, я наконец остановила его. К тому времени уже начало темнеть.

Схватки продолжались с интервалом в полчаса, но теперь стали сильнее. Я встала и потянулась.

— Думаю, пора в дом, ночь собирается.

Джеймс обнял меня одной рукой и проводил внутрь, как будто боялся, что одна я не справлюсь.

— Еще что-нибудь нужно?

Я задумалась. Конечно, его это отвлекло бы, но мне больше ничего не приходило в голову.

— Думаю, теперь остается только ждать. Давай пока поужинаем, а потом поспим.

— Я все сделаю. Ты сиди, отдыхай.

— Да я в порядке, — ответила я, положила часы на стол и принялась разогревать ужин. В то утро Джеймс по моей просьбе убил курицу, потом я зажарила ее на обед, а остатки накрыла и оставила на столе. Я сняла салфетку и нарезала кукурузного хлеба. Мы разогрели курицу в горшке вместе с зеленью, и хотя я не была голодна, все же притворилась, что ем, чтобы Джеймс тоже поел. Я старалась не подавать виду, когда начинались схватки, которые теперь стали чаще и тяжелее. Не хотела его волновать.

Когда мы поели, я все прибрала и переоделась в ночную сорочку — не самую красивую, но ту, которая подошла.

— Оставь лампу, — попросила я его. — Хоть немного, чтобы я видела часы.

Я свернула одеяло и положила между ног — теперь, если воды отойдут ночью, матрас не намокнет. Мы легли спать. Через несколько минут по дыханию Джеймса я поняла, что он заснул, и когда схватки возобновились, подтянула колени и затихла. Схватки стали сильнее прежнего, но в перерывах я все еще могла вздремнуть.

Часа в два ночи я проснулась от такой острой боли, что едва могла дышать. Да и само ощущение изменилось — теперь это были уже не просто судороги. Неудивительно, что Хелен так кричала. Я подавила крик, перекатилась на бок и посмотрела на часы. Через пять минут схватки повторились. Когда волна ослабла, я потрясла Джеймса. Он мгновенно проснулся.

— Пора звать врача. До утра я не дотерплю. Извинись перед ним и скажи, что я не хотела его будить.

Джеймс влез в рубашку и брюки, чмокнул меня в лоб и выбежал за дверь. Я заметила, что он был босиком и изо всех сил надеялась, что он не простудится.

Всего через несколько минут он вбежал обратно во флигель.

— Ты в порядке? Доктор Уилсон скоро будет. Он только что вернулся от Миллеров.

Он пододвинул стул к кровати и сжал мою руку. Еще одна волна схваток — и все мое тело сжалось. И хотя я не кричала, лицо Джеймса побелело. Наконец, схватки отступили, и я расслабилась.

Пришел врач, и Джеймс вскочил со стула.

— Схватки очень тяжелые, док.

— Иди-ка ты пока на крыльцо, Джеймс, а я ее осмотрю.

В дверях Джеймс замер и посмотрел на нас. Видно было, что ему хочется остаться, но я понимала, что ему лучше выйти.

— Иди, — повторил доктор, махнув на дверь. — Ты мне здесь не нужен.

Джеймс вышел из комнаты на крыльцо. Я видела, как он стоит там, прижавшись к оконной сетке, пытаясь услышать и увидеть, что творится внутри.

Доктор Уилсон сел на стул и приложил ладонь к моему животу.

— Какой интервал между схватками, Мод?

— Пять минут, и последний раз было очень больно.

— Похоже, пора. Все будет хорошо.

Мне показалось, язык у него слегка заплетался и от него пахло спиртным. Должно быть, почудилось. Он был диаконом в церкви и не стал бы пить. Может, от схваток мерещится всякое. Я посмотрела на него пристальнее. Под глазами залегли круги, волосы растрепаны.

— У вас усталый вид. С ребенком Миллеров все нормально?

— Все отлично, просто роды длились дольше, чем мы ожидали. Он шел ножками вперед, и нам пришлось с ним повозиться.

Тут снова начались схватки. Доктор Уилсон прижал ладонь к моему животу, пока они не ослабли.

— Давай-ка посмотрим, — сказал он, раскрывая одеяло.

И хотя я знала, что доктор Уилсон постоянно принимает роды, все же мне неловко было показывать ему свои интимные места. Я отвернулась к стене, пока он не закончил. Наконец он сказал:

— Я вижу головку. Когда снова начнутся схватки, нужно

будет тужиться, Мод.

Я лишь коротко кивнула. Доктор снова укрыл меня одеялом, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Мне показалось, что он заснул. Всего через несколько секунд схватки повторились, и эти были самыми тяжелыми. Я подтянула коленки и сделала глубокий вдох. Затем напряглась изо всех сил — и вдруг почувствовала, как он выскользнул из меня. Боль прекратилась. Доктор Уилсон спал, как убитый.

— Джеймс! — позвала я.

Джеймс вбежал в комнату.

— Кажется, все. Разбуди доктора.

Джеймс выругался, — впервые в жизни я слышала от него такое, — и потряс доктора за плечо. Тот подскочил, глаза его резко распахнулись.

— Кажется, ребенок родился, — сообщила я.

Доктор Уилсон отвернул одеяло и взял ребенка.

— Ну конечно! Эх, вот все бы так быстро рождались!

Сердце мое заколотилось.

— Она не плачет — это нормально?

— С ней все в порядке. Не все дети плачут, Мод.

Он поднял ее так, чтобы я ее увидела. Личико было все сморщенное и синюшное, но она сучила в воздухе крошечными кулачками и, похоже, нормально дышала. Доктор Уилсон перетянул и перерезал пуповину. Затем снова нажал мне на живот, с одного бока и с другого. Потом осмотрел ребенка, завернул в покрывальце и вручил Джеймсу.

— Она в порядке, Джеймс, а я так устал, что с ног валюсь. Я, пожалуй, пойду. Искупайте его сами.

Взял свой чемоданчик и вышел. Джеймс держал малышку так, как будто она его обжигала, и в изумлении смотрел вслед врачу.

— Что мне делать, Мод?

— Просто промокни тряпочку теплой водой и обтирай ее, пока не станет совсем чистенькой. Смотри, сильно не разворачивай, чтобы не простудилась.

Мне так хотелось сделать это самой, но я не могла даже головы поднять. Но не успел Джеймс начать купать нашу малютку, как все мое тело охватила очередная волна боли. Я поневоле вскрикнула:

— Кажется, еще один, Джеймс! Скорее беги за доктором Уилсоном!

Джеймс положил недомытого ребенка в люльку, укрыл одеяльцем и выскочил за дверь. Через несколько минут он вернулся.

— Сестра Уилсон пыталась его разбудить, но он сказал, что

нет никакого второго ребенка и с тобой все нормально. Сказал, что зайдет завтра.

Спазм повторился, не такой сильный, как схватки перед рождением ребенка, но мне все равно было очень больно. Я подумала, что надо снова тужиться. Задержала дыхание и сделала толчок. Из меня вышел какой-то сгусток.

— Джеймс, посмотри, все ли с ним нормально.

Он отвернул покрывало.

— Это не ребенок. Это непонятно что.

Я попыталась приподнять голову, но сил не хватало.

— Сбегай в дом, посмотри, не вернулась ли твоя мама.

Он выбежал из комнаты и через минуту вернулся.

— Папа сказал, она еще не приехала, но как только приедет, он тут же пришлет ее к нам. Может, привести Хелен или еще кого из женщин?

— Ночь на дворе, и у них свои дети. А какая она, эта штука?

— Ну, где-то величиной с ребенка, но больше похоже на мешок, сине-бело-красная, и из нее торчит пуповина. Боже правый, мерзость-то какая!

У меня перехватило дыхание.

— Наверное, это моя матка! Она вывалилась! Что же нам теперь делать?

Джемс смерил комнату шагами и запустил пальцы в волосы.

— Давай попробуем запихнуть ее обратно.

Он немного повозился и наконец сумел ее запихнуть, но через несколько минут она снова выпала.

Он опять принялся расхаживать по комнате.

— Что же теперь делать, Мод? Она не держится!

Я заплакала.

— Не знаю! Попробуй еще раз!

Джеймс снова кое-как затолкал ее в меня, но она снова выскользнула.

Надо взять себя в руки, подумала я, ради него. Вид у него был такой испуганный, что у меня сердце сжалось. Тут заплакал ребенок.

— Давай дождемся утра. До рассвета всего несколько часов. Помоги мне сесть, Джеймс.

Он наклонился, и я обвила руками его шею. Джеймс усадил меня.

— Дай мне малышку, она кушать хочет.

Он взял сверток и протянул мне. Я достала грудь и приложила к ней ребенка. Она помотала головой из стороны в сторону, наконец присосалась к груди и начала с причмокиванием сосать.

Джеймс просиял.

— Посмотрите-ка на нее! Все у нее будет хорошо, Мод!

Оказалось, грудью кормить больно, но была так счастлива, что в моей малышке столько жизни, что не обращала внимания на боль, и вскоре она отступила. Я посмотрела на Джеймса.

Должно быть, выражение моего лица его удивило.

— Что такое, Мод? Она в порядке.

— Она просто чудесная, но если я потеряла матку, значит, у нас больше не будет детей. И я не смогу родить тебе сына.

— Сына? Да какая разница! Только взгляни на нее, Мод, какая она красавица, здоровая, и как у нее все замечательно!

— Джеймс, посмотри еще раз на мою матку.

Он приоткрыл покрывало и заглянул между моих ног.

— Куда смотреть, Мод?

— Она во мне?

— Нет, просто лежит тут.

Я снова заплакала.

— Тогда, наверное, нужно пойти ее закопать. Нельзя же оставить ее тут валяться. Все равно пользы от нее теперь никакой.

Джеймс кивнул, собрал этот сгусток, завернул в тряпку и вынес.

Я продолжила кормить малышку, каждые несколько минут поворачивая ее на другую сторону, как делала Хелен с Фэйт.

Она была копия своего отца, со светлым пушком на голове, совсем как у Фэйт, когда та только родилась. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди: я никогда не думала, что можно любить кого-то так сильно.

Когда вернулся Джеймс, я уже крепко спала, и ребенок тоже, лежа у меня на животе. На следующий день он сказал мне, что это было самое прекрасное, что он когда-либо видел. Сказал, что ему хотелось бы много-много детей, но и ее будет достаточно.

Было позднее утро, а мы еще вовсю спали, как вдруг дверь шумно распахнулась и вошла мать Джеймса.

— Где моя внучка? — пророкотала она так, что мы оба подскочили.

Я открыла глаза и улыбнулась, преисполненная гордости за нашего прекрасного ребенка.

— Вот она — правда, красавица?

Матушка Коннор взяла ребенка, развернула и осмотрела с ног до головы.

— Девчушка! Красотка, просто красотка! А какие волосики, совсем как у папы! Она — просто копия Джеймса, когда он родился, только поменьше. Он-то у нас был богатырь! Тяжко тебе пришлось, Мод? Долго рожала?

— Сначала было ничего, где-то после обеда, а к двум ночи стало совсем невмоготу, но потом она родилась быстро, часам к четырем.

Джеймс сел на постели.

— Я бы встал, да мама уже несколько лет не видела меня в подштанниках.

Так он и остался сидеть, широко улыбаясь.

— Вставай, парень, да разведи огонь. Мы ведь не хотим, чтобы Мод с малышкой совсем закоченели.

Он подобрал брюки с пола, там, где накануне сбросил, и надел. Затем натянул рубашку и отправился разжигать камин.

Миссис Коннор покачала ребенка в левой руке, потом протянула правую и погладила меня по голове.

— Первый всегда самый тяжелый, Мод. Потом будет намного быстрее. Да и фигура у тебя подходящая.

Я замотала головой и разрыдалась. Джеймс положил руку матери на плечо.

— Прости, мам, но у нас больше не будет детей.

— Как это? Разве все прошло так плохо? Твой отец сказал, что врач пришел вовремя. Это он говорит, что у вас больше не будет детей?

— Нет, он такого не говорил.

— Тогда почему вы так думаете?

Я вытерла слезы одеялом.

— Я потеряла матку.

— Что? То есть как это — потеряла матку?

— Врач ушел сразу после того, как она родилась, и Джеймсу пришлось вымыть ее самому. Потом моя матка вывалилась, и мы не смогли затолкать ее обратно. Джеймс закопал ее на заднем дворе.

Миссис Коннор на минуту задумалась.

— Мод, ты ведь была с Хелен, когда она рожала. Ты видела все от начала до конца?

— Нет, как только дети рождались, мне тут же отдавали их мыть, и я уходила с ними на кухню.

— Хм, неудивительно! То, что выходит из тебя после рождения ребенка, — это естественно. Называется «послед». Матка у тебя на месте, и все будет хорошо. Можешь иметь столько детей, сколько захочешь.

— Правда? — Тут мы с матушкой Коннор захихикали. Джеймс уставился на нас. Я взяла свекровь за руку. — То есть все так и должно было быть?

— Ну конечно, это происходит при каждых родах. Вот доберусь я до этого доктора! Я ему покажу, как уходить,

недоделав свою работу!

И мы засмеялись еще громче.

— Чего тут смешного-то? — спросил Джеймс. — Вовсе это не смешно! Мы думали, что Мод умирает!

Я затрясла головой, не в силах перестать смеяться.

— А мы-то ее все обратно запихивали!

Меня переполняло такое облегчение, такое счастье от осознания того, что я еще смогу подарить Джеймсу сына, которого он так хотел.

— Боже милостивый! — воскликнула миссис Коннор, согнувшись пополам от смеха. От шума проснулся и заплакал ребенок. Матушка Коннор протянула ее мне.

— Она уже поела?

— Конечно, мам, посмотри на нее! — сияя, ответил Джеймс.

Гордость оттого, как замечательно я справлялась с задачей быть матерью, пересилила стыд, я расшнуровала сорочку и приложила ребенка к груди. Она тут же присосалась и принялась завтракать.

Бабушка посмотрела на свою внучку и улыбнулась.

— Смотри-ка, какая деловая! Вырастет сильной и здоровой! Ты молодец, Мод, просто умница. Как ты собираешься ее назвать?

Я с улыбкой посмотрела на дочку.

— Не знаю. Я подобрала три-четыре имени, но окончательно так и не решила.

— Ты посмотри, какая хорошенькая, прямо лялечка-люлюшечка.

Тут уж пришел черед Джеймса смеяться.

— Так мы ее и назовем — Лулу!

Миссис Коннор повернулась ко мне:

— Ты согласна, Мод?

Об этом имени я не думала, но раз уж Джеймсу нравится, пусть так и будет.

— Если ее папе нравится, то я не против.

Матушка Коннор повернулась к Джеймсу.

— Принеси-ка мне Библию, она у меня на столе, и что-нибудь пишущее.

Он на минутку вышел и вернулся с Библией, чернильницей и пером.

Это была красивая, большая Библия — не такая, как носят с собой в церковь, а из тех, что обычно лежат в передней большого дома — с золочеными страницами и переплетом из толстой черной кожи. Матушка Коннор села за стол и открыла книгу. Затем сняла крышку с чернильницы и обмакнула в чернила кончик пера. Немного помедлив, она посмотрела на меня.

— У нее будет два имени или одно?

Я задумалась.

— Давайте назовем ее Лулу Хелен Коннор.

Миссис Коннор улыбнулась и сделала запись под именем Джеймса.

— Как мне хотелось вписать сюда имена моих собственных детей, — грустно призналась она. — Но после Джеймса больше никто не родился. Девятнадцать лет я ждала, чтобы снова сделать запись в этой книге.

Закончив, она подула на чернила, пока они не высохли, и показала мне. Я прочла запись.

— Какой у вас красивый почерк, Сестра Коннор!

— Не называй меня так больше, Мод, зови меня мамой, если, конечно, не возражаешь.

Глаза мои увлажнились.

— Спасибо, мне бы этого очень хотелось!

Матушка Коннор повернулась к Джеймсу:

— Тебе пора на работу, мой мальчик. А нам тут нужно еще сделать кое-что, и мужское присутствие нам совсем ни к чему. Для начала мою внучку нужно искупать как следует.

Джеймс поцеловал меня в щеку, чмокнул дочку в макушку.

— До вечера, Лулу, — сказал он малышке и отправился в магазин.

Глава 6

Я была счастлива: все было именно так, как я и мечтала. Моя дочурка всегда была чистенькой, и я одевала ее в красивые платьишки из хлопка с вышивкой, как и обещала ей еще до рождения. Купала ее каждый день и меняла пеленки, лишь только она описается. Лулу быстро росла. Всякий раз, когда я прикладывала ее к груди, она ела так, будто ее морили голодом. Кормить мне было больно только первые пару дней. Молока приходило много, и оно быстро накапливалось. Вскоре Лулу стала такой пухленькой, что при купании мне приходилось хорошенько смотреть, все ли складочки я промыла.

Когда ей исполнилось два месяца, я стала приходить вместе с ней к Хелен. Там мы, сидя на крыльце, потягивали холодный чай и наблюдали за нашими малышками. Фэйт ползала повсюду и всюду забиралась. Хелен не сводила с нее глаз, следя, чтобы она, не дай бог, не наелась жуков либо земли или не свалилась с крыльца. Лулу спала у меня на руках, а иногда мы выносили для нее на крыльцо люльку Фэйт, из которой та уже выросла, чтобы мои руки были свободными и я могла шить.

Хелен посмотрела на нее как будто бы с легкой завистью:

— Какой спокойный ребенок! Не помню, чтобы Фэйт столько спала. Она что, вообще не плачет?

— Редко, только когда проголодается. Я ее покормила перед тем, как прийти, так что теперь у нее послеобеденный сон. До четырех не проснется. Потом я ее опять покормлю, и она проспит до прихода отца. Видела бы ты его! Он ее будит, ходит с ней повсюду и болтает до самого ужина. Совсем ее избалует!

— Так это же хорошо, Мод, очень хорошо! Дети быстро растут. Вот увидишь: скоро она начнет переворачивать дом вверх дном.

Дочка Хелен, Фэйт, была миниатюрная, как ее мама, а Лулу — крепенькая, как мы с Джеймсом. Скоро девочки сравняются в росте, хотя у них почти два года разницы. Вот и мы с Хелен — такие непохожие — сидим на крыльце в креслах-качалках, потягивая холодный чай и наблюдая за нашими детьми, наслаждаемся спокойной жизнью.

Впервые за всю свою жизнь я никому не завидовала.

Глава 7

Летом 1908 года мне исполнилось шестнадцать. Лулу уже был год, и она училась ходить. Джеймс с отцом перестроили флигель, чтобы у Лулу была своя комната. Во второй раз я пока не забеременела, но матушка Коннор сказала, что, пока я кормлю Лулу, это вряд ли произойдет. Я и не расстраивалась. Конечно, мне хотелось еще детей, но не сразу, а хотя бы через годик-два. Женщины в городке нередко кормили детей грудью до трех лет или даже дольше, чтобы повременить со следующим ребенком. Иногда это срабатывало, иногда — нет.

Я наслаждалась каждой секундой взросления Лулу. Джеймсу нравилось смотреть, как она играет и учится ползать, садится, делает первые шажки. Она была светом нашей жизни. Когда Джеймс приходил домой, то носил ее на руках или играл с ней почти все время, пока она бодрствовала.

Иногда по субботам он уезжал играть в бейсбол против команд из других городов. А когда они играли у нас, я вместе с Лулу ходила на поле и мы болели за него с трибун. Лулу била в ладошки и улюлюкала вместе со мной. Джеймс говорил Лулу, что любит ее больше всех на свете, потом меня и, наконец, бейсбол. Я не ревновала, потому что сама, как бы сильно ни любила Джеймса, Лулу я все-таки любила больше.

Лулу росла очень хорошенькой, с большими ярко-синими глазами, румяными щечками и кудрявыми волосами. Я радовалась, что она пошла в Джеймса, и надеялась, что если кто из детей и унаследует мою комплекцию, то только мальчики. Мой папа был довольно миловидным мужчиной, но всю свою жизнь я чувствовала себя простушкой. Джеймс говорил, что я красавица, и мне было очень приятно, однако я знала, что это не так, и продолжала сравнивать себя с Хелен.

Никто из нас никогда в жизни не получал писем. И вот как-то в понедельник, весной, Джеймс вбежал во флигель, неся в одной руке письмо. Он помахал им передо мной, пританцовывая. Потом схватил за плечи, обнял, отстранил и стал покрывать поцелуями мое лицо.

— Это от Браунов, из Сент-Луиса, Мод, они собираются отправить к нам человека, посмотреть, как мы играем, ведь в этом году мы победили во всех матчах. Наверное, это мой шанс! Если я буду играть так же, как до этого, может быть, меня возьмут в профессиональную лигу.

Он был таким счастливым. Я попыталась заглушить мысль о том, что если он будет играть профессионально, за деньги, то

совершенно перестанет появляться дома.

— О, Джеймс, да ведь тогда твоя мечта осуществится!

Мы засмеялись и закружились по дому.

— Надо сказать маме с папой. — С этими словами он выбежал из флигеля. Я едва сдерживала слезы. Конечно, его возьмут. Мой Джеймс станет профессиональным бейсболистом и осуществит свою мечту.

Он и остальные ребята из команды освободили вечера для тренировок. Я не видела его таким воодушевленным с самого рождения Лулу. В ту субботу он места себе не находил от волнения, то расхаживал по комнате туда-сюда, то бегал в родительский дом, трижды сменил носки. Когда наконец пришло время ехать на поле, он крепко обнял меня.

— Такой игры ты еще не видела! Все ребята выложатся по полной, и народ из Юнион-сити — тоже.

Родители Джеймса уже ждали нас, и мы всей толпой выдвинулись на игровое поле. Джеймс держал на руках Лулу, мистер Коннор нес корзинку с едой, матушка Коннор — коврики, чтобы сидеть, а я — разные вещи и игрушки для ребенка. Все пятеро, включая Лулу, всю дорогу молчали; взрослые думали о том, что принесет этот день Джеймсу, а Лулу, должно быть, просто чувствовала наше серьезное настроение.

Мы с малышкой и родителями Джеймса заняли места на скамейках, установленных вокруг поля. Поскольку мы были семьей игрока, нам не пришлось нести собственные стулья. Я села во втором ряду, усадив на колени Лулу, Конноры — передо мной. Я оглядывала толпу, высматривая незнакомцев и пытаясь вычислить людей из Сент-Луиса. Весть о приезде агента разлетелась по обеим командам, и зрителей в тот день собралось больше, чем когда-либо прежде.

Лулу всегда была спокойным ребенком, к тому же часто бывала на матчах. Громкие крики зрителей, когда кто-то попадал в цель, совершенно ее не беспокоили, и она сразу заснула.

Сердце мое преисполнилось гордости, когда наша команда вышла на поле. Джеймс был из них самым высоким, и его светлые волосы выделялись из толпы. Какой он красивый, подумала я.

Джеймс поймал мяч на левом поле, и первый иннинг закончился. На своей защитной позиции левого крайнего Джеймс поймал мяч, сделавший последний аут в первом иннинге. Выйдя отбивать, он получил хит и занял вторую базу, после чего хоум-ран его товарища позволил ему завершить путь к дому. Наши ликующие крики достигли предела громкости. Лулу заворочалась у меня на руках, но вскоре опять заснула.

Я знала, что Джеймс нервничает, — это было видно по тому,

как он то и дело зачерпывал горсть земли и растирал ее в ладонях, но никто, кроме меня, этого не замечал. Играл он так, как будто его уже взяли в высшую лигу. Я им очень гордилась! К третьему иннингу его команда уже опередила соперника на два очка.

В четвертом иннинге снова пришел черед Джеймса подавать. Он помахал мне, широко улыбнулся и вышел на поле. Занял позицию, сосредоточился на питчере. Первый мяч был широким и засчитывался как мяч номер один.

Второй тоже был широким, но Джеймс слегка сместился и ударил по нему, отправив его на правое поле, совсем близко к границе первой базы. Мяч ушел за линию фаул, и его объявили первым страйком. Третий питч снова был широким, и его засчитали как второй мяч. Кетчер встал, подошел к питчеру и обнял его за плечи. Они посовещались о чем-то несколько секунд, опустив головы, и кетчер вернулся на свое место и опустился на корточки на краю поля.

Питчер выждал некоторое время перед ударом, затем пристально посмотрел на Джеймса и, наконец, замахнулся, наклонившись до предела назад, и ударил по мячу изо всех сил.

Мяч пролетел так быстро, что я увидела лишь расплывчатое пятно. Джеймс взмахнул битой в его сторону. Мяч с громким треском ударился в его левый висок, сбив с ног и подбросив в воздух. Тело его безжизненно упало на землю так, что от земли в воздух поднялись клубы пыли. Все затаили дыхание и ждали, что Джеймс вот-вот поднимется, но он все лежал и лежал, неподвижно. На стадионе стало так тихо, что слышно было даже шелест листьев.

В считаные секунды его мать сорвалась с места и подбежала к нему, отец — следом. Я пыталась заставить свое тело двигаться, бежать к нему, но оно как будто окаменело. Я повернулась к женщине рядом со мной, и последнее, что помню, — это синее небо над головой.

Глава 8

Очнулась я от звука далекого плача. Лишь когда ужасное воспоминание об увиденном вернулось ко мне, я открыла глаза. Оглядевшись, я увидела, что лежу в своей постели, дома, а рядом на стуле сидит сестра Кларк.

— Джеймс? — вымолвила я.

— Мне очень жаль, Мод, он теперь в руках Божьих, — отвечала та, прикусив губу.

Я села и поискала глазами Лулу.

— А где Лулу, с ней все в порядке?

Сестра Кларк похлопала меня по руке.

— Миссис Хопкинс сидела рядом и подхватила ее, когда ты потеряла сознание. Хелен забрала ее домой. Мы подумали, что ты некоторое время не сможешь за ней ухаживать.

Я откинула голову на подушки и прислушалась к горестным рыданиям, доносившимся из большого дома.

— Матушка Коннор?

— Она очень плоха, Мод. Джеймс ведь был ее единственным сыном. Врач хотел дать ей чего-нибудь, но она отказалась. Я в жизни не видела, чтобы кто-то так горевал. Если она не обратится к Господу, то, чего доброго, сойдет с ума.

Я выскочила из постели, без всякого стеснения сорвала ночную сорочку и натянула первую попавшуюся блузку и юбку. Влезла в туфли, бросила через плечо: «Спасибо!» — и выбежала из дому. Сестра Кларк бросилась за мной, ожидая, что я побегу в дом, но вместо этого я перемахнула через двор и пустилась по улице. Больше всего на свете мне нужно было обнять свою дочку.

Я взбежала по ступенькам и без стука ворвалась в дом Хелен. Она была на кухне с обеими девочками. Услышав меня, она повернулась, как будто хотела что-то сказать, но я лишь схватила Лулу и побежала назад.

— Я буду у Конноров! — крикнула я, сбавляя немного шаг, чтобы не напугать Лулу.

Уже через несколько минут я вновь прибежала к Коннорам, ворвалась в дом через главную дверь и побежала на звук рыданий к спальне. Матушка Коннор сидела на постели, лицо ее распухло, длинные волосы разметались по плечам. Сестра Кларк пыталась напоить ее лекарством, но она отворачивалась, наотрез отказываясь.

Я подошла и положила Лулу на руки рыдающей бабушке, потом отошла к стене. Матушка Коннор взглянула на крошечное круглое личико и светлые волосики. Лулу с любопытством

посмотрела на нее. Она никогда не слышала таких звуков от кого-либо, но вместо того, чтобы испугаться, она, склонив головку, разглядывала лицо своей бабушки и ждала, что будет. Матушка Коннор перестала рыдать и глубоко вздохнула. Она все смотрела и смотрела на маленькую девочку, так похожую на своего отца, затем прижалась щекой к щечке Лулу и принялась ее качать. Малышка протянула ручку и погладила бабушку по щеке, затем пальчики ее сомкнулись на пряди длинных мягких волос матушки Коннор.

Сестра Кларк поднесла стакан к губам матушки Коннор, и она отхлебнула немного лекарства, что оставил доктор. Я оставила Лулу с бабушкой и ушла одна в свой флигель. Сестра Кларк просидела с ними, пока они обе не заснули, затем пришла ко мне.

Я сидела в кресле-качалке на крыльце флигеля, надев поверх платья одну из рубашек Джеймса. Это был теплая рубашка из плотной шерстяной ткани — он надевал ее по утрам, когда было прохладно. Должно быть, я сидела, уставившись в пространство, и не замечала жены священника до тех пор, пока она не заговорила со мной.

— Ты знала, что ей нужно, да, Мод? Теперь она поправится. Они обе заснули. Как ты?

— Я и сама ничего не понимаю. Как будто все это нереально, как будто ничего этого не было. Еще сегодня утром он был здесь. Во флигеле еще ощущается его присутствие. Я уговаривала его позавтракать — не хотела, чтобы он вышел на поле с пустым желудком. А теперь его нет, а я сижу тут в его рубашке, хранящей его запах. Никогда больше он не пройдет по этой дорожке, возвращаясь с работы, никогда уже не будет играть с Лулу, никогда… — Голос мой сорвался, я изо всех сил пыталась справиться с дыханием, наконец, вдохнула так глубоко, что все тело содрогнулось. — Я никогда больше его не увижу. Вы не знаете, *что* он для меня значил. Никто не знает.

— Я знаю, Мод. Знаю, как он тебя любил.

— Неизвестно только, за что. Я некрасива, что бы он там ни говорил. Он мог бы выбрать любую девушку в городе. Почему именно я?

— Он увидел твою душу, Мод, и знал, какова ты на самом деле.

Я перестала раскачиваться и спросила:

— Где он?

— В похоронном бюро, в Юнион-сити. Когда все будет готово, они привезут его в дом. Это займет несколько часов.

Сестра Кларк погладила меня по руке:

— Пойду в дом, посижу с его матерью. Когда будет пора, я пришлю кого-нибудь за тобой.

Я кивнула.

— Спасибо. — Я обвила руками сестру Кларк и крепко прижала к себе. Она вышла из флигеля.

Потом пришли Хелен, Томми и Фэйт, и мы вместе отправились в большой дом. Я была спокойна.

На веранде в простом сосновом гробу, обитом сатиновым сукном, лежал Джеймс, и казалось, он просто спит. Я некоторое время смотрела на него, все еще не веря, что все это происходит на самом деле. Вот сейчас я проснусь, а он лежит рядом со мной, и окажется, что мне просто приснился кошмар.

При виде своего мужа, — такого молодого — и в гробу, — я готова была упасть в обморок. Я присела рядом с папой Коннором и увидела надежду на его лице. Он был уверен, что теперь я все улажу. Я улыбнулась, взяла его под руку и кивнула в знак того, что он доверился правильному человеку. Через пару минут сердце мое стало биться ровнее, и я отправилась будить маму Джеймса.

Матушка Коннор спала, обнимая Лулу, и кудряшки малышки были на ее плече. Какое-то время я стояла и смотрела на них, потом протянула руку и дотронулась ее руки.

— Матушка, все готово, пора вставать.

Матушка Коннор открыла глаза, но не пошевелилась, лишь глядя на меня тяжелым взглядом.

— Ну хорошо, — наконец сказала она.

— Помочь вам одеться?

— Нет, я справлюсь.

Я взяла Лулу и вышла. Войдя на веранду, я увидела, что стулья из столовой и кухни уже снесли туда и расставили рядами. Хелен и Томми сидели во втором ряду. Я села перед ними, держа Лулу на руках. Она потянулась, проснулась и заплакала. Хелен передала Фэйт Томми и взяла Лулу.

— Я пойду с ней во флигель, покормлю и переодену.

Матушка и папа Конноры сели рядом со мной.

Дверь была открыта, стучать не было необходимости. Друзья и соседи просто отодвигали ширму и входили. В течение нескольких часов собрались, наверное, все жители городка. Кто-то лишь принес свои соболезнования и сразу ушел, кто-то остался подольше. Пришли все ребята из команды Джеймса, — они плакали так, будто бы вот-вот наступит конец света. А для меня он уже наступил. Вернулась Хелен с Лулу, и я снова взяла ее на руки и держала какое-то время, но потом Хелен и Томми унесли обеих девочек в дом. Наше бдение длилось, покуда хватило сил, но наконец и мы отправились спать.

Наутро тело перенесли в церковь, и священник провел для Джеймса тот же обряд, что и для моих папы с мамой, и для Генри, маленького сыночка Хелен, восемь лет назад. Это был тот самый священник, он служил на всех похоронах. Я помнила его проповедь наизусть и про себя повторяла ее за ним. Это успокаивало меня, как и обетования Божьи. За несколько лет до того Джеймс принял Божий дар спасения, и я знала, что мы еще встретимся. И от осознания этого на душе становилось легче.

После проповеди, песнопений и молитв мы пошли за похоронным фургоном на кладбище. Матушка Коннор была спокойна, лицо ее было твердым, как сталь. Со дня похорон родителей я бывала на кладбище всего несколько раз, но, придя, удивилась тому, насколько свежи мои воспоминания. Всю жизнь меня мучили кошмары — снился пожар, унесший их жизни, — но после рождения Лулу они прекратились.

Наша семья, друзья и прихожане церкви собрались вокруг могилы, священник еще что-то сказал, потом все бросали горсть земли, молились и отходили. Отходя от могилы, я слышала, как глухо стучат комья земли в крышку гроба, — это мужчины начали закапывать могилу. Этот стук преследовал меня весь обратный путь.

Соседи принесли еды, и несколько часов в доме было полно народу. Женщины из церкви суетились над нами, и я наконец заставила себя что-то съесть, больше размазав еду по тарелке. Мать Джеймса делала то же самое. Наконец все разошлись. Хелен и Томми ушли последними. На прощание Хелен обняла меня.

— Я зайду завтра, слышишь?

Я посмотрела ей вслед, и когда она вышла за дверь, мы с матушкой Коннор переглянулись. Я видела свое отражение в зеркале на стене — у нас обеих под глазами залегли круги, лица осунулись от горя, обе мы ужасно устали.

— Если я вам больше не нужна, я пойду во флигель.

— Думаю, мы справимся, Мод. Господь позаботится о нас. Мы примем все испытания. Теперь же нам обеим нужно поспать. Иди к ребенку, завтра поговорим.

Я отнесла Лулу во флигель и приготовила ко сну. Когда она заснула, я снова сняла с крючка рубашку Джеймса, поднесла ее к лицу и вдохнула запах. Я всегда говорила ему, что он пахнет лучше, чем любой другой мужчина в округе. Мой папа пах кожей, сеном и лошадьми. Джеймс — продуктовым магазином, овсянкой, супом, люцерной и травой.

Несколько минут я прижимала рубашку к лицу, затем снова надела ее поверх платья и вышла на крыльцо. Села в кресло-качалку и посмотрела на небо. Уже темнело. Луна вышла рано, и

я видела ее меж деревьев, справа от меня, как будто бы она застряла на вершине сосны. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь кроны деревьев, росших слева, опутывая тенями двор. Такая хорошая ночь — совсем как те ночи, когда мы с Джеймсом засиживались допоздна, прежде чем отправиться спать.

Я сидела так долго, то неподвижно, то раскачиваясь в кресле, и наконец расплакалась. Я не знала, что будет со мной и с моей маленькой девочкой. К шестнадцати годам я уже побывала и сиротой, и женой, и матерью. А теперь вот стала вдовой.

Глава 9

В 1908 году у молодой вдовы с ребенком выбор профессий был не так уж велик, но мне не хотелось быть обузой ни для родителей Джеймса, ни для Хелен и Томми.

В свои шестнадцать я знала достаточно, чтобы понимать, что мир меняется. Я слышала об автомобилях, но никогда их не видела. Люди рассказывали и о человеке по имени Эдисон, который изобрел электрический свет, и что им пользовались в больших городах. Но в нашем городке не было ни одного дома с электричеством. Вершиной современных технологий считались такие дома, как у Хелен, где прямо в доме была колонка, подведенная к колодцу.

Конноры обращались со мной, как с родной дочерью, а Лулу просто купалась в их ласке и любви. Они сказали, что я могу хоть вечно жить во флигеле, если пожелаю, они будут только рады. Даже давали мне денег, когда могли, но тот год, когда погиб Джеймс, выдался тяжелым, и многие фермеры не могли оплачивать свои покупки в лавке и жили в кредит.

Папаша Коннор начал сдавать, и ему пришлось нанять помощника, который взял бы на себя обязанности Джеймса. Это тоже сказалось на бюджете. Я знала, что им приходится нелегко, и не могла осмелиться просить у них денег. Мой зять держал в своей лавке книгу, куда вносил все расходы. В конце месяца они погашались. Я знаю, что он записывал на мой счет лишь половину той суммы, что я тратила. Мы это не обсуждали, но я была ему благодарна.

Однажды после церкви сестра Кларк как раз говорила мне о том, какой хорошенькой выросла Лулу:

— У нее и платье совсем как твое синее ситцевое, Мод! Наденьте их вместе, будет просто волшебно!

— Не получится, сестра Кларк. Я перешила это платье из своего старого. Она так быстро растет, что не успеваю я оглянуться, как приходится опять шить новую одежду.

— Ну, ручки-то у тебя золотые! Взять хотя бы вот эту вышивку цветочками. Не хуже платьев, что продаются в Сент-Луисе!

Сестра Кларк внимательнее пригляделась к платью, что было на мне. Ткань на локтях и плечах уже начала вытираться, и вид был такой, будто оно вот-вот рассыплется.

— Тяжко тебе приходится, да, Мод?

— Ничего, справляемся. Матушка и папа Конноры заботятся о нас по мере сил.

— А если бы я нашла тебе работу портнихи, ты бы взялась?

Я едва сдержала волнение при этих словах, хотя и не представляла, как ей это удастся.

— Конечно, взялась бы, но ведь все наши женщины сами могут шить себе одежду. Я им для этого не нужна. А даже если была бы нужна, не думаю, что они смогли бы мне за это заплатить. Времена нынче для всех тяжелые.

— Я не о городке говорю. У меня есть друзья в Юнион-сити. Там живет моя сестра, Дора. Кое-кто у них совсем не бедствует. Знаешь, я раз в месяц езжу навещать Дору. Дай мне свои лучшие работы, и я покажу их тем леди, которые дают подобные заказы.

Я перебрала всю одежду, свою и Лулу, и наконец остановилась на сорочке, что сшила себе на свадьбу. Ее я надевала всего раз, затем постирала и отложила для следующего особого случая.

Мы с Джеймсом говорили о том, чтобы поехать куда-нибудь, когда появятся деньги, и я собиралась надеть ее в это путешествие. Думали даже о том, чтобы остановиться в гостинице, если сможем себе это позволить. Он сказал, что, когда подпишет контракт со сборной, мы будем деньгами печку топить.

Я прошлась пальцами по мелким, ровным стежкам и крошечным вышитым цветочкам. Сорочка была совсем как новая. Я сложила ее и завернула в белую бумагу, которая осталась у меня от той ткани, что купила Хелен перед нашей свадьбой, потом отнесла в дом священника и вручила сестре Кларк.

— Я покажу ее этим богатым леди — посмотрим, удастся ли мне найти для тебя работу, Мод, — сказала она.

Через несколько дней сестра Кларк вернулась ко мне с хорошей новостью: она получила заказ от одной своей подруги. Ей нужна была точно такая же сорочка. Она прислала денег, их хватало на ткань и нитки, и еще оставалось два доллара, которые я могла оставить себе.

После этого работы у меня было хоть отбавляй. Я шила платья и красивое нижнее белье для барышень. Брат и сестра Кларки отвозили меня на своей двуколке в Юнион-сити, чтобы я могла снять мерки и познакомиться с клиентками. Впервые в жизни я выбралась из своего маленького городка. Юнион-сити был во сто крат больше. Во многих домах было по три-четыре этажа, и каких только не было автомобилей!

В церкви Юнион-сити были леди всех мастей, они суетились вокруг Лулу и по очереди держали ее на руках, пока я снимала мерки в кабинете настоятеля.

Однажды одна из них спросила меня, не желаю ли я выстирать ее деликатные вещи. Вручила мне полный мешок

своего нижнего белья, и я увезла его к себе домой. Выстирала, отгладила и аккуратно сложила. Потом купила в магазине рулон белой бумаги и веревку и завернула вещи. Вручила сверток сестре Кларк, которая отвезла их своей подруге. В ответ та передала еще сверток, в котором были изысканные скатерти и постельное белье, а за ним и третий — с кружевными вещами.

Совсем скоро я стала зарабатывать шитьем и стиркой столько, что деньги Коннноров мне были больше не нужны. По вечерам, уложив Лулу спать, я вставала на колени на маленький прикроватный коврик и молилась, благодаря Господа за мою семью, дом и работу и прося прощения за свои прегрешения.

Папаша Коннор так и не оправился от потери Джеймса. Все меньше и меньше времени проводил он в лавке, теперь там управляли нанятые им работники. Целыми днями он не говорил ни слова матушке Коннор. Она призналась мне, что вместе с Джеймсом он потерял и свое сердце, и теперь его глаза загорались, лишь когда я приводила в дом Лулу.

Лулу любила вытащить книгу с нижней полки и принести ему. Он усаживал ее на колени и читал те самые сказки, что когда-то Джеймсу. Она внимательно слушала, следя за его пальцем и издавая звуки животных, когда он читал о курочке или коровке. Она могла по многу раз слушать одни и те же истории.

К трем годам она запомнила почти все слова и могла читать их вместе с ним. Для ее дедушки это было доказательством того, что она была самой умной в мире девочкой, и мы с матушкой Коннор были согласны. Она поделилась со мной, что когда я отношу Лулу во флигель, папаша вновь мрачнеет.

Зимой 1909 года он подхватил простуду и даже не пытался с ней бороться. Вся семья слегла. Я хлопотала над Лулу и все делала для матушки и папаши Конноров, пока не слегла сама. Тогда матушка Коннор стала ухаживать за мной. В течение нескольких дней нас всех мучили температура, кашель и ломота в суставах. Даже доктор не мог нам помочь.

— Больше пейте и лежите в постели, — только и говорил он. — Все в городе болеют.

Жар у папаши Коннора не спадал. Он лежал в постели, кашлял и бредил, а я меняла его промокшую от пота повязку на голове дважды в день. В другой комнате лежала матушка Коннор. Лулу тоже заразилась. Я очень беспокоилась, однако через несколько дней она поправилась и снова начала лазить повсюду.

Доктор поставил папаше Коннору припарки, но они не помогли. Однажды ночью он заснул, да так и не проснулся. Было ему всего 50 лет.

После этого мы, женщины, сблизились еще сильнее. Матушка

Коннор хотела, чтобы мы с Лулу переехали в дом, но мне было лучше во флигеле, где мы раньше жили вместе с Джеймсом.

Глава 10

Холостяки в нашем городке начали обращать на меня внимание, но меня они не интересовали. От одной мысли о том, что ко мне прикоснется другой мужчина, не Джеймс, тело охватывала дрожь. Я даже не представляла, как смогу открыться кому-то еще.

Шли годы. В 1915 году Лулу исполнилось десять, а мне — двадцать четыре. Жизнь текла в привычном русле. Каждый день, отведя Лулу в школу — даже когда она идти не хотела, — я прибиралась в своем маленьком флигеле, стирала и шила, а потом делала работу по дому, с которой матушка Коннор уже не справлялась.

После обеда принималась готовить ужин в большом доме — мы с Лулу ужинали там каждый вечер. По воскресеньям ходили в церковь. Матушка Коннор теперь не могла преодолевать большие расстояния, поэтому Хелен и Томми приезжали за нами в своей двуколке, и мы отправлялись в церковь все вместе — семья Хелен сидела впереди, моя — сзади. Фэйт и Лулу росли, и в двуколке уже становилось тесно.

Одним из тех, кто начал предпринимать попытки за мной ухаживать, был Джон Стюарт, с которым мы были знакомы всю жизнь. Мне он нравился, но не так, как я ему. Однажды он отправился к родственникам в Кеннет (штат Миссури) — городок на другом берегу реки Миссисипи. Он пробыл там дольше, чем ожидал, но прислал письмо, в котором писал, что с ним все в порядке и его задержали «непредвиденные обстоятельства».

Спустя еще три недели он вернулся с женой. Мы встретились с ней в церкви в следующее воскресенье. Она была даже еще выше меня, с черными, как уголь, волосами и теплыми карими глазами. У нее было миловидное лицо и дружелюбная улыбка. Представляя мне ее, Джон улыбнулся и сказал:

— Мод, это Элизабет Фоли Стюарт, но она просит называть ее Бесси. Бесси, это Мод Коннор, о которой я тебе рассказывал. Если бы она меня заполучила, ты бы до сих пор была незамужней.

Я боялась, что Бесси на меня обидится и будет ревновать, но вместо этого она схватила мою руку и сжала в своих.

— Мы станем лучшими подругами, правда, Мод?

Так и вышло. Бесси вошла в наш тесный женский кружок, где были матушка Коннор, Хелен, Лулу и Фэйт. Раз в неделю все мы собирались в большой кухне Конноров, шили лоскутное одеяло, натянутое на большую деревянную стойку, разговаривали и пили холодный чай.

Бесси внесла в нашу группку свою изюминку, с ней было очень весело. Ее юмор был заразителен, и вскоре наши серьезные собрания озарились шутками и дурачествами. Дети катались по полу от смеха, когда она кривлялась и играла вместе с ними. Смех Фэйт и Лулу был для меня словно музыка.

Я была счастлива. Я ни о чем не просила, и близкие мои были в добром здравии, — все, кроме стареющей матушки Коннор. Лишь только по ночам, ложась спать, я все еще тосковала по Джеймсу, по теплу тела рядом со мной, по его запаху, по прикосновению рук.

Однажды в воскресенье, поздней весной, Бесси с мужем Джоном привели в церковь нового прихожанина — миловидного, высокого и стройного мужчину. Хелен с Томми едва успели остановить повозку, как Бесси уже подвела его ко мне за руку.

— Мод, это мой брат, Джордж Фоли. Он приехал к нам на недельку.

У Бесси с братом было много общего: те же теплые карие глаза, а под шляпой — те же угольно-черные волосы. Он улыбнулся мне.

— Рад познакомиться, Мод.

Бесси представила его остальным членам семьи, и он со всеми поздоровался, не сводя с меня глаз. Я чувствовала, как лицо заливает краска. Мы еще какое-то время поболтали у церкви, затем отправились на службу. Бесси с мужем сели через ряд от меня и моей семьи. Во время проповеди я то и дело поглядывала на Джорджа. Он все так же смотрел на меня и, встретив мой взгляд, улыбался. Я снова почувствовала, что краснею.

После службы он подошел к нашей двуколке, снял шляпу и сказал:

— Мне бы хотелось иногда навещать тебя, Мод, если позволишь.

Хелен с трудом сдержала смешок. Я глянула на Бесси, ища помощи, но и она улыбалась во весь рот:

— Д-думаю, д-да, — ответила я так тихо, что он, наверное, едва расслышал.

На следующий вечер, развешивая белье на заднем дворе, я увидела, как Джордж Фоли подъезжает к дому Конноров на повозке Стюартов, но лошадь была не их. Он не заметил меня, поднялся по ступенькам и постучал в дверь большого дома. Лишь спустя некоторое время раздался голос миссис Коннор:

— Простите, что так долго — артрит проклятый совсем замучил!

— Я пришел к Мод, — ответил он.

— Она живет за этим домом.

Денек выдался погожий, и дверь в моем флигеле была открыта нараспашку. Я поскорее скрылась в доме, пока он меня не заметил. Он постучал о дверной косяк. Я знала, что он придет, и все же испытывала смешанные чувства. Наконец, я вышла на переднее крыльцо.

Он снял шляпу.

— У меня двуколка, Мод. Денек такой хороший, я подумал, может, ты захочешь прокатиться.

— Мне нужно дождаться Лулу из школы, — ответила я. — Давай просто посидим и поболтаем, чайку попьем.

— Было бы здорово, Мод. — Он подвел коня к корыту, сам встал рядом и похлопал его по шее. Конь всхрапнул и ткнулся носом Джорджу в руку. Как он ласков с лошадью, подумала я. Мне всегда не нравилось, когда мужчины жестоко обращались со своими животными.

Он поднялся по ступенькам крыльца и сел в кресло-качалку, где по вечерам так любил сиживать Джеймс. Я уже была готова попросить его пересесть, но потом передумала, и кивнула на коня.

— Какой красавец, Джордж.

— Его зовут Пауни, он в нашей семье уже 60 лет.

— Шестьдесят? Разве такое бывает? — Никогда не слышала, чтобы лошади жили дольше тридцати.

— Ну, то есть его линия. Самому ему всего четыре года. Мой дедушка в Гражданскую войну служил в кавалерии и ездил на прапрапрадедушке Пауни.

В ту страшную войну в Теннесси и Миссури брат шел на брата.

— А за кого он воевал, Джордж? — спросила я.

— За Север, конечно!

— Да я так, просто спросила.

Я налила чай в стаканы, и мы целый час проболтали, сидя на крыльце. Я рассказала ему о своем детстве и браке, а он — о себе.

— Я живу в Кеннете, штат Миссури. Я там шериф. Раньше был помощником, но несколько лет назад шериф Лебек ушел в отставку, и назначили меня.

— А у нас тут шерифов нет — у нас председатель. Городок маленький, и шериф никогда не был особенно нужен. Не знаю, что бы мы делали, случись что-то серьезное. Наверное, вызвали бы маршала из самого Юнион-сити. А это опасно, служить шерифом?

— Не очень. Самое серьезное, что может случиться, — это драка в баре. Обычно я приезжаю, когда вызывают, и уговариваю

ребят прекратить. Иногда сажаю кого-нибудь за решетку, пока не протрезвеет. Чего-то особенно страшного у нас никогда не было.

— А если бы случилось, что бы ты стал делать?

Он оттопырил нижнюю губу и поскреб подбородок.

— Даже не знаю. Наверное, что-нибудь придумал бы.

— У нас тут и баров нет. Может быть, поэтому нам и не нужен шериф.

— А куда у вас ходят выпить?

— Ну, я слышала, что у некоторых фермеров есть перегонные аппараты. Никогда их не видела, но знаю, что у нас в городе несколько человек могут сделать ликер, когда им его захочется. Почти все в нашем городке посещают Баптистскую церковь или Церковь Святости. Пить у нас не очень принято.

Я вспомнила ту ночь, когда родилась Лулу, и дух спиртного от доктора, но не стала об этом говорить.

— Ну, я и сам иногда не прочь выпить. Но, наверное, потому, что я живу в Кеннете.

Мне это пришлось не очень по душе, но я промолчала.

— А Кеннет — большой город?

— Приличный. У нас есть банк и гостиница, недавно школу построили. Жить там здорово.

— А мне здесь нравится. Может быть, потому, что привыкла.

Когда вернулась Лулу, Джордж встал и поприветствовал ее:

— Добрый день, Лулу. Я Джордж, брат Бесси.

Она хмуро посмотрела на него.

— Я вас помню.

— Веди себя вежливо, Лулу, — упрекнула я ее слегка смущенно.

Лулу немного постояла, ожидая, что взрослые еще что-нибудь скажут, но все молчали. Наконец она спросила меня:

— Можно, я схожу к бабушке?

— Конечно, иди, — кивнула я.

Лулу повернулась и побежала к дому.

— Прости, Джордж, — сказала я. — Она просто стесняется.

— Ничего страшного, Мод. Мы скоро подружимся — я почти со всеми лажу.

Я встала.

— Спасибо, что приехал, Джордж. Вернешься домой — передавай от меня привет Бесси.

Он встал, взял мою руку и крепко ее сжал. Мне захотелось выдернуть ее, но я не стала. Он улыбнулся.

— Я бы хотел завтра снова приехать, Мод, если можно.

Он не произвел на меня сильного впечатления, но отказывать было невежливо.

— Думаю, да. Я буду дома.

Когда он уехал, я отправилась в большой дом, чтобы обсудить все с матушкой Коннор.

— Завтра он собирается вернуться, но мне он не очень нравится, матушка. Что же мне делать?

— Дай ему шанс, Мод. В городке ты так никого и не нашла — да у нас с женихами и негусто. Большинство холостяков вдвое, а то и втрое старше тебя. Ведь нельзя быть вдовой вечно. Ты еще совсем девочка. Тебе нужно жить дальше.

— Я довольна тем, что у меня есть вы, матушка. Зачем мне мужчина?

— Ну, я ведь не вечная и уже старею. А не станет меня — что ты будешь делать?

Я никогда об этом не думала, и сама мысль меня пугала. Я так привыкла, что свекровь всегда со мной.

— Вы ведь в порядке, еще долго проживете!

— Нет, Мод. Теперь у меня не только артрит — доктор Уилсон говорит, сердце у меня слабеет. Сестра в Нэшвилле уговаривает меня перебраться к ней. В прошлом году она потеряла мужа, дети все женились и разъехались. Нам с тобой обеим надо подумать о будущем.

— Вы же знаете, я о вас позабочусь! — отвечала я, чуть не плача. — Я переберусь в дом, как вы и хотели.

— Это будет нечестно по отношению к тебе. Ты еще молода, вы с Лулу заслуживаете большего, чем ухаживать за старухой. Может, я еще несколько лет не помру, а ты к тому времени лишишься последней возможности найти кого-нибудь.

Я пыталась привести другие доводы, но их не осталось. Когда Лулу заснула, я просидела остаток вечера на крыльце, уставившись в небо, такое же хмурое, как и я сама, — ни звездочки.

На следующий вечер Джордж приехал снова. Я решила дать ему шанс за мной ухаживать, и все же меня терзали сомнения. Не знаю, о чем я думала, но на сей раз все-таки согласилась с ним прокатиться. Мы проехали несколько миль по холмам Теннесси. Погода стояла хорошая, и мы болтали обо всем на свете, начиная с погоды — до учебы Лулу. Как раз к ее приходу из школы мы вернулись домой.

Моя десятилетняя дочь нахмурилась и посмотрела на него исподлобья. Не меняя сурового выражения лица, она убежала в дом, даже не поздоровавшись. Мне было неловко, и Джордж это заметил.

— Не переживай насчет Лулу, Мод. Она оттает, особенно если мы будем чаще встречаться. Можно мне приехать завтра?

Я все еще смотрела вслед Лулу — не в ее характере было так себя вести.

— Не знаю, Джордж. Я подумаю.

Он надел шляпу.

— Что ж, я заеду, а если у тебя будут дела, так и скажи, и я тут же уеду.

— Ладно, Джордж.

Я ушла во флигель, прижала к себе Лулу и поцеловала в макушку.

— Тебе не нравится мистер Фоли? А, крошка?

— Он ведь здесь не останется. Он вернется в Миссури, и если вы поженитесь, мне придется расстаться со своими друзьями. Скажи ему, чтобы больше не приходил.

Я задумалась над ее словами.

— Может, ты и права. Завтра я скажу ему, что будет лучше, если он перестанет приходить.

Она стиснула меня в объятиях и, вытянув шею, чмокнула меня в щеку.

— Я пойду к бабушке. Если понадоблюсь — зови.

— Хорошо, детка.

Я решила сказать Джорджу, что не хочу больше с ним встречаться. Потом отправилась в дом, и мы с Лулу и матушкой Коннор принялись готовить ужин. У нас уже сложилась семья, целых три женщины в доме, и мужчина нам был без надобности.

Матушка Коннор села чистить бобы, которые Лулу принесла с огорода. Это щелканье было таким ритмичным, как музыка. Лулу чистила картошку, а я панировала курицу. Чуть склонив голову и улыбнувшись, Лулу довольно произнесла:

— Мама скажет мистеру Фоли, чтобы он больше не приходил.

Матушка Коннор перевела взгляд с Лулу на меня, расширив глаза от удивления.

— О чем это ты, дитя? Твоя мама так не сделает.

— Сделает, если захочет.

Матушка Коннор бросила боб, что держала в руках, обратно в миску, потом подняла ее и так резко поставила на стол, что она едва не раскололась. Мы с Лулу подскочили от этого резкого стука стекла о дерево. Матушка Коннор покачала головой:

— Ты этого не сделаешь, Мод. Теперь ты обязана выйти за него замуж.

— О чем это вы? — ошарашенно спросила я. — Мы с ним едва знакомы!

— Вы вдвоем катались в двуколке, вас видела половина женщин города. Они весь день обсуждали, как мы сыграем свадьбу.

— Свадьбу? Да ведь он еще даже не сделал мне предложения. А если он и не хочет на мне жениться?

— Хочет. Только посмотри на него. Когда ты рядом, с его лица не сходит это влюбленное выражение. Если он еще не сделал тебе предложение, то сделает до отъезда.

Тут подскочила Лулу:

— Нет! Мы на нем не поженимся и не уедем в другой город, в другой штат, где мы никого не знаем!

Матушка Коннор хмуро посмотрела на внучку:

— Сядь и замолчи, юная леди. Ты в этом ничего не смыслишь, это дела взрослых. Твоя мама каталась в двуколке с молодым человеком, выезжала за город, их не было два часа. Никого не волнует, что они даже за руки не держались. Теперь она обязана выйти за него замуж. Иначе ее отлучат от церкви и ни одна приличная женщина в этом городе не станет с ней разговаривать.

Глаза Лулу расширились, и она плюхнулась обратно на стул.

Я принялась расхаживать по комнате. Отряхнув испачканные мукой руки о юбку, я сказала:

— Не хочу я за него замуж!

— Прости, Мод, придется, и ты сама это знаешь. Если не выйдешь, жизни здесь тебе все равно не будет. Я не хочу, чтобы ты уезжала, не меньше твоего. Может быть, удастся уговорить его остаться здесь с тобой. Можешь оставить себе дом, жить тут, а флигель сдавать, или наоборот. Я все равно все оставлю Лулу. Я уже сообщила настоятелю, где мое завещание и что в нем. Могу сказать Джорджу, что, если вы уедете, она ничего не получит. Может быть, тогда он останется.

Услышав, что ей, возможно, не придется расставаться с друзьями, Лулу повеселела и немного расслабилась. Я чувствовала, как она смотрит на меня в ожидании реакции.

Я знала, что матушка Коннор права. Город слишком маленький, а слухи ползут быстро. Если Джордж сделает мне предложение, я должна буду выйти за него замуж. А если нет?..

— О боже. Матушка, а если он не сделает мне предложения? Что мне тогда делать?

— Если к завтрашнему вечеру он этого не сделает, я пойду к Бесси. Она объяснит ему, что полагается делать. Если и тогда он не согласится, то и она не сможет здесь жить. Все женщины станут обвинять ее в том, что она привезла его сюда.

Я не знала, что сказать, просто стояла, потупившись и уставившись на половицы, как будто ища выход из этой дурацкой ситуации.

Когда на следующий день приехал Джордж, я кое-как

выдавила из себя улыбку, но от приглашения прокатиться отказалась и предложила ему присесть. Мы разговаривали о всяких пустяках, а в голове моей роились мысли о вещах по-настоящему важных. Я делала вид, что внимательно его слушаю, а на самом деле мне хотелось кричать. Я заставляла себя сидеть рядом с ним на крыльце, попивая чай и болтать как ни в чем не бывало, будто от его слов ничего не зависело. Все, что мне требовалось услышать, это предложение выйти за него замуж, и в то же время я боялась этого предложения. Я пыталась расслабиться, говоря себе, что он хорош собой, что другие женщины будут завидовать, ведь он такой высокий, ладный и веселый. Если я ему откажу, меня сочтут сумасшедшей.

Лулу уже должна была вот-вот вернуться домой, а он так и не заговорил о будущем. Я запаниковала. Он встал и попрощался. Я тоже встала. Джордж взял мою руку в свою и крепко сжал. Это был, наверное, второй раз, когда он до меня дотронулся, не считая наших прогулок, когда он помогал мне сесть в двуколку. Я внутренне напряглась в ожидании предложения.

— Ну что ж, Мод, завтра я уезжаю. Мне было очень приятно с тобой познакомиться. Если я еще вернусь, надеюсь, ты разрешишь мне снова тебя навестить.

Я лишь кротко кивнула и высвободила руку. Он одарил меня своей теплой улыбкой и развернулся к выходу. Я стояла неподвижно и смотрела ему вслед, пока он шел по дорожке и садился в двуколку. Матушка Коннор, которая до этого прислушивалась в ожидании звука отъезжающей двуколки, выскочила из дверей. Увидев меня на дорожке, она вопросительно на меня посмотрела. Я ответила самым грустным взглядом, какой она когда-либо у меня видела, и лишь качнула головой. Ахнув, матушка Коннор попросила пересказать мне слово в слово наш разговор, и я сказала, что ничего важного сказано не было, лишь беседа о погоде и прочих пустяках.

Губы матушки Коннор сжались.

— Я никогда не вмешиваюсь, и ты это знаешь, но с этой невыносимой ситуацией надо что-то делать.

Она повернулась — такой энергии я не видела в ней вот уже несколько лет — и вернулась в дом, хлопнув дверью. Она любила меня так сильно, что не могла видеть моих страданий, даже если в них была виновата я сама. Но разве я знала? Была бы жива моя мама, она бы рассказала, как обычно происходит ухаживание, но она умерла. За мной никогда раньше не ухаживали. С Джеймсом нас поженили родители, и тогда я еще была слишком маленькой, чтобы понимать, что это значит.

Где-то через час она вернулась — я как раз развешивала

белье во дворе. Она сказала:

— Сядь, Мод, я расскажу тебе, как все было!

Мы прошли к моему крыльцу и сели.

— Я добралась до дома Бесси так скоро, как могла на своих старых ногах. Передняя дверь была открыта, и я видела, как Бесси ходит по кухне. Я не постучала в ширму, но громко позвала: «Бесси, нам с тобой надо поговорить как женщине с женщиной».

Я затаила дыхание.

— А соседи слышали?

— Никого я не видела. Бесси улыбнулась мне этой своей улыбкой, от которой сразу становится тепло, вытерла руки о фартук и обняла. «Входите, — говорит. — Посидим, выпьем чего-нибудь, про свадьбу поговорим». Как я удивилась — словами не передать! Говорю ей: «Не в настроении я рассиживаться, да и свадьбы-то вроде никакой нет, нечего обсуждать. Джордж еще не вернулся?» А она: «Я слышала, как он подъехал. Должно быть, на конюшне». Тут она, наверное, поняла, что я расстроена, и спросила: «А что, Мод ему отказала?» Ну, тогда я ей рассказала, что он уехал, так и не сделав тебе предложение, и потому отказать ты не смогла бы, даже если бы захотела. У Бесси аж лицо побелело! Она-то с другими уже все обсудила и знала, что будет, если ее братец уедет, не женившись на тебе. «Как — говорит, — даже не предложил?» — «Ни слова не сказал. Просто как ни в чем не бывало заявил, что завтра уезжает и будет рад увидеться еще, если вернется!»

Видела бы ты ее лицо! Как будто вот-вот обрушит весь гнев Господень на голову Джорджа. Мне его даже почти жалко стало. Она прямо вся побагровела, губы сжались, руки в боки, кивнула мне и прямиком на конюшню. «Не волнуйтесь, — говорит. — Сестра Коннор, Джордж завтра никуда не поедет. Утром он придет к Мод».

Матушка Коннор похлопала меня по руке.

— Будь спокойна, девочка. Мы с Бесси позаботимся, чтобы все было хорошо.

У нее было такое коварное выражение лица, что мне стало не по себе, — как у тигрицы из книжки с картинками. И в то же время мне полегчало. Если матушка сказала, что все будет хорошо, значит, так и будет.

Глава 11

Спустя несколько лет Джордж рассказал мне, что случилось в тот вечер. Мне было и смешно, и грустно узнать, как Бесси его на мне женила.

Вот что я помню из его слов:

— Прихожу это я такой весь расслабленный домой, песенку насвистываю. Бесси накрывает стол к ужину, а Джон вытирает руки, не подозревая, что я сзади. Говорю Джону: «Завтра уезжаю — как мне будет вас не хватать! Славная вышла поездочка!» Рот у Джона распахнулся, он словно что-то хотел сказать, да так и не успел. Бесси занесла руку и залепила мне кулаком прямо в лицо. А рука у нее тяжелая — я отлетел к самой стене. Встаю, прислоняюсь к стене, потираю подбородок. Джон схватил Бесси за руку, оттащил, говорит: «Боже правый, Бесси, ты чего творишь?» А Бесси его и слушать не желает — на меня смотрит. Вырвалась, подбежала ко мне и как давай колотить в плечо, чуть было опять по лицу не стукнула. Я вытянул руки перед собой, чтобы она не дотянулась. Я защищался, не отвечая на ее удары. Тогда я не понимал, что ее так разозлило, но мы ведь выросли вместе, я знал ее характер и совсем не удивился. Джон подскочил и сграбастал ее в медвежью хватку, подняв высоко, чтобы она не вырвалась. «Прекрати, — говорит. — Бесси, что на тебя нашло?» А Бесси все буравит меня взглядом и вдруг как закричит: «Мод Коннор была моей лучшей подругой с самого первого дня в этом городе, и если ты думаешь, что можешь обесчестить ее, сначала катаясь вместе с ней в открытой повозке, а потом уехать, так и не женившись, подумай хорошенько. Я скорее горло тебе перережу во сне, чем допущу такое, даже если мне придется ехать за тобой в Кеннет!» И ведь она бы это сделала! Я вытянул перед собой обе руки: «Ладно, ладно, Бесси!» Она была вне себя. «Завтра же ты отправишься туда и попросишь эту девушку стать твоей женой!» Она вырвала одну руку из крепкой хватки Джона и ткнула в меня пальцем; он был так близко у моего носа, что едва не касался: «А не то!..» Я кивнул и про себя улыбнулся, гнев сестры рассмешил меня, но спорить с ней не стал. Когда она в таком настроении, шутки плохи. Бесси еще какое-то время посверлила меня взглядом, наконец, довольная, что я выполню ее приказ, села на свое место за столом, положив руки, как живое воплощение спокойствия. «А теперь сядем за стол и возблагодарим Господа за наш ужин». Джон весь тот вечер сидел, потупив взгляд, будто боялся заговорить. Поужинав, мы с ним вышли покурить, а Бесси осталась прибираться на кухне. Джон прокашлялся, словно не

решаясь вернуться к этой теме. «Джордж, ты что, правда женишься на Мод?» — «Придется. Ты же слышал Бесси». — «Ну да, но ты ведь ее не боишься? Она тебя любит и не причинит тебе зла. Да ей это и не под силу — она всего лишь женщина». С минуту я смотрел на него, потом сказал: «Вы что, никогда не дрались всерьез?» Он пожал плечами: «Ну, мы иногда спорим, как и все супруги». — «Ну, знаешь, если тебе еще раз доведется увидеть на ее лице такое выражение, не спорь — просто делай, как она скажет». — «Да я же говорю: она женщина, и любой из нас может без труда с ней справиться». — «Не одобряю я мужиков, что бьют женщин, что бы она ни натворила, к тому же она не простая женщина. Временами она напоминает мне нашу мать. Тебе же лучше, если научишься предугадывать такие моменты». Джон расхохотался:

«Да ну, неужели все так страшно?»

«Настолько, что завтра утром я оседлаю коня, поеду к Мод и попрошу стать моей женой. Я и сам об этом думал. Мне она нравится, в ней что-то есть».

«Так, говоришь, Бесси ведет себя совсем как твоя мать?»

«Почти, та еще страшнее».

«И как это твой отец с ней справлялся? Что, даже ничего не делал, чтобы ее успокоить? Я бы не выдержал, если бы она набросилась на меня, как на тебя».

«Папа ее боялся, как и я».

«Прямо до самой смерти?»

«Наверное».

«Наверное?»

«Мы не знаем, что с ним случилось. Однажды, лет десять назад, когда мы ложились спать, он был дома, а на следующее утро пропал».

«Неудивительно. Должно быть, сбежал, чтобы не жить с ней больше».

«Может быть, но он не взял с собой ни одежды, ни даже коня».

С этими словами Джордж запрокинул голову и расхохотался. Потом сказал:

— С той поры Джон смотрит на Бесси совершенно другими глазами. И все это время они прекрасно ладили.

Глава 12

Джордж приехал на следующее утро, около девяти. Для меня это было так, словно я увидела одного из всадников апокалипсиса. Он привязал Пауни к столбу и постучал в дверь флигеля. Я вышла, но не улыбнулась ему и ничего не сказала.

— Мод, я хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал он прямо с порога.

Я почувствовала, будто бы проваливаюсь в глубокую яму и ничего не могу с этим поделать. Отвернувшись, я кивнула. Он наклонился и поцеловал меня в щеку. Я не приблизила ее, чтобы не облегчать ему задачу.

— Я знаю, как ты любишь свою церковь, — сказал он, — поэтому, если получится, можно договориться со священником на завтрашнее утро. Я бы сразу начал готовиться к отъезду. Я и так припозднился на работу, не то остался бы еще на пару дней. Когда Джон привез Бесси, он взял мой фургон, так что теперь мы можем забрать его назад в Миссури со всеми вещами, что тебе необходимы.

Я посмотрела на него.

— Я как раз хотела попросить тебя остаться здесь, Джордж. Бесси будет рядом, и Лулу не придется разлучаться со своими друзьями. Матушка Коннор сказала, что мы можем жить во флигеле, сколько захотим.

— Это очень мило с ее стороны, Мод, но у меня работа, дом, хозяйство, да и за матерью надо ухаживать.

Мне было больно это слышать, но что я могла ответить? Я кивнула.

— Тогда я поговорю со священником насчет завтра. Сегодня у меня много дел. Увидимся завтра утром в церкви. Думаю, часиков в десять.

С минуту я стояла на крыльце, когда он уже ушел. Повернувшись, я увидела в дверях Лулу, лицо ее заливали слезы. Сердце мое разрывалось от боли за нас обеих. Я села в кресло-качалку и усадила Лулу на колени. Какое-то время мы сидели так, иногда я и сама плакала.

Потом отправилась в дом священника, рассказала обо всем сестре и брату Кларк, и он ответил, что сможет провести церемонию на следующее утро. По дороге домой я плакала. Теперь, когда назначили точное время венчания, все вдруг стало для меня реальным. Придя во флигель, я начала готовиться к отъезду в Миссури. Все время, пока я собирала вещи, Лулу всхлипывала, и, укладывая их, мы обе смахивали слезы.

Я взглянула на свои вещи, задумавшись, что надеть завтра на свадьбу. Я погладила кончиками пальцев платье, расшитое белыми цветочками, что я сшила на свадьбу с Джеймсом, и положила его на кровать. Ни за что на свете я не заставлю себя надеть его — для меня это было все равно что изменить Джеймсу.

Я достала клетчатую рубашку Джеймса, которую надевала в тот день, когда он умер. С тех пор я ее не стирала. Теперь же уткнулась в нее лицом и глубоко вдохнула, надеясь уловить хоть слабую нотку его запаха, но он развеялся. Я завернула ее в свадебное платье и уложила в кедровый сундук, что сделал для меня Томми. Лишь это осталось у меня от той сказки, в которой жили мы с Джеймсом. Наконец я решила надеть на свою вторую свадьбу повседневное платье из синего ситца, которое часто носила.

Я рассказала матушке Коннор о свадьбе, а Лулу, наверное, сообщила своим подружкам. Должно быть, и Кларки говорили кому-нибудь, а Бесси — кому-то из соседей. На следующее утро, когда мы с Джорджем произносили клятвы, в Церкви Святости не было ни одного свободного места. Сплетницы городка пришли раньше всех и сели в первом ряду, дабы проследить за тем, чтобы Джордж все сделал правильно. Даже кто-то из баптистов пришел.

Священник, воспользовавшись случаем, прочитал проповедь всем супружеским парам — не подготовленную речь, а просто по Библии. Я заранее попросила его опустить отрывок из Руфи, что заучила на свою свадьбу с Джеймсом, поэтому он зачитал Послание к Ефесянам 5, 22–33, о том, как мужьям и женам полагается вести себя друг с другом.

Я согласилась любить, чтить и слушаться. Джордж пообещал то же самое. Я принесла клятву в церкви перед лицом Господа, и мы стали мужем и женой. Дело сделано, назад дороги нет. Когда мы выходили из церкви, священник вручил мне конверт.

— Это членские письма прихожан для новой церкви — тебе и Лулу. Мы будем по вам скучать, Мод.

Мы быстро пообедали у матушки Коннор вместе с ней и Хелен, и Джордж посадил Лулу в фургон, а затем погрузил мою одежду и другие вещи. Места там было не очень много. Джордж сказал, что дом его полностью меблирован, поэтому я оставила всю свою мебель, кроме люльки, что сделал для Лулу Джеймс. Я ожидала, что она мне понадобится, и надеялась, что Джордж окажется таким же нежным любовником, как и Джеймс.

Когда мы обнялись со всеми и взяли обещание с Хелен и Бесси, что они будут нас навещать почаще, — ведь до Кеннета было всего несколько миль! — Джордж посадил нас с Лулу в фургон. Матушка Коннор вручила нам корзинку с едой, которую

собрала в дорогу.

Уже отъезжая, я оглянулась и помахала моей семье. Все девушки и женщины плакали. Я обняла Лулу за плечи и похлопала по спине. Она немного успокоилась, а через несколько часов пути заснула у меня на плече.

Единственная жизнь, которую я знала, таяла за горизонтом, и я изо всех сил заставляла себя смотреть в будущее. Нужно было найти свое место в незнакомом городе, где у меня осталась лишь Лулу да мои скромные пожитки и незнакомец, сидевший рядом со мной на сиденье фургона.

Глава 13

Уже начинало темнеть, когда мы подъехали к берегам Миссисипи, чтобы переправиться через реку из Карузерсвилля, штат Миссури. Вдалеке виднелся паром Пауэлл — к утру он доставит нас на другой берег. Всю свою жизнь я прожила в нескольких милях от реки, но никогда ее не видела. Миссисипи была одновременно прекрасной и пугающей. В школе нам говорили, что она тянется до самой южной границы Соединенных Штатов. Глядя на проплывающие мимо груженые суда, я думала о местах, где они будут причаливать, прежде чем достигнут Нового Орлеана. Как было бы здорово уплыть на них вместе с Лулу от той жизни, что ждет меня впереди.

Мы поужинали тем, что было в корзинке, и какое-то время постояли. Джордж отвязал Пауни, напоил его из ручья и дал пощипать травки.

— Ты его не стреножишь? — спросила я.

— Это и не нужно — он всегда держится футах в сорока-пятидесяти от меня. Я помог ему родиться, растил его почти что наравне с матерью. Когда ему было всего несколько часов, я уже стал ухаживать за ним и расчесывать каждый день, сразу же надел на него узду и начал потихоньку обучать. Еще жеребенком он научился ходить в сбруе.

— А сколько у тебя лошадей? — спросила я.

— Сейчас — только он. Раньше у нас было четыре-пять: его отец — Раскал и несколько меринов. Когда Раскал умер, мы продали меринов, чтобы сэкономить на корме. Пока они мне не нужны, так что у меня только он. Когда-нибудь я куплю еще одного мерина и поставлю в конюшню, но пока Пауни молодой, и это случится еще нескоро.

— Он такой умница. Как можно обучить такую лошадь?

— Я говорил, что ухаживал за ним и расчесывал с самого рождения. И когда ему исполнилось несколько месяцев, я начал обвязывать его веревкой. А когда он к ней привык, я стал подкладывать под нее покрывало. Видишь, как ему нравится, когда его расчесывают? Это я и делал, всякий раз увеличивая нагрузку на его спину. Потом он подрос, и я надел на него седло. Когда он привык к седлу, я еще немного увеличил вес, а в три года я и сам оседлал его.

— И он вот так просто позволил тебе?

Джордж рассмеялся.

— Нет, недели три он просто сбрасывал меня. Я на несколько часов оставлял его ходить под седлом, затем расседлывал, и на

следующий день снова пробовал.

— И наконец он тебе разрешил?

— Однажды он сбросил меня, и я приземлился прямо на спину. Аж дух перехватило, пришлось некоторое время полежать, прежде чем я снова смог дышать. Он перепугался и сам все подходил ко мне, пытаясь поднять. Все тыкался и храпел мне в лицо. Если лошадям вообще свойственна мимика, то у него был самый настоящий виноватый вид. На следующий день он не взбрыкнул, когда я взобрался на него, а стоял смирно. Наконец мне удалось проехать на нем некоторое расстояние, и тогда каждый день я стал проезжать чуточку дальше. Через неделю, или около того, я уже пустил его легким галопом. С тех пор это стал не конь, а золото — делает все, что я ни попрошу. Многие ездовые лошади не стали бы тянуть повозку, а ты посмотри на него! Везет как миленький.

Пауни еще немного пожевал траву, а потом изъявил желание поиграть. Он подошел к Джорджу сзади и несколько раз ткнулся носом ему в спину, каждый раз все настойчивее, до тех пор, пока тот не обратил на него внимание. Тогда Джордж достал из сумки щетку и причесал длинную густую гриву Пауни и хвост, который почти доходил до земли.

Его настроение передалось и Лулу, она нашла мешочек с лентами и принялась заплетать ему гриву в косы, повязывая каждую из них ленточкой разного цвета. Пока она делала свое дело, Пауни стоял смирно, зажмурившись. Закончив, она похлопала его по шее и сказала:

— Ну вот, теперь ты совсем красавчик!

Пауни повернул голову. Огромный жеребец обнюхал маленькую девочку и ткнулся в нее мордой. Лулу обхватила его за шею руками и крепко прижалась.

Джордж развел костер, чтобы отпугнуть змей и диких животных, потом расстелил на траве покрывала, и мы легли спать прямо на землю. На следующее утро, позавтракав, Джордж снова привязал Пауни к фургону, и мы отправились на паром. Под колеса подложили балки, чтобы фургон не катался во время переправы. Паромщик, похоже, хорошо знал Джорджа.

— В церковь его нарядил, что ли? А, Джордж? — спросил он, указав на косички Пауни, и расхохотался.

Мы с Лулу стояли рядом с фургоном и держались за перила; одной рукой Лулу обнимала меня за талию. Джордж, подойдя к паромщику, рассказывал ему что-то смешное. Течение несло паром, он ходил из стороны в сторону, и я что есть силы вцепилась в перила — даже руки онемели. Гребец старался грести как можно ровнее, не поддаваясь течению. Казалось, мы никогда

не доплывем до другого берега, но вот наконец мы причалили. Джордж выкатил фургон на берег, и мы помахали на прощание.

Конь Джорджа прядал ушами, как будто знал, куда мы отправимся дальше. Мы ехали все утро и до самого вечера, остановившись всего однажды, чтобы покормить коня и доесть то, что осталось в корзинке.

Когда наступила ночь, Лулу заснула, положив голову мне на колени, а мы с Джорджем, прильнув плечом к плечу, задремали, то и дело просыпаясь всю дорогу.

Залаяли собаки: занималось утро. Месяца не было, и даже солнце еще не начало вставать. Небо было таким темным, что дом нельзя было различить.

— Ну, вот мы и приехали, Мод, — сказал Джордж, выходя из фургона. Затем он зашел с моей стороны и взял спящую Лулу на руки. Я слезла и пошла вслед за Джорджем по дорожке, ведущей к входной двери.

Когда мы поднялись по ступенькам, дверь распахнулась, и на пороге появилась хмурая пожилая женщина с масляной лампой в руке. Она подняла лампу, и я увидела по обе стороны от нее двух больших собак, скалящих зубы с утробным рычанием.

Джордж глубоко вздохнул:

— Мама, это моя жена, Мод. — Он кивнул на спящую Лулу. — А это ее дочка Лулу.

Рот у старухи открылся сам собой. Она подошла вплотную ко мне и уставилась пристальным тяжелым взглядом. Мы были примерно одного роста, хоть она и стояла, согнувшись. Седеющие волосы разметались по плечам.

Под ее взглядом я сжалась. Тут мать Джорджа посмотрела на Лулу. Глядя на мою спящую девочку на руках у Джорджа, она протянула руку. Повинуясь материнскому инстинкту, я шагнула назад, но тут старуха погладила Лулу пальцем по щеке и мило улыбнулась как ни в чем не бывало.

— Пусть живет в комнате Бесси, — заключила она.

Затем придержала дверь, чтобы Джордж внес Лулу в дом, и с шумом захлопнула ее, а я так и осталась стоять на крыльце с двумя собаками, скалившими зубы и рычащими пуще прежнего. Я почувствовала одновременно обиду и злость.

«Вот, значит, как!» — подумала я и толчком открыла дверь, шагнула внутрь и захлопнула, пока собаки не успели вбежать следом. За Джорджем и его матерью я поднялась по лестнице. Он внес Лулу в одну из спален, мать раскрыла покрывала на кровати, и Джордж уложил девочку.

— Пойду принесу оставшиеся вещи из фургона и привяжу Пауни, — сказал он и вышел.

Старуха молча стояла в углу комнаты и смотрела, как я снимаю с Лулу ботинки и носки и раздеваю до трусов. Затем я подоткнула одеяло, чмокнула ее в щечку и повернулась.

— Я покажу тебе комнату Джорджа, — резко сказала старуха.

Она отвела меня в большую угловую спальню, отступила, чтобы я вошла, и вышла, снова хлопнув дверью и забрав с собой лампу. Я так и стояла в полумраке, едва различая очертания мебели.

Одно из окон выходило на задний двор, а второе — на боковую часть двора. Когда глаза привыкли к темноте, я огляделась. У стены стояла большая кровать, рядом — столик, а на нем лампа; напротив — шифоньер. Я поискала возле столика спички, чтобы зажечь лампу, но не нашла их. У окна, выходившего на задний двор, стоял стул. Штор не было. Я подошла к окну и выглянула на улицу. В темноте виднелись контуры нескольких небольших строений. Одно из них скорее всего было туалетом, еще — курятник, а на заднем дворе я различила постройку с трубой — наверняка коптильня, и еще виднелись деревья сада.

В свете, лившемся из дверей конюшни, я увидела собак, гулявших по двору, и тень Джорджа. Спустя минуту он вышел из конюшни с моим кедровым сундуком. Донес его до заднего крыльца, затем вернулся к конюшне, взял масляную лампу и направился к дому. Собаки следовали за ним по пятам. Джордж остановился, чтобы погладить кошек, столпившихся вокруг него и теревшихся о ноги. Я наблюдала, как он идет к туалету. Мне тоже нужно сделать это перед сном, подумала я. Через несколько минут Джордж вернулся в спальню с лампой, поставил ее на столик и вышел, чтобы принести сундук.

— Фургон на конюшне, — сказал он. — Остальные вещи принесу завтра.

— Мне… это… нужно… перед сном, — запинаясь, сказала я, чувствуя, что краснею.

— В туалет хочешь? Сходи на горшок, он прямо под кроватью.

Но не могла же я сделать это при нем!

— Я лучше выйду.

Взяла лампу, спустилась по лестнице, дошла до кухни и вышла на задний двор. Собаки лежали на крыльце, но едва я вышла, как они тут же подскочили ко мне, опустив головы и прижав уши, и зарычали. Желудок у меня сжался от страха. Внезапно меня снова охватила злость. Я с ног валилась от усталости и уже была готова на все.

И я зарычала в ответ, показывая им свои зубы.

— Сидеть! Тихо! Не то я вас так отпинаю, что ходить не сможете!

И собаки сели и замолчали.

Я зашагала по дорожке, напевая и слегка притопывая, чтобы отпугнуть змей. Собаки шли за мной и, когда я вошла в туалет, сели у дверей. Свет был тусклым, а запах мне не понравился. В полумраке туалет казался чистым, но и в моей семье, и у Конноров было заведено содержать отхожее место в идеальной чистоте, время от времени передвигая его и сыпля в яму известь, чтобы справиться с неприятным запахом. «Надо будет утром поговорить об этом с Джорджем», — подумала я.

Собаки проводили меня до дома и, когда я открыла дверь, попытались войти в дом. Я шикнула на них:

— Ну-ка прочь!

Они улеглись на крыльце, одна положила голову на спину другой, и задремали.

Я поднялась по лестнице в спальню, со страхом предвкушая то, что должно было произойти. Тогда я снова вспомнила слова Хелен, сказанные перед свадьбой с Джеймсом: «Ты его жена, и чего бы он ни захотел, ты должна позволить ему это сделать».

Я надеялась, что мы поладим с Джорджем точно так же, как и с Джеймсом, но с Джеймсом мы были знакомы всю жизнь, прежде чем пожениться, а с Джорджем — всего пять дней.

Он уже лег в постель, свалив одежду грудой у кровати.

— Все нормально? — спросил он.

— Отлично, — ответила я. Затем открыла кедровый сундук и достала ночную сорочку, набросила на голову и разделась под ней. Джордж молча смотрел на меня. Я обошла кровать и легла рядом с ним. Он быстро чмокнул меня в щеку.

— Мод, день у нас выдался тяжелым, — сказал он. — Давай-ка спать. — И повернулся ко мне спиной.

Через минуту по его дыханию я поняла, что он заснул. Некоторое время я лежала рядом, наконец расслабилась и задремала, гадая про себя, что за человек достался мне в мужья.

Глава 14

Когда на другое утро я проснулась, Джордж уже спустился на первый этаж. Я оделась и пошла проведать Лулу. Постель была пуста, но с кухни доносился ее звонкий смех, и я отправилась туда. Лулу сидела за столом и ела пирожки, испеченные на завтрак. Мать Джорджа стояла у плиты. Она повернулась, улыбаясь, но при виде меня в дверном проеме улыбка ее тотчас же исчезла.

Я же улыбнулась ей:

— Доброе утро, миссис Фоли.

Старуха вновь отвернулась к плите. Я села за стол и сделала глубокий вдох, затем, вновь обращаясь к ней, сказала:

— Вчерашний день, похоже, совсем меня измотал: не помню, когда я в последний раз вставала так поздно. Кстати, как нам к вам обращаться?

— Я буду звать ее бабушкой, — вставила Лулу. — Она разрешила.

Я подождала ответа, но его не последовало.

— Матушка Фоли, или матушка, или миссис Фоли? Как лучше?

Мать Джорджа переложила несколько пирожков со сковороды на тарелку, села и стала их есть, так и не произнеся ни слова. Лулу, похоже, тоже почувствовала странность ситуации.

— Бабушка, думаю, мама может звать тебя матушкой Фоли, а? — спросила она, склонив голову.

— Мне все равно, — с улыбкой ответила та ребенку, по-прежнему не глядя на меня.

Последнее, что я ела, был наш дорожный ужин прошлым вечером, и, кажется, для меня моя новая свекровь пирожков печь не собиралась. Поэтому я встала и подошла к плите.

— Это моя кухня, — сказала миссис Фоли.

Не знаю, откуда вдруг во мне явилась храбрость — совсем как с собаками прошлым вечером. Я повернулась и посмотрела ей прямо в глаза.

— Была. Теперь она либо ваша, либо моя, либо общая. Я довольно неплохо готовлю — во всяком случае, так мне говорили. Может быть, вам тут понадобится помощь. Наверное, в вашем возрасте нелегко тащить на себе такое хозяйство.

Я видела ее зубы — точь-в-точь как у ее собак.

— Я отлично с этим справлялась сорок лет, с тех самых пор, как муж привез меня сюда.

Я с трудом сдержалась, чтобы не сострить в ответ, но снова

постаралась быть дружелюбной.

— А откуда вы?

Миссис Фоли села, выпрямив спину и выпятив подбородок:

— Я из Оклахомы, родилась в Биг Хилл Осейдж, в племени важажи. Когда-то мой народ владел территорией, на которой теперь помещаются три штата. Лошадей у нас было больше, чем у любого другого племени.

Я была удивлена: Джордж никогда не говорил, что он индеец.

— Во мне тоже течет немного индейской крови, — кивнула я. — Моя прапрабабушка была из индейцев чироки, из Восточного Теннесси, но я родилась уже после ее смерти и никогда ее не знала. А каким был отец Джорджа?

— Дурак он был, — хмуро отвечала миссис Фоли. — Белый, и из рода дураков. Наобещал с три короба, и все наврал. Нужно было за *своего* выходить.

Склонившись, она продолжила есть. Было видно, что разговаривать ей больше не хочется. При свете дня вид у нее был не менее устрашающий, чем накануне ночью. Кожа — словно высушенная шкура, изборожденная глубокими морщинами, особенно на лбу, будто бы с ее лица не сходило хмурое выражение; от крыльев носа к уголкам рта спускались глубокие борозды. Тонкие волосы заколоты в пучок на затылке. Я попыталась представить ее в молодости. Джордж и Бесси явно пошли в отца — должно быть, он был очень привлекательным мужчиной. Наверное, и миссис Фоли была когда-то симпатичной, иначе вряд ли она зацепила бы его.

Однако больше всего меня поразили ее руки — красивые руки. Пусть от работы они огрубели и покрылись мозолями, но пальцы были длинными, сужающимися к концу, совсем как у женщины, игравшей на фортепиано в нашей церкви.

В животе у меня заурчало от голода. Я поискала в буфете и нашла кукурузную крупу и маленькую кастрюльку; на столике стояло ведро с водой. Огонь в печи пылал, поэтому я налила воды в кастрюльку и замешала крупу. Когда каша занялась, я налила себе чашку кофе из стоявшего на плите кофейника и отхлебнула. Кофе был таким крепким, что я поморщилась. Немного разбавив его водой, я спросила:

— А где Джордж?

— На работе. Сказал, если понадобится, попроси любого в городе, и тебя к нему отведут.

Я посмотрела на Лулу.

— Пожалуй, пойду посмотрю, где Джордж работает. Он сказал, идти всего пару миль. Не хочешь со мной?

Лулу доела и подскочила:

— Да, мы пойдем в настоящую тюрьму, вот здорово!

Мы обе ни разу в жизни не видели тюрьмы.

— Но сначала давай разберем вещи. — Затем я повернулась к матери Джорджа: — Вы носите Джорджу обед?

— Нет.

— Что ж, я спрошу, хочет ли он.

— Пойду кур покормлю! — С этими словами миссис Фоли подскочила и вышла за дверь, громко хлопнув ею за собой.

— Давай-ка осмотрим дом при свете дня, — сказала я Лулу.

Мы начали с первого этажа. В самом центре была лестница, прямо перед входной дверью. По одну сторону от нее — веранда, по другую — столовая. На веранде стоял диванчик и два стула, столики с масляными лампами; на стенах висело несколько фотографий. Я вгляделась в них. На одном желтеющем снимке была мать Джорджа в молодости. Я оказалась права: Бесси на нее не была похожа ни капельки, но миссис Фоли была довольно приятной внешности. На других фото были Джордж и Бесси, но вот снимков их отца не было и следа.

На противоположной стене был вход в столовую, она оказалась без мебели. В дальней части дома — большая кухня и маленькая комнатка с полками, служившая кладовкой. Еще была ванная со шкафчиком, на его полках были аккуратно сложены полотенца — довольно старые и местами дырявые. «Где же колодец?» — подумала я.

Стены были без обоев, они до середины были обшиты панелями и окрашены так давно, что трудно было с точностью определить, в какой цвет. Было бы здорово поклеить обои и выкрасить панели заново.

В доме было чисто, но все было потрепанное и изношенное. Похоже, за все эти годы не обновляли обивку мягкой мебели и отделку деревянных предметов.

— А теперь пойдем на второй этаж, — сказала я Лулу, и мы отправились туда. Там было четыре спальни: та, где спали мы с Джорджем; комната Лулу; еще одна совсем без мебели и с пустыми стенами, а в четвертую дверь была закрыта, и я решила, что это комната его матери.

В комнате Лулу, когда-то принадлежавшей Бесси, стоял большой платяной шкаф, где помещались все вещи Лулу. На окне висели чистые белые занавески с кружевной каемкой, на обоях в цветочек — милые картинки. Кровать была застелена белым покрывалом, аккуратно простеганным и таким широким, что края его с обеих сторон касались пола. На кровати еще лежало несколько мягких подушек. Пол устелен ковриками ручной работы. Пожалуй, это была самая уютная комната в доме.

— У тебя самая красивая комната, — сказала я дочери, крепко ее обняв. — Матушка Фоли вчера сказала, что раньше тут жила твоя тетя Бесси.

— Пойдем посмотрим твою? — предложила она.

Комната, доставшаяся нам с Джорджем, была совсем неуютной. Покрывало было чистым, но изношенным и тонким, как полотенце, и кое-где совсем обветшало. И никаких картинок на стенах.

— Как-то не очень, мам, — грустно протянула Лулу. Я улыбнулась ей.

— Не все придают такое значение вещам, как мы. Зато представь, как будет здорово привести комнату в порядок? Я спрошу у Джорджа разрешения купить ткани для нового покрывала и штор. Давай займемся вещами позже, а пока сходим в город и пройдемся по магазинам? Может, и обои подберем.

Выйдя из дома и пройдя немного, мы повернулись, чтобы посмотреть на него издалека. Видно было, что его просто необходимо перекрасить, да и ступеньки у крыльца просели. Нужно будет и об этом сказать Джорджу, решила я.

От нашего крыльца до крыльца соседнего дома было всего несколько шагов. Джордж сказал, что его участок занимает около пяти акров[2] и задней частью граничит с рекой; но дома были так близко расположены друг к другу, что я решила, что оба они построены по углам своих участков.

— Куда теперь? — спросила Лулу.

— Не знаю, — ответила я, уже было собираясь пойти к миссис Фоли, но передумала. — Сбегай к маме Джорджа, спроси.

Вернувшись, Лулу указала направо:

— Вон туда!

Пока мы шли через центр городка, я думала об отце Джорджа. Ни мой муж, ни Бесси никогда не говорили, что их мать — чистокровная индианка. Я знала, что многие постыдились бы признаться в том, что они наполовину индейцы, но на самом деле в жилах большинства моих знакомых была хоть капля крови чироки. Это племя было дружелюбно по отношению к белым — их дочери свободно выходили замуж за вчерашних колонистов. Среди самих колонистов женщин недоставало, а чироки были красивым народом.

Дом Джорджа располагался где-то в четверти мили от высоких зданий центра города. Кеннет был намного больше моего родного городка. По дороге мы с Лулу обсуждали, как украсим наш новый дом. Учебный год начинался после сбора урожая, и я надеялась отвлечь Лулу от грустных мыслей о расставании с друзьями. Мы прошли извозчичий дом, несколько участков,

намного меньше, чем земля Джорджа, и баптистскую церковь. Вдалеке виднелись шпили другой церкви. Хоть бы это была Церковь Святости, подумала я. Может быть, Лулу найдет там новых друзей.

Центр города поражал множеством городских зданий и предприятий. Был там и банк, и ратуша, и лавка цирюльника, который одновременно служил дантистом, и пожарная часть, и гостиница, и ресторан, и по меньшей мере шесть магазинов.

Я поискала глазами, но вывесок типа «тюрьма» или «шериф» нигде не было. Тут из универмага вышла молодая женщина и улыбнулась нам. Вид у нее был дружелюбный, поэтому я спросила:

— Простите, не подскажете, где я могу найти шерифа?

— Ты, должно быть, Мод, а это, наверное, Лулу? — отвечала с широкой улыбкой женщина. — Какая ты хорошенькая! Я Сара Грэм. Мой муж — заместитель Джорджа. Весь город хочет с вами познакомиться. Джорджа здесь все любят, и мы так удивились, узнав, что он наконец женился! Сколько девушек в Кеннете останутся безутешными! Я провожу вас к шерифу, это в самом конце улицы.

Она шагнула к нам и взяла меня под руку. От такого приветствия на душе у меня потеплело. Она была вся такая опрятная и аккуратненькая, и одежда на ней была явно не ручной работы. По дороге я рассказала ей о том, что хочу отремонтировать дом, а Сара показала, где лучше всего покупать продукты, а также магазин тканей, кабинет врача и прочие важные места, попутно снабжая все это комментариями. У жены банкира — чахотка, а жена мэра на тридцать лет моложе своего мужа. На будущий год в школу придет новый учитель, потому что прежний женился и планирует переехать.

Дойдя до тюрьмы, мы увидели, что конь Джорджа привязан у крыльца, а сам он — внутри, за своим столом, как раз наливает себе кофе из большого кофейника. На Джордже была жилетка, которой я раньше не видела, а к ней приколот круглый значок со звездой. На верхней части красовалась надпись «Шериф», а по низу — «Кеннет, Миссури». Я почувствовала легкий прилив гордости.

— Смотри-ка, кто пришел, Джордж! — сказала Сара. Джордж подскочил и представил нас с Лулу своему заместителю, Дугу Грэму.

Сара с Дугом попрощались и отправились домой, обедать. Джордж указал мне на стул у стола.

— Как у тебя с мамой сегодня утром? — спросил он, и по его тону я поняла, что он догадывается об ответе.

— Нужно будет над этим поработать, — призналась я. — Двум женщинам нелегко ужиться под одной крышей. Надо просто разграничить пространство, вот и все. Я сегодня осмотрела дом. Ничего, если я немного приведу в порядок нашу спальню?

— Спальню? А что с ней не так? Что ты собиралась сделать?

— Да вот хотела обои поклеить и купить ткани на шторы и покрывало.

— И сколько это все стоит?

— Схожу в магазин и узнаю.

Джордж задумчиво поскреб подбородок.

— Прежде, чем заказывать, сообщи мне. Мы не богачи, знаешь ли.

Тут меня взяла злость. Сначала рычащие собаки, потом миссис Фоли, теперь вот Джордж обращается со мной, как с ребенком. Все 26 лет своей жизни я делала то, что мне было велено. Хватит, решила я, теперь это в прошлом.

— Я просто смотрю вокруг, Джордж. У тебя хороший дом и много земли. У большинства этого нет. Я вовсе не транжира — всю свою жизнь я считала каждый пенни, и теперь не собираюсь меняться. Я лишь пытаюсь понять, что делать дальше.

Он положил руки на стол.

— Прости, Мод. Я вовсе не хотел сказать, что тебе нельзя привести комнату в порядок, только это нужно спланировать заранее. Маму никогда не волновал внешний вид — лишь бы было чисто. Только Бесси заботилась о том, чтобы в ее комнате было уютно. Узнай, сколько денег потребуется. Я получаю жалование каждый месяц. Если не уложимся за один раз, можно сделать что-то в этот месяц, а что-то — в следующий. Идет?

Я положила свою руку на его, и это прикосновение явно застало его врасплох.

— Отличное решение, Джордж. Я пройдусь по магазинам и посмотрю, что у них есть.

У дверей я остановилась и обернулась:

— Матушка Фоли сказала, что обычно ты не берешь с собой обед. Тебе как лучше: возвращаться домой к обеду или есть в ресторане?

— Я обычно до ужина не ем. Просто плотно завтракаю, выпиваю кофе и так держусь весь день, до самого дома.

— Так не пойдет. Хочешь, я буду приносить тебе обед? Мне несложно, а заодно нам с Лулу будет чем заняться.

— Было бы замечательно, но только если ты сама хочешь. Я привык обходиться без обеда.

Я улыбнулась.

— До скорого. — И выходя, услышала, как он тихо

насвистывает какую-то мелодию.

Мы с Лулу обошли несколько магазинов, приценились к тканям и посмотрели образцы обоев. Казалось, все уже знали, кто я, и каждый встречный говорил мне, как они любят Джорджа. При этом, я обратила внимание, что никто не сказал ничего приветливого о его матери — впрочем, о ней вообще не упоминали. Я записала артикул понравившихся мне обоев, и хозяин магазина сказал мне, сколько понадобится для комнаты. Выбрав обои с большими столистными розами, я подобрала к ним светло-зеленую ткань, сочетавшуюся с цветом листочков на обоях. Славное выйдет покрывало!

Рядом был магазин, где продавалось готовое постельное белье, но я зашла туда лишь в поиске идей. У меня никогда не было фабричных вещей, и я не собиралась тратить деньги на то, что считала причудами богачей.

Мы вернулись в полицейский участок, чтобы сообщить, сколько денег понадобится. Когда я открыла дверь, Джордж крепко спал, положив ноги на стол. Проснувшись, он встал и сонно мне улыбнулся:

— В Кеннете не так много преступников.

Я рассмеялась:

— Это хорошо, не хотелось бы мне жить там, где их много.

Потом изложила ему, сколько денег потребуется на обои и ткань. Было видно, что он обрадовался, узнав, что многое я смогу сшить сама.

— Заказывай, Мод. Думаю, потянем. Давно пора навести порядок в этом доме.

Мы с Лулу вернулись в магазин, заказали обои и ткань и, довольные, отправились домой. По дороге нам встретились еще несколько человек, тепло нас приветствовавших. Было среди них и несколько девочек — ровесниц Лулу, и они тут же подружились. До школы оставалось еще несколько недель, и они договорись увидеться там. Этот городок казался мне самым дружелюбным местом на свете. У нас в Перкинсвилле обычно на приезжих смотрели искоса, пока не узнавали их хорошенько. Теперь нам с Лулу обеим стало легче.

Приближаясь к дому, я увидела на заднем дворе мать Джорджа. На веревке было развешено белье, а сама она стояла у заднего крыльца и сворачивала голову курице. Для любого деревенского жителя это была обычная картина, но выражение лица старухи меня испугало: ей явно нравилось это занятие. Положив руку на плечо Лулу, я быстро повела ее к входной двери.

— Кажется, на ужин у нас будет курица, — сказала я.

Мы по очереди сходили в туалет. Выйдя, я увидела, что Лулу

и матушка Фоли сидят на заднем крыльце. Перед ними стояла лохань с горячей водой, и они ощипывали курицу. Старуха то и дело останавливалась, чтобы окунуть тушку в воду. Рукава ее рубашки были закатаны до локтя, и я с удивлением увидела на предплечьях татуировки и едва заставила себя не пялиться. Лулу смеялась над чем-то, что говорила ей ее новая бабушка, но стоило мне подойти, старуха немедленно замолчала.

— Может быть, я пока почищу картошку или еще что-нибудь сделаю к ужину?

— Я почти все уже сделала, — холодно отвечала матушка Фоли. — Ужин еще нескоро.

— Хорошо. Тогда я, пожалуй, пойду приготовлю стирку на завтра.

— На завтра? Да ведь я только что постирала.

— Знаю, но я еще не разобрала наши вещи. Негоже, чтобы они лежали грязными.

Матушка Фоли коротко кивнула:

— Рада слышать. Я тоже люблю чистоту. Иди.

— Иду.

Уже подходя к кухне, я услышала, как свекровь снова вернулась к прерванной истории:

— В тот день мой дед украл у Кава двадцать лошадей. За одной из них до самого дома бежала собака. Она была очень привязана к этой лошади и никогда ее не покидала. Куда бы дед ни поехал, собака следовала за ними по пятам.

Лулу снова рассмеялась над бабушкиным рассказом о собаке и лошади. Я была благодарна хотя бы за то, что старуха прониклась симпатией к моей девочке. Ее нелюбовь ко мне я уж как-нибудь переживу, лишь бы Лулу было хорошо.

Я собрала белье для стирки и достала большую шкатулку со швейными принадлежностями. Эта шкатулка была моей сокровищницей, и за эти годы у меня накопилась огромная коллекция ниток и пуговиц, выкроек для меня и Лулу, сохранились даже те, что я использовала для Джеймса. Когда рубашка или другой предмет гардероба ветшал, я срезала пуговицы и крючки, чтобы их сохранить, а ткань шла на тряпки.

У меня вошло в привычку осматривать одежду перед стиркой, проверяя, не оторвались ли пуговицы и не разошлись ли швы. Этот ритуал успокаивал меня, и, закончив с нашей с Лулу одеждой, я решила осмотреть и вещи Джорджа в ящиках комода. Их было немного, но все чистые и аккуратно сложены. Некоторые стоило бы подлатать, а носки — заштопать. Я достала принадлежности для штопки и мягкую пряжу и села к окну, через которое в комнату проникали лучи солнца. Закончив, я с

гордостью оглядела свою работу: носки были как новые. Надо будет связать ему несколько пар ко дню рождения, когда бы он ни был, подумала я. Внезапно меня осенило, что я не знаю, сколько ему лет, — наверно, чуть больше тридцати.

Когда Джордж пришел домой, мы поужинали на кухне. Беседа была приятной, но немного натянутой. Мы с Лулу воодушевленно обсуждали планы по обустройству спальни. Мать Джорджа была, как всегда, недовольна. Выражение ее лица смягчалось, лишь когда говорила Лулу. Интересно, почему, подумала я и решила спросить об этом Джорджа наедине.

Весь вечер я беспокойно ожидала приближения моей второй ночи в постели с Джорджем. Я была благодарна ему за то, что он решил не трогать меня накануне, и гадала про себя, как он поступит на этот раз.

Наконец мы поднялись на второй этаж. Я раздобыла собственный фонарь, чтобы опять не остаться в темноте. Выслушав молитвы Лулу, я подоткнула ей одеяло и поцеловала на ночь. Мое настроение не укрылось от нее, и Лулу постаралась меня утешить.

— Все будет хорошо, мамочка, — сказала она, поймав меня за руку, когда я уже собиралась уходить. — Миссис Фоли, кажется, очень славная, мне очень хорошо с бабушкой. Ты не представляешь, сколько всего она рассказывает о своем прошлом.

Я улыбнулась ей и снова поцеловала и пожелала спокойной ночи.

Придя в спальню, я села на край кровати, пока Джордж раздевался — снова попросту сбрасывая одежду на пол. Затем он улегся спать в кальсонах.

— Я тут подумала насчет твоей матери, Джордж. Я ей безразлична, а вот Лулу сразу понравилась. Почему так?

— Ее народ любит детей. Такие уж они.

— Ее народ? А, ты об индейцах.

— Надеюсь, ты не против, что я наполовину осейдж. Надо было рассказать тебе до свадьбы.

— Мне все равно. Во мне и самой есть немного индейской крови — чироки.

— Думаю, как и у большинства, — с облегчением заметил он. — Но кто-то считает это недостатком.

— Я таких не встречала. У нас в городке все были христиане — мы ко всем относились с тем уважением, с каким относились к нам.

Какое-то время он с удивлением смотрел на меня.

— Я всегда думал, что не все христиане соблюдают свои заповеди. В детстве, когда церковники тебя обзывают, это очень

обидно.

Я задумалась над его словами.

— Знаешь, я думаю, есть «так называемые» христиане, а есть настоящие.

С этими словами я взяла ночную сорочку с крючка за дверью, куда накануне ее повесила. Джордж взял меня за руку.

— Я хочу посмотреть на тебя, Мод.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу, но кивнула, положила сорочку на кровать и принялась раздеваться.

Как и Джеймс когда-то, Джордж смотрел, как я раздеваюсь, и я сделала вид, что меня это не волнует. Закончив, я легла рядом с ним, и он сказал:

— Я не хочу причинить тебе боль, Мод. Если ты не готова, я могу и потерпеть.

Я не думала, что Джордж сделает мне больно: он выглядел таким внимательным и обходительным. Если со мной он будет обращаться так же, как со своей лошадью, все будет хорошо.

После Джеймса прошло столько времени, и мне хотелось, чтобы Джордж приласкал меня, но он сразу же перешел к делу, даже не поцеловав меня. Он делал все очень осторожно, но я чувствовала себя не в своей тарелке.

— Все нормально, Джордж, — приободрила я его.

— Я не хочу сделать тебе больно, — повторил он.

— Я и не думаю, что ты сделаешь.

Он вошел резче, и у меня перехватило дыхание. Я ахнула, и он отпрянул.

— Все в порядке?

— Десять лет прошло, Джордж. Давай пока потихоньку.

Он начал снова, но я чувствовала, что он сдерживается. Я пыталась расслабиться, но не получалось. Через несколько минут все закончилось, он перекатился на свою сторону, испустил долгий вздох и через минуту заснул.

Я почувствовала облегчение. Пока ему не удалось меня удовлетворить, но он был добр и заботлив, и я была уверена, что скоро мы все уладим.

На следующее утро я проснулась, когда он уже встал. Я села в постели и улыбнулась ему.

— Я сегодня буду стирать. Давай ты наденешь чистое белье, а я брошу это в стирку вместе с остальными вещами.

— Я надел их только в воскресенье.

— Ничего страшного.

Он расстегнул свои кальсоны и сбросил на пол, оставшись голым. При виде его члена я постаралась сдержать удивление, но не вышло: он был в три раза больше, чем у Джеймса, почти до

середины бедра. Должно быть, он ждал моей реакции, и теперь пришел его черед краснеть.

— Потому я и боялся сделать тебе больно, Мод. И впредь буду стараться.

— Знаю, Джордж, — ответила я. — Все будет хорошо. Скоро мы все уладим.

Он достал из комода чистое белье и надел его.

— Маме не понравится, что я меняю белье среди недели.

— Я всегда стирала два раза в неделю — так белье не накапливается.

Тут я задержала дыхание и задала ему вопрос, который волновал меня с самого приезда:

— Я вижу, что твоя мать мне не рада, Джордж. Мне не хочется начинать с ней войну. Может быть, я могу как-то ее порадовать, не сдавая своих позиций?

Он отступил назад и поднял руки, как будто признавая поражение:

— Тут я тебе ничем помочь не могу, постарайся просто не злить ее. Она не из тех, кто потерпит пререкания. — Он поскреб подбородок. — Пусть она побольше времени проводит с Лулу. Я вижу, как она рада, что в доме снова появился ребенок. После отъезда Бесси она была сама не своя. Просто будь сама собой, пока вы не разграничите пространство, но не позволяй ей себя задавливать.

— Сделаю все, что смогу, Джордж. Я почти всю жизнь делала то, что мне говорили, но теперь я взрослая женщина и не позволю собой командовать.

— И правильно, Мод.

Он ушел на кухню, а я оделась. Заглянула в комнату Лулу: ее не было, а постель уже была застелена. Придя на кухню, я увидела, что она сидит за столом и смотрит, как ее новая бабушка делает кофе. Старуха как раз рассказывала Лулу одну из своих историй, но, как только я вошла, тут же замолчала и в ответ на «доброе утро» лишь невнятно хрюкнула.

В руках у нее был большой кофейник, в котором помещалось, наверное, полгаллона[3] воды, и она насыпала туда кофе. Не веря своим глазам, я смотрела, сколько кофе она сыплет прямо в воду. Затем она достала большую чугунную сковороду и положила на нее копченый бекон.

Я сходила в кладовку, принесла тарелки и чашки и сервировала стол. Лулу встала и без лишних слов помогла мне. Дома она всегда расставляла посуду и убирала ее после еды, и ей нравилось это взрослое занятие. Это не укрылось от бдительной старухи, и она погладила Лулу по голове.

— Ты мой ангелочек, ну какая умница!

От этой похвалы Лулу просияла. Я тоже улыбнулась ей и обратилась к матушке Фоли:

— Могу я чем-нибудь еще помочь?

— Сядь и смотри. Вот помру я, а ты и знать не будешь, что Джордж любит есть на завтрак и как это приготовить.

Я сжала губы, но послушалась. Джордж промолчал. Я наблюдала за тем, как старуха жарила бекон, пока он почти не обуглился. Затем она сняла сковороду с плиты и поставила в центр стола, а рядом — тарелку с тонко нарезанным хлебом и вылила пару чашек кофе прямо в сковороду с жиром из-под бекона. Кофе был густым, как патока, и по дну сковороды тут же расплылись черные пузырьки. Джордж заметил мой ошарашенный взгляд.

— Соус «Черный глаз», — пояснил он. — Мой любимый!

Он наколол на вилку ломтик хлеба, обмакнул обоими концами в смесь жира и кофе и поднес к своей тарелке. Мы с Лулу смотрели.

Джордж съел несколько кусков хлеба с жиром и выпил несколько больших чашек кофе. Я восхитилась его здоровым аппетитом, но не могла не задаться вопросом, как он умудряется сохранять фигуру при этом. Я отхлебнула кофе, но он был таким крепким, что пить было невозможно. Тогда я добавила воды, но он стал слишком холодным.

— Джордж, у вас есть чайник? — спросила я. В кладовке я его не заметила, но, может быть, просто невнимательно смотрела.

— Был где-то, да, мам? Бесси тоже разбавляла себе кофе. — Он расхохотался. — Говорила, что нормальные люди такой не пьют.

Его мать отправилась в кладовку, принесла обычный чайник со свистком и с шумом поставила его на печь. Доев, Джордж встал и потянулся.

— Что ж, мне, пожалуй, пора в тюрьму. Если понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти.

С этими словами он отправился на конюшню. Мать Джорджа не ела с нами, и я спросила ее:

— Вы не будете завтракать, матушка Фоли?

— Позавтракаю, когда захочу, — хмуро ответила та.

— Можно, мы вымоем посуду?

— Мы с Лулу ее вымоем, а ты иди — ты же стирать хотела?

— Хорошо. Пойду займусь стиркой, — ответила я, сдерживая улыбку.

Я поднялась на второй этаж и взяла грязное белье. Колодец был прямо у заднего крыльца. На задней стене дома висели

стиральная доска и две лохани — большая для стирки и маленькая для полоскания. Для старой цинковой ванны понадобится много воды, подумала я. Вскипятив первое ведро воды в большом горшке в печи, я вылила ее в лохань, затем отрезала кубик хозяйственного мыла «Фелс-Нафта» и бросила туда же.

Все это время, поглядывая в сторону кухни, я видела, как старуха наблюдает за мной. Должно быть, хотела убедиться, что я все делаю правильно.

День был теплый и солнечный, и я знала, что через несколько часов одежда будет сухой. Обе собаки также следили за мной и, когда я закончила стирать и взяла корзину, побежали за мной к веревкам.

Уже развешивая последнюю партию темных вещей, я увидела, как из соседнего дома вышла стройная молодая рыжеволосая женщина и направилась ко мне. В руках у нее было блюдо, а следом за ней шла девочка с такими же огненно-рыжими волосами, как у ее мамы, примерно возраста Лулу. Я была так рада тому, что соседи пришли меня поприветствовать, что едва сдержала слезы. С того момента, как я попрощалась с Бесси и матушкой Коннор, прошло всего несколько дней, но мне уже не хватало приятельских отношений с другими женщинами. Я сомневалась, что мне удастся когда-нибудь сойтись с матерью Джорджа.

Я бросила рубашку, что держала, обратно в корзину и искренне улыбнулась соседке. Та в ответ одарила меня такой же теплой улыбкой.

— Добро пожаловать, соседка! — поздоровалась она. — Я — Клара Тэйлор, а это моя дочь, Мэгги. Это сокращенно от Маргарет, но ей это имя не нравится, поэтому она просит всех звать ее Мэгги. Наверное, потому, что ее любимую учительницу тоже звали Маргарет, но она предпочитала имя Мэгги. Моего мужа зовут Альфред Тэйлор, он держит в городе продуктовую лавку. — Она вручила мне тарелку. — Я тут испекла яблочный пирог.

Я приняла его.

— Ты и представить себе не можешь, как я рада познакомиться с тобой и Мэгги. На плите — кофе, давай посидим и поболтаем?

Клара посмотрела в сторону дома и нахмурилась. Я невольно рассмеялась:

— Вижу, ты знакома с моей свекровью.

Тут уж захихикала и Клара.

— Ничего не хочу сказать, но дружелюбной ее не назовешь.

Как у вас с ней?

— Не очень, но я с первой встречи решила, что не позволю собой командовать. Мы приехали среди ночи, а она такая стоит на крыльце в лунном свете, как призрак, с этими своими собаками. Я всегда была спокойной и со всеми ладила, но тогда сразу поняла, что если не отстою свои права, то вместе нам не ужиться.

— Смотрю, ты и с собаками подружилась. Я всегда их побаивалась.

— Просто им нужно показать, кто тут главный. В первую ночь я рыкнула на них, и с тех пор они присмирели. А вот Лулу, моя дочка, им нравится, как и матери Джорджа.

— Мэгги не терпится с ней познакомиться. Учебный год еще не скоро, и она скучает по подружкам. В город мы ходим редко.

— Ну, входите. Я вас в обиду не дам.

Клара снова рассмеялась, и они с Мэгги прошли за мной на кухню. Матушки Фоли и Лулу не было видно. Я поставила пирог на стол и позвала:

— Лулу, иди-ка сюда, у меня для тебя сюрприз!

Послышались ее шаги, и вот она уже появилась на кухне. При виде Мэгги лицо Лулу озарилась. Я была так рада за нее!

— Это Мэгги Тэйлор, наша соседка. Мэгги, это Лулу.

Та улыбнулась Лулу.

— Пойдем к нам, поиграем с моими куклами?

Лулу закивала так часто, что я испугалась, как бы у нее не закружилась голова. Она схватила Мэгги за руку, и девочки выбежали через заднюю дверь, даже не спросив разрешения. Я едва не разрыдалась, видя ее такой счастливой. Взяла чашки и все, что было нужно для кофе, и мы с Кларой сели за стол. Сквозь дверной проем я видела, как мимо идет мать Джорджа. Услышав наши голоса, она остановилась, бросила на меня ненавидящий взгляд и пошла дальше. Мне было все равно. Теперь у меня появилась новая подруга. Жизнь налаживалась!

Глава 15

Остаток недели прошел без происшествий. Мы, хозяйки, потихоньку делили территорию, но мне не хотелось беспокоить Джорджа по пустякам. Вторая попытка исполнить супружеский долг была не лучше первой, но мы не стали это обсуждать. Мать Джорджа поддерживала дом в чистоте, а я, желая как-то себя занять, отправилась в город купить немного ткани, чтобы сшить Джорджу рубашку. Обои должны были прибыть не раньше чем через месяц, зато ткань для спальни уже поступила.

Каждый вечер мы с Кларой Тэйлор устраивали посиделки у нее на крыльце и беседовали за шитьем. Там мы были недосягаемы для матушки Фоли. Лулу и Мэгги играли в куклы или качались на качелях, подвешенных на одном из больших дубов, росших за нашими дворами. Лулу была так рада новой подруге, что даже не вспоминала о Теннесси.

С мужем Клары мы пока не познакомились, но я знала, что в воскресенье увижу его на службе. К своей радости, я узнала, что Клара посещала Церковь Святости — шпили именно этой церкви я видела в первый день приезда. От дома она была далековато, по другую сторону от тюрьмы.

Я с нетерпением ждала воскресенья. В конце службы священник обычно приветствует новых прихожан, и мы с Лулу подошли бы к нему с письмами от нашей церкви и попросили принять нас в церковь Кеннета.

В воскресенье я проснулась с первыми петухами и надела свое лучшее платье. Джордж все еще спал, но я разбудила Лулу, которая была взволнована не меньше моего.

Мы спустились на кухню. Матери Джорджа не было видно. Я вернулась на второй этаж — дверь ее по-прежнему была заперта. Должно быть, у них так заведено — в воскресенье спать подольше, подумала я.

Я сварила кофе и кукурузной каши, и мы с Лулу позавтракали. Волнение мое росло. Если Джордж сейчас же не встанет, мы опоздаем на службу, а ведь я ждала ее всю неделю.

Я поднялась наверх. Джордж по-прежнему спал, и я мягко потрясла его за плечо. Он потянулся, но потом снова заснул. Я опять его потормошила. Он открыл глаза.

— Что такое?

— Джордж, если ты сейчас не встанешь, мы опоздаем в церковь.

Он сел на постели и принялся скрести подбородок, не глядя мне в глаза.

— Я не хожу в церковь, Мод.

— Как это? Все ходят в церковь.

— Ну а я — нет. Я отвезу тебя и подожду снаружи, но в церковь не войду.

Я была в шоке — в жизни не слышала ничего подобного.

— Но почему?

— Мама в это не верит. Она соблюдает свои древние обычаи, и я тоже никогда не верил.

— Какие еще древние обычаи?

— Веру своего народа. У них тоже есть что-то вроде бога — Ваконда.

— Что еще за «вроде бога»?

— Ну, мы не то чтобы верим в Бога, а больше в силу, которая движет нашими жизнями. Есть старец — что-то вроде священника, он учит людей, как себя вести и что делать во славу Ваконды.

— Но Бесси не пропустила ни одной службы!

— В детстве Бесси однажды пошла в церковь со своей подружкой, а когда вернулась, заявила, что нашла спасение и собирается покреститься. С тех пор она ходит на все службы.

— Но ведь и ты ходил вместе с ней!

— В доме у Бесси можно вести себя так, как она скажет; но это мой дом, и я в церковь не пойду.

На несколько минут я задумалась, потом сказала:

— Что ж, мы с Лулу будем ходить в церковь каждое воскресенье, и я буду очень благодарна, если ты нас отвезешь, но если не хочешь, я пойду пешком.

Через несколько минут он встал, выгнал фургон через главные ворота и подождал нас. Мы с Лулу наблюдали за ним, затем вышли, и Джордж помог нам забраться в фургон.

Я вспомнила татуировки на предплечьях старухи.

— А вот эти картинки у твоей мамы на руках — они имеют какое-то отношение к ее религии?

— Вроде того; все ее люди в древности носили их. Странно, что она тебе их показала.

— Она и не показывала — я сама увидела, когда она ощипывала курицу.

По дороге в церковь я не проронила больше ни слова: все мысли были заняты нашим утренним разговором. Если бы я знала, что Джордж — не утвердившийся в вере христианин, я бы не вышла за него, и мне было бы все равно, что скажут люди. К тому же никто не осудил бы меня, если бы я ему отказала, пусть даже этому предшествовала прогулка в двуколке без сопровождения.

Теперь уже было поздно. Я буду жить так, чтобы быть ему примером, и надеяться, что однажды Господь призовет его, как призвал меня, когда мне было одиннадцать, и Лулу, когда ей было девять.

Путь к церкви пролегал напрямую через весь город. Я невольно замечала, что все, кого мы встречали, приветливо улыбались Джорджу и махали рукой. Похоже, жена его заместителя, Сара, сказала правду: Джорджа тут любили. Он несколько раз останавливался, чтобы представить нас людям, и все они были добры ко мне и Лулу.

Когда мы приехали в церковь, несколько человек подошли и поприветствовали нас. Среди них были и наши соседи Тэйлоры. Муж Клары оказался совсем не таким, как я себе представляла. Сама она была всего на несколько лет старше меня, но мужу ее на вид было лет пятьдесят, и он был круглым, как октябрьский кабан. Он радостно поприветствовал нас:

— Я так счастлив, что у Клары теперь будет подруга, которая живет рядом с нами!

Джордж спрыгнул из фургона и помог нам с Лулу спуститься, но затем снова забрался на свое сиденье и посмотрел на меня.

— Я подожду здесь, и после службы заберу вас.

Я надеялась, что он передумает и войдет вместе с нами, но было видно, что этого не произойдет — по крайней мере, не сегодня, — так что я просто кивнула. Клара улыбнулась ему.

— Езжай домой, Джордж. В нашем фургончике хватит места и для них, не стоит тебе попусту сидеть здесь три часа.

Он чуть коснулся шляпы.

— Ну, будь по-твоему, Клара. Ты не против, Мод?

Я смущенно кивнула. Клара взяла меня под руку и подвела к другим женщинам. Мэгги тоже взяла Лулу за руку, и они вместе подошли к группке своих ровесниц. Я оглянулась и увидела, что Джордж отъезжает.

Служба вот-вот должна была начаться, и мы вошли в церковь, чтобы занять свои места. Мы с Лулу сели рядом с Тэйлорами, в центре. Мы пели и молились полчаса, а потом священник прочел отрывок из Матфея 25:34 глубоким, зычным голосом, в особенности выделив слова Христа о приветствии странников.

От этих слов на душе моей стало светло и радостно, как, наверное, у любого христианина, бывшего в тот день в церкви. Все, с кем мы познакомились в Кеннете, встретили меня, согласно заветам Христа, — кроме разве что матери Джорджа. «Интересно, накажет ли Ваконда старуху за такую грубость?» — подумала я.

После проповеди мы еще немного попели, и кто-то покаялся в невысказанных грехах. Несколько человек рассказали о том, как

добр был к ним Господь. Наконец, священник пригласил нас, и мы с Лулу вручили ему письма членства, которые дал нам пастор нашей церкви. Он попросил остальных высказать свое мнение, и нас приняли в лоно церкви. Пока звучала следующая песня, мы стояли перед всеми вместе со священником, и каждый из прихожан вышел в круг, чтобы пожать нам руки и поприветствовать. Я рыдала от счастья. Быть может, дом, где я жила, пока не стал моим, но я нашла новый дом в церкви Кеннета.

Глава 16

Между мной и матерью Джорджа установилось хрупкое перемирие. Я с удовольствием оставила старой женщине ее повседневные хозяйственные заботы, готовку и большую часть уборки. Стирала я отдельно, а в свободное время шила для себя, Лулу и Джорджа. Каждый день мы встречались и беседовали с Кларой, и я благодарила Бога за то, что он послал мне ее, а Лулу послал Мэгги. Всего за несколько недель ей удалось заполнить ту пустоту, что образовалась в моей жизни после расставания с Бесси.

Однажды в среду утром я увидела, как Клара развешивает белье, и направилась к ней, чтобы поболтать. Подойдя ближе, я увидела под глазами у нее темные круги.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Все нормально, — отвечала она, не глядя мне в глаза. — Просто не выспалась.

— Надеюсь, ты не заболела. Может, у тебя температура?

— Нет, ничего такого, все в порядке, — заверила меня Клара, встряхивая простыню перед тем, как повесить на веревку. Я взялась за другой конец и помогла ей, и она прицепила прищепку. И все же что-то было не так. Но мне не хотелось лезть к ней в душу, поэтому я промолчала.

— Не знала, что ты стираешь по средам, — заметила я. — Должно быть, заразилась моими привычками.

Свои вещи я стирала, когда вздумается.

Клара покачала головой.

— Да нет, просто мне нравится, что ты стираешь, когда захочется.

Я рассмеялась.

— Дело в том, что матушка Фоли стирает по понедельникам, и мне не хотелось ей мешать.

Клара посмотрела на наше заднее крыльцо.

— Да уж, я бы тоже не стала ее расстраивать.

Мы закончили развешивать белье, и Клара распрямилась.

— Пойдем-ка чайку попьем.

Мы приготовили чай у нее на кухне и сели в кресла-качалки на заднем крыльце. Я знала, что ей нужно выговориться, но не хотела давить на нее, и ждала, когда она сама соберется с духом. Какое-то время мы сидели молча, наконец Клара заговорила:

— Если не хочешь, не отвечай, но я просто хотела спросить: как у вас Джорджем… ну… по интимной части?

Я сглотнула и уставилась на дуб, как будто изучая

переплетение его ветвей. Раньше мне и в голову не пришло бы обсуждать столь интимный вопрос с кем-либо, но с Кларой, наверное, можно. Я доверяла ей, к тому же было видно, что ей нужно было выговориться другой женщине.

— Не так, как с моим первым мужем. Мы с Джеймсом были как одно целое, а с Джорджем… все по-другому. Он не может делать все, что хочет, потому что боится причинить мне боль.

— Ну, у нас с Альфредом в этом смысле тоже не так, как я ожидала.

Клара уставилась в другом направлении — мы обе стеснялись посмотреть друг другу в глаза. Я ждала, что она продолжит, но она молчала, поэтому я спросила:

— Поэтому у тебя такой усталый вид?

— Да, прошлой ночью он меня вымотал.

— Что случилось?

Клара сделала глубокий вдох.

— Я пятнадцать лет хотела с кем-нибудь об этом поговорить, Мод, но всегда боялась. Ты первый человек, с кем я так близко сошлась, поэтому тебе я могу открыться, хоть мы и знакомы всего несколько недель.

— Продолжай, Клара. Это останется между нами.

Клара снова глубоко вздохнула.

— Ну, он ведь старше меня, поэтому теперь мы, к счастью, делаем это не так часто, как раньше. Просто когда это происходит, он делает это совершенно голым, и хочет, чтобы и я тоже совсем разделась.

Я ждала продолжения: заниматься сексом обнаженными не казалось мне чем-то страшным. Мы с Джеймсом всегда делали это без ночного белья, особенно в теплые летние дни. Но Клара молчала, поэтому я немного ее подтолкнула:

— Но в этом нет ничего плохого, Клара.

— Нет-нет, само по себе это неплохо, просто когда он… ну… когда он… Ох, я не знаю, как сказать.

— Скажи как есть, Клара.

— Ну, когда он заканчивает, то пачкает всю постель. Заливает и себя, и простыни… и, Мод, меня тоже.

Я пыталась придумать, что бы такого сказать, чтобы ее утешить.

— Но он ведь не бьет тебя и не делает тебе больно, правда?

— О нет, за все годы, что мы женаты, он и пальцем меня не тронул. Но… это ужасно, Мод. Когда он расслабляется, то становится таким тяжелым, что мне приходится сталкивать его с себя, и я ведь не могу выгнать его с постели, чтобы постирать ее, до самого утра.

— И что ты делаешь?

— Встаю, моюсь и потом иду спать на диван. Я просила его не снимать белье — может, тогда выходило бы чище, — но он не хочет.

— И что, он всегда вот так вот пачкал постель?

— С самого первого раза. Но тогда он был моложе и не такой тяжелый, и хотел заниматься этим гораздо чаще. Когда мы только поженились, он брал меня почти каждую ночь.

Я кивнула, не сводя глаз с дуба, и подумала о том, что на свете, должно быть, много женщин, для которых супружеский долг в тягость.

— У всех у нас свое бремя, Клара. Зато теперь он делает это не так часто, как раньше. Может быть, скоро желание у него пропадет совсем.

— Тогда мои молитвы буду услышаны, Мод. Это его единственный недостаток. Он хороший муж, добр ко мне и любит нашу дочку, у нас есть все, что нужно.

— Многим женщинам хотелось бы иметь такого мужа, Клара, очень многим.

— Не думаю, что они готовы были бы принять и эту его сторону, Мод.

Я подумала, что, наверное, нет. С того дня одного лишь взгляда на лицо Клары мне было достаточно, чтобы понять, была ли у нее близость с мужем накануне ночью.

Глава 17

Однажды в понедельник, где-то через месяц после моего приезда в Кеннет, я пошла в город справиться о своем заказе обоев и ткани. Когда продавец сказал, что они наконец получили все, что нужно, для отделки моей спальни, я ужасно обрадовалась. Он подобрал кисти и краску и прочие вещи, что могли мне понадобиться, добавил их к счету, который Джордж оплачивал раз в месяц, и сказал, что положит их в подсобку — когда Джордж придет, то заберет их.

Я зашла к Джорджу, сказать, что мой заказ готов. Он, как всегда, сидел, положив ноги на стол, упершись подбородком в грудь, и крепко спал. Я положила руку ему на колено и легонько потрясла. Он проснулся, открыл глаза и улыбнулся мне.

— Мод, что ты делаешь в городе?

— Пришел мой заказ. Можешь забрать его по пути домой. Мне не терпится начать отделку нашей спальни. Вот увидишь, как славно выйдет, Джордж!

Он улыбнулся моему волнению, кивнул и снова закрыл глаза.

— Я знаю, у тебя все получится, Мод. Увидимся за ужином, как обычно, если, конечно, кто-нибудь не ограбит банк или еще что-нибудь.

И не успела я ответить, как он снова задремал.

Выйдя из его офиса, я встретила по дороге несколько человек и поболтала с ними. Все они спрашивали о Джордже и улыбались, когда я отвечала, что он в порядке. Я в который раз подумала: как здорово, что все его любят.

Я с нетерпением ждала, когда смогу начать отделку своей спальни — с того самого дня, когда Джордж разрешил мне сделать заказ. Когда тем же вечером он вернулся домой, я почти что выбежала ему навстречу — но он был с пустыми руками.

Я постаралась скрыть свое разочарование.

— Я думала, ты привезешь мой заказ, Джордж.

— Я сегодня был без фургона, а на лошади его не привезешь.

— А завтра сможешь?

— Конечно, — заверил он меня.

Но на следующее утро я увидела, что он вновь отправился на работу верхом, без фургона. В тот вечер я опять спросила его, затем снова и снова, а он все говорил, что забыл, но вот завтра — обязательно; и все повторялось.

В пятницу утром, когда Джордж снова уехал в город на лошади, я отправилась к Кларе.

— Клара, можно, я возьму игрушечный фургончик Мэгги?

Похоже, единственный способ получить мой заказ — это отправиться за ним самой.

— Бери, конечно же, Мод. Мы им давно не пользуемся. Можешь забрать себе. Мне как раз нечем заняться, и погода хорошая. Я пойду с тобой в город.

Когда хозяин магазина погрузил мой заказ в фургончик, мне захотелось показать Джорджу, что я выбрала.

— Давай зайдем к шерифу по дороге домой, — предложила я Кларе.

— Ладно, — хихикнула она.

Когда мы пришли, Джордж, как обычно, дремал. Я потрясла его за ногу чуть сильнее обычного. Когда я сказала, зачем мы пришли, он сонно улыбнулся мне и поскреб подбородок, как всегда, когда ему надо было собраться с мыслями.

— Я все хотел за ним съездить, но постоянно забывал.

На сей раз я ему не улыбнулась.

— Я сама отвезу его. Мы погрузили все в игрушечный фургончик Мэгги.

— Хорошо, Мод. Когда что-то еще понадобится, дай знать. Рад был увидеться, Клара. Передавай привет Альфреду и Мэгги.

И закрыл глаза.

На улице Клара увидела мое хмурое лицо и крепко сжатые губы. Она поняла, что я рассержена, и молчала. Денек выдался погожий, поэтому скоро моя злость улетучилась. Я наконец получила заказ! Но, хотя всю дорогу мы радостно обсуждали, как я приведу в порядок нашу спальню, в глубине души я продолжала думать о Джордже.

Каждую ночь он спал как убитый, и всякий раз, приходя к нему на работу, я находила его спящим. Как вообще можно столько спать? Когда в то утро я выходила из дома, кошки и собаки тоже дремали, улегшись на заднем крыльце. Лишь спустя час они проснулись, чтобы поесть, а затем снова заснули, до ужина. *Должно быть, он наполовину кошка или собака.*

По субботам Джордж работал неполный день. Обычно он просто приходил передать дела заместителю, который работал по выходным, и, перекинувшись словечком с парой человек, шел выпить пива в кабак и возвращался домой. Мне не нравилось его пристрастие к спиртному, но после того, как он заявил, что не ходит в церковь, меня это не удивляло.

Обычно по субботам он возвращался домой после обеда, к ужину. Я надеялась, что, поев, он займется обоями. Но когда в обычное время он не вернулся, я вышла на дорогу, чтобы посмотреть, не идет ли он. Так я делала каждые полчаса, до пяти, но его не было видно. В шесть, как обычно, его мать начала

накрывать ужин на стол, и он наконец показался. Из окна второго этажа я наблюдала, как он отправился на конюшню совершать ежевечерний ритуал ухода за лошадью.

Я ревновала к Пауни. Своему коню он уделял гораздо больше внимания, чем мне. Мы молча поели — лишь веселое щебетание Лулу немного поднимало настроение. После ужина Лулу отправилась во двор, играть с Мэгги, а я поднялась наверх и принялась шить, до самой темноты.

Джордж поднялся в спальню, лишь когда я уже легла в постель. Я дождалась, пока он ляжет, надеясь, что он что-нибудь скажет. Он повернулся ко мне спиной. Я лежала на спине, не касаясь его.

— Я думала, мы сегодня поклеим обои, Джордж. Тебя что-то задержало в городе?

— Я выпил пивка с ребятами с фермы, которых давно не видел, и потерял счет времени. Можем поклеить завтра.

Я никогда прежде не повышала голоса, но разочарование взяло надо мной верх.

— Ты отлично знаешь, что я не стану делать ничего подобного в Божий день, Джордж!

Он громко зевнул.

— Смотри сама, но ты знаешь, что в одиночку мне не справиться. Обои клеят вдвоем.

Я не выдержала:

— Я видела, как Томми один клеил обои у Хелен и отлично справился. Но я не стану просить тебя работать в воскресенье, хоть ты и не христианин.

Он сел на постели и глубоко вздохнул.

— Мод, я не язычник, просто не хожу в церковь.

— А как же твой Ваконда?

— Вовсе он не мой Ваконда. Это вера моей матери, а я верю в Бога и в то, что Иисус его сын, и все такое. Я просто не хожу в церковь — никогда не видел в этом необходимости. Но это не значит, что я язычник.

— Как же ты обрел спасение, если не ходишь в церковь?

— Спасение? Кто сказал, что меня спасли?

— Да ведь ты только что сказал, что веришь в Иисуса.

— Ну, я понимаю это иначе, чем ты.

Я задумалась над этим. Утешало хотя бы то, что он признался, что верит в Иисуса. Я буду с удвоенной силой молиться, чтобы Бог спас его.

Я повернулась к нему спиной, и он лег. Тогда я спросила:

— Обещаешь, что в следующую субботу мы поклеим обои?

Он снова вздохнул:

— Если кто-нибудь не ограбит банк.

Но прошло еще две субботы, а Джордж под любым предлогом задерживался в городе на целый день, и наконец я отчаялась дождаться от него помощи. Мы с Кларой отправились в город и расспросили хозяина магазина, как правильно клеить обои. Ухмыльнувшись, он написал указания на бумажке.

— Ох уж этот Джордж! — покачал он головой, когда я уже выходила из магазина.

Во вторник, следуя указаниям хозяина лавки, мы с Кларой оклеили одну стену. На это у нас ушел весь вечер, но я была безумно счастлива, и мне казалось, что вышло просто замечательно. Я ждала, что Джордж отметит, как хорошо получилось, но если он и заметил, то ничего не сказал и молча лег спать.

В среду мы с Кларой сделали вторую стену — на сей раз у нас получилось быстрее и аккуратнее. В четверг третья и четвертая стена были готовы. Разница была колоссальная. Из мрачной и унылой комната превратилась в яркую, уютную и радостную. Но Джордж не замечал этого или делал вид, что не замечает.

Я поставила к окну свой маленький станок для стёжки и по вечерам шила новое покрывало. Матушка Фоли по-прежнему делала бóльшую часть работы по дому, и я была рада чем-то себя занять в свободное время. Мы с ней заключили соглашение: она готовит ему завтрак с беконом, хлебом и кофе, а я с ее позволения помогаю готовить ужин. На заднем дворе у нее был большой огород, обтянутый проволокой, защищающей от домашней птицы. Я соорудила свой собственный садик, посадив то, что мне нравилось и что не росло у нее. Взяла у Клары черенки роз, сирени и еще кое-каких кустиков — и укоренила их. Потом посадила перед домом, надеясь, что к будущему лету дворик станет красивее. В городе я купила клубни гиацинтов и крокусов и высадила вдоль дорожки, ведущей к переднему крыльцу. К весне они должны были прорасти.

Уборкой первого этажа занималась матушка Фоли, а я убиралась в своей комнате и у Лулу, а также стирала. Но работы на весь день все равно не хватало, поэтому шитье покрывала и штор приносило мне удовлетворение, и я почти со страхом ждала того момента, когда закончу их.

Но вот пришла пора Лулу идти в школу, и мать Джорджа принялась кудахтать, как наседка. По какой-то неведомой мне причине они с моей девочкой по-настоящему привязались друг к другу. Вместе работали в саду, и старуха рассказывала о своем народе, о старцах, советах, в которых заседали и ее дед с отцом, о Биг Хилл Осейдже и небесных людях. Лулу любила эти истории.

В первый день учебы Лулу с Мэгги отправились в школу, взявшись за руки и размахивая корзинками с ланчем. По дороге к ним присоединились и другие девочки — всем не терпелось поскорее вернуться к занятиям. По этому случаю я сшила Лулу два новых платья и с крыльца наблюдала за девочками. Мать Джорджа смотрела с заднего двора, пока они не скрылись из виду. Мне даже стало почти жалко ее.

В тот день я видела, как она несколько раз выходила на дорогу и все смотрела и смотрела вдаль. Наконец, завидев девочек, она вернулась к уборке, не проронив ни слова.

Глава 18

Я несколько раз просила Джорджа заняться туалетом, и он всегда соглашался, но ничего не делал. Тогда я снова взяла маленький фургончик Мэгги и отправилась в город купить ведерко краски, растворитель, кисть и мешочек извести. Хозяин лавки погрузил все в фургончик, потому что поклажа вышла слишком тяжелой и я не могла ее поднять.

Приступив к работе, я зачерпнула известь ведерком прямо из мешка и стала понемножку сыпать ее в яму. Кларе я не позволила помогать мне — не женское это дело. Через некоторое время дело было сделано, и вонь ушла.

В амбаре я нашла молоток и забила все торчащие гвозди, а заодно и расшатавшиеся доски. Затем отчистила скребком стены снаружи и изнутри, и когда они высохли, побелила с обеих сторон. Результат меня удовлетворил.

И снова Джордж не сказал ни слова — лишь спросил, во сколько это все обошлось. Когда я ответила, он вновь принялся насвистывать и скрести подбородок, но ничего не сказал.

Ситуация повторилась и когда я начала белить и оклеивать обоями гостиную. Он пообещал, что сделает все, как только представится возможность, но, прождав несколько недель, я сдалась и сделала все сама. И снова не обратилась к Кларе за помощью, ведь тогда ей пришлось бы весь день провести в компании матушки Фоли, а мне не хотелось подвергать ее этому испытанию. В одиночку работать было тяжелее, но поскольку понизу стены были отделаны досками, полоски обоев выходили короче, и я с ними справлялась.

Я собралась попросить Джорджа подвести водопроводную трубу и установить на кухне колонку, как у Хелен, но, обратившись к нему с просьбой раз, потом другой, оставила эту затею. Обычно он отвечал, что подумает, но не шевелил и пальцем. И чем дольше он откладывал, тем сильнее росла во мне досада. Вскоре я предложила нанять кого-нибудь на эту работу.

— Чего? Нанять кого-нибудь в собственный дом? Вот еще, деньги тратить!

— Но ведь ты не хочешь это делать, а я не могу заниматься еще и водопроводом. Как же нам быть?

— Моя мать сорок лет таскала воду из колодца безо всякой колонки. Колодец у нас прямо у крыльца, и если уж она справляется, то справишься и ты.

Его мать все это время стояла рядом и слушала, молча улыбаясь. Я побежденно вплеснула руками. Своих денег у меня не

было, и я не могла ни за что платить из собственного кармана. Я решила на какое-то время смириться с ведром и колодцем, но задумалась над тем, чтобы начать зарабатывать.

Я рассказала Кларе, что хотела бы шить для других, и она пообещала замолвить за меня словечко. Через несколько дней у меня появилась работа. Я знала, что Джордж об этом узнает и гадала про себя, что он скажет. Я боялась, что ему не понравится, что его жена подрабатывает портнихой, или же он отберет у меня деньги, на что Джордж, как мой муж, имел полное право.

Однажды вечером, несколько дней спустя, уже ложась спать, он спросил меня:

— Дуг Грэм сказал, Сара ему рассказала, будто бы ты шьешь на заказ для своих подруг из церкви. Это так?

— Да, Джордж. Ты против?

— Нет, конечно. Эти деньги хотя бы покроют все твои расходы на ремонт.

Деньги я хранила в мешочке со шнурком, в глубине своего ящика с нижним бельем. Джордж ничего не говорил. Их было немного, но от осознания, что они есть, мне было легче.

Шла вторая неделя ноября. В тот день я проспала, и, проснувшись, выскочила из постели, боясь, что Лулу опоздает в школу. Второпях оделась, но когда пришла к ней в комнату, постель была уже застелена, а Лулу не было. С первого этажа доносилось ее щебетание. *Должно быть, завтракает с Джорджем и его матерью.*

Я была рада, что Лулу уже встала, кто бы ее ни разбудил, и с этими мыслями отправилась на кухню. Джордж как раз обмакивал толстый ломоть хлеба в соус «Черный глаз». Он поднял хлеб над тарелкой, и с него стекла струйка жира. Меня вырвало прямо на кухонный пол. Распрямившись, я прислонилась к оконному проему, охваченная такой слабостью, что едва держалась на ногах. Джордж изумленно посмотрел на меня:

— Что это с тобой?

— Давно пора, — фыркнула его мать.

— Что с тобой, мамочка? — испугалась Лулу. — Ты простудилась или заболела?

Я стояла, зажмурив глаза, и в горле жгло так, что я едва могла дышать или хотя бы сглотнуть слюну. Ощущение было знакомо, и я сразу поняла, в чем дело.

— Ничего страшного, детка, просто что-то живот прихватило.

Мать Джорджа рассмеялась, и Джордж с Лулу удивленно посмотрели на нее.

— У твоей матери скоро будет ребенок, Лулу, — объявила она.

Я разозлилась на старуху за такую прямоту: я бы сумела сказать это дочери по-другому. Дождавшись, пока желудок успокоится, я поговорила бы с Лулу, мягко сообщив ей эту новость. Но матушка Фоли была не столь щепетильна.

Рот и глаза у Лулу сами собой распахнулись:

— Ребенок? А когда он появится?

И снова я не успела ответить.

— Думаю, в мае-июне, — тут же сказала матушка Фоли.

Я посчитала про себя и согласно кивнула. Я надеялась, что эта новость не расстроит Лулу, но бояться было нечего. Она подскочила и стиснула меня в объятиях:

— Пусть это будет девочка, мам, — тогда у меня появится сестренка!

Матушка Фоли встала и подошла ко мне. Наклонившись ко мне близко-близко, она заглянула мне прямо в глаза. Затем, не отводя взгляда, прижала пальцы к моему животу.

— У нее будет мальчик, Лулу, а мы с тобой позаботимся, чтобы он родился большим и здоровым, да?

Горло мое отпустило, и я наконец смогла сглотнуть заполнявшую рот слюну и выпрямилась.

— Простите. Я сейчас все уберу.

Не убирая руки с моего живота, старуха улыбнулась и сказала:

— Иди наверх и приляг. Я сама уберу.

Джордж, Лулу и я лишились дара речи. Должно быть, мир перевернулся, подумала я. Но меня все еще колотило, и я была рада возможности отдохнуть. Вернувшись в спальню, я легла и проспала еще час. Хлопнула дверь — это Лулу ушла в школу. Может быть, Джордж поднимется ко мне, чтобы поговорить перед уходом, думала я, но вскоре услышала стук копыт вокруг дома, — стало быть, он уже отправился на работу.

Внезапно мной овладело упрямство. Я все ждала, что Джордж заговорит о ребенке, но он молчал, а я не собиралась первой поднимать эту тему. Я не понимала, рад он или нет. Следующие три недели меня тошнило каждое утро, но вскоре я научилась предугадывать рвоту и всегда успевала добежать до раковины.

Однажды утром, почти спустившись на кухню, я услышала, как мать Джорджа говорит ему:

— Ты теперь ее по ночам не трогай, Джордж. Ты пошел весь в отца, а ей это не нужно, пока она носит ребенка.

Джордж не ответил. Я надеялась, что он послушает мать. С того утра, как меня вырвало на кухне, он не приходил ко мне за супружеским долгом, и я с радостью обошлась бы без этого болезненного соития ближайшие месяцев семь-восемь.

Чего мне недоставало — и это сверлило больше всего — так это ласки. Джеймс держал меня за руку, когда мы гуляли, целовал в шею, подойдя сзади, когда я сидела в кресле, иногда просто обнимал и нежно притягивал к себе. Я приникала к нему и в те минуты осознавала истинную связь мужа и жены. Джордж вне интимной близости не касался меня вообще. Иногда мне казалось, что он и вовсе избегает контакта со мной.

Я стремительно набирала в весе и начала быстро уставать. Ремонт дома пришлось отложить — я боялась, что поднимать тяжести и тащить за собой фургон, груженный материалами, через весь город сейчас опасно. Джорджа просить о помощи было бесполезно. Каждое воскресенье я ходила в церковь, пока живот мой не стал слишком большим и мне стало неловко.

Перед приходом зимы я приготовила сад к весне и с нетерпением ждала, когда уйдут холода и можно будет снова в нем работать. Лулу помогала бы мне: я спрашивала ее об этом, и она с радостью согласилась.

В эти дни, кажется, все ее радовало. Она обожала свою учительницу и новых подружек, с готовностью согласилась помогать мне по саду и в особенности радовалась мысли о ребенке. Вместе мы сшили ему «приданое» и несколько одеялец в люльку в те короткие светлые часы, что оставались у нее после прихода из школы. Я вспоминала, как любила шить вместе с мамой, а теперь вот с удовольствием рукодельничала с Лулу.

Обе мы вздохнули с облегчением, когда зима прошла, дни стали длиннее и можно было работать подольше.

Я отчаялась просить Джорджа сделать что-нибудь по дому, но поняла, что если буду потихоньку продолжать, то скоро все будет готово. Однажды апрельским утром, когда мы сидели за столом на кухне, я сказала Лулу:

— Надо будет попросить Джорджа достать с чердака твою люльку — мы ее помоем.

Лулу обрадовалась этой затее, но в то же время поняла, что он не сделает даже такой малости.

— Я сама ее достану, мам, после школы, — ответила она. — И мы вместе ее вымоем. Вот будет здорово!

В этот самый момент вошел Джордж. Его мать недобро на него посмотрела.

— Немедленно идти на чердак и принеси люльку, Джордж.

— Позже, мам, я опаздываю на работу.

Тут она шагнула к нему, лицо ее было прямо напротив его лица.

— Принеси сейчас же, — прошипела она. Он отпрянул с широко распахнутыми глазами.

— Ладно-ладно, мам, сейчас принесу.

И вышел. Лулу потрясенно смотрела в стол. Она никогда не видела бабушку такой. Я про себя улыбнулась. *Надо же, как все просто оказалось!*

Моя реакция не ускользнула от матери Джорджа, и впервые в жизни она улыбнулась мне.

— Ты просто не можешь найти к нему подход, — произнесла она и вновь вернулась к работе.

Через несколько минут Джордж вернулся на кухню с паутиной в волосах. Я едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Он поставил люльку в угол.

— Вынеси на крыльцо — мы ее вымоем, — рыкнула на него мать.

Он сделал, как было велено, потом, ни слова не говоря, ушел на конюшню, вскочил на коня и уехал в город.

Глава 19

Второго июня 1915 года, в среду, перед самым рассветом у меня начались схватки. Они были не такими легкими, как первые схватки, когда я рожала Лулу, а резкие и сильные. Я сжала зубы, пока они не прекратились, а потом ткнула Джорджа локтем в спину. Тыкать пришлось несколько раз, и довольно сильно, но наконец он проснулся и сел на постели.

— Что такое? — спросил он, как будто не понимая, что его сын вот-вот появится на свет.

Я сделала глубокий вдох.

— Пора, малыш вот-вот появится. Иди вызови врача.

Он поскреб подбородок.

— Врача? Зачем он нужен? Что-то не так?

— Джордж, я же сказала, ребенок вот-вот родится.

— Моя мать все сделает.

— Твоя мать?

— Она умеет. Нет нужды платить врачу за то, с чем прекрасно справится моя мать.

Я поняла, что разговаривать с ним бесполезно. Может быть, его мать и правда сумеет. У многих женщин роды принимала повитуха, а не врач.

— Ладно, разбудим ее, когда схватки участятся.

Джордж лег и тут же снова заснул. Я потрясла его за плечо.

— Принеси, пожалуйста, мои вещи. Мне нужны пеленки, чтобы не запачкать постель, и простыни, и все остальное для родов.

В ответ он лишь всхрапнул.

Это было уже слишком. «Может, стукнуть его цветочным горшком?» — подумала я; горшок стоял как раз у меня на тумбочке. Но вместо этого встала, приготовила все сама и легла обратно. Новая волна боли настигла меня где-то через полчаса после первых схваток. Я перетерпела и ее, и через минуту боль прекратилась. Следующие схватки наступили быстрее и были немного болезненнее двух предыдущих. Занимался рассвет, и уже прокукарекал петух. Джордж крепко спал. Я снова ткнула его локтем.

Наконец он продрал глаза и посмотрел на меня.

— Ну что? — спросил он.

— Позови маму, Джордж, пора!

Но не успел он встать и натянуть брюки, которые сбросил прямо на пол накануне, как в дверях появилась его мать и вошла в комнату. В одной руке она держала сверток тряпок.

— Выйди, — велела она сыну, положив сверток на кровать. — Проследи, чтобы Лулу позавтракала и отправилась в школу. Во время родов ей в доме находиться совершенно не нужно — еще перепугается. Просто скажи ей, что мама слишком устала и не может встать, а я посижу с ней, на случай, если вдруг ей что-то понадобится.

Джордж надел рубашку и жилет со значком. Я знала, что он послушает мать, и впервые была согласна со старой женщиной. Лулу не стоит присутствовать при родах и даже находиться в это время в другой комнате и переживать.

Схватки продолжались все утро, становясь все тяжелее и чаще, как я и ожидала. Они изматывали меня, и я невольно спрашивала себя, хватит ли мне сил, когда придет пора рожать.

Матушка Фоли хлопотала по дому, время от времени заглядывая ко мне. Около полудня она пришла, неся ведро с водой. К тому времени схватки стали совсем частыми и очень болезненными, но я старалась терпеть, говоря себе, что скоро все закончится.

Матушка Фоли развернула сверток, который до этого принесла. Внутри было два ножа — один кухонный, а второго я никогда раньше не видела. У него было короткое тонкое лезвие. Она положила этот странный нож на стол, а кухонный спрятала под матрас.

— Это чтобы облегчить боль, — пояснила она.

Был там и тряпичный мешочек, пахнувший травами, и маленький клубок бечевки.

Внезапно по моему телу прокатилась волна ужасной боли. Я оперлась на локти, подтянув колени. Матушка Фоли отвернула покрывало, села на край кровати и сказала коротко:

— Тужься!

Я сделала глубокий вдох, напряглась и изо всех сил потужилась. Матушка Фоли удовлетворенно кивнула.

— Еще разок — и все.

Боль отступила, и я расслабилась, но вскоре последовали новые схватки. И снова я сделала глубокий вдох и потужилась. И почувствовала, как ребенок выскользнул из меня. Старая женщина рассмеялась своим резким смехом и поднесла ребенка ко мне.

— Смотри, какой крепыш, как я и говорила! — Глаза у нее сверкали.

У ребенка были длинные, густые черные волосы. Его бабушка обтерла его травами и начала что-то тихо напевать. Он издал крик и принялся пронзительно верещать, как большинство новорожденных. Его бабушка снова расхохоталась.

— Ты только послушай!

Она положила его на постель и взяла клубок бечевки; отрезала два куска и перетянула пуповину. Затем взяла маленький нож и перерезала пуповину между двумя узелками бечевки. Завернув ребенка в одеяльце, она взяла его на руки и вышла из комнаты.

Я ждала, что она вернется, но этого не произошло. Вскоре я почувствовала резкие колики. Теперь я уже знала, что это послед. Через несколько минут он вышел, и боль прекратилась. Я подняла голову, чтобы посмотреть.

Крови было больше, чем я думала. Я все ждала и ждала, что мать Джорджа вернется и сделает что-нибудь, чтобы остановить кровотечение, но она все не приходила. Я попыталась позвать, но сил не хватало. Наконец я закрыла глаза и погрузилась в черноту.

Было еще светло, когда меня разбудил плач ребенка. Я не знала, ни сколько времени прошло, ни откуда шел крик. Попыталась встать, но слабость взяла верх. Получилось лишь немного приподняться на подушках. Плач становился все громче.

Тут в комнату вошла матушка Фоли с ребенком на руках. Она подошла ко мне и уставилась взглядом, от которого бы вода превратилась в лед. Я протянула к малышу руки, но старуха медлила; по мере того как я пыталась взять собственного ребенка, удовлетворение на ее лице росло. Наконец она сунула младенца мне в руки и вылетела из комнаты.

Держа его одной рукой, я расстегнула пуговицы ночной сорочки. Когда я наконец поднесла его к груди, он тут же принялся сосать.

Покормив сына, я осмотрела его. Его бабушка выкупала его, и я чувствовала исходивший от него аромат трав. Волосы у него были густые, длиной почти два дюйма[4], а кожа — цвета свежей клубники.

Я понятия не имела, сколько он весит, но чувствовала, что больше девяти фунтов[5]. Он был на целую треть больше Лулу, когда та родилась, а тогда мне сказали, что она весила чуть меньше семи фунтов[6].

Я развернула пеленку и внимательно осмотрела его тельце. Он был рослым и худым, с красивыми ручками и длинными пальчиками.

Я все ждала, что вот-вот меня охватит то чувство любви, как после рождения Лулу, — но этого не произошло. Чего-то не хватало. Вскоре мы оба заснули, он — у меня на руках, я — в окровавленной, сырой и — теперь уже — холодной постели.

Стук ширмы оповестил меня о приходе Лулу из школы. Она взбежала по лестнице в мою спальню и схватила своего

маленького братика.

— Посмотри, мам, какой он красивый! Настоящий маленький индеец!

Она взъерошила его волосы.

Слова эти мне не понравились, но это была правда. Я взяла Лулу за руку и сказала:

— Сходи, пожалуйста, и приведи ко мне Клару, Лулу. Пусть до твоего прихода за малышом посмотрит мать Джорджа.

Лулу послушно отправилась к соседке. Через несколько минут пришла Клара. Лицо у нее было радостное, но радость быстро померкла, едва она меня увидела.

— Ты в порядке? Тяжело тебе пришлось? Я не видела, когда приезжал доктор, не то пришла бы помочь.

Я старалась говорить своим обычным голосом, но по-прежнему не могла выдавить из себя ничего громче шепота.

— Мать Джорджа приняла его сама, но мне нужно, чтобы ты помогла мне помыться.

— Она что, даже не вымыла тебя после родов?

— Нет, просто взяла его и ушла. Кажется, я потеряла много крови, Клара — сил нет даже пошевелиться.

Клара отвернула покрывало и ахнула.

— Она что, даже послед не приняла? Боже правый, Мод, ты ведь могла умереть!

— Только Лулу не говори, — попросила я, поднеся палец к губам.

Клара кивнула. Она пододвинула к кровати стул и взяла простыню из лежащей на нем стопки белья. Встряхнув, она накинула ее на стул и склонилась ко мне.

— Обхвати меня за шею и держи крепче, Мод, я сейчас усажу тебя на стул и приберу постель.

Я замотала головой.

— Я слишком тяжелая, Клара. Попроси мать Джорджа, пусть она тебе поможет.

— После того, в каком состоянии она тебя оставила, я ни о чем просить не собираюсь.

Я обняла Клару за шею, а она подхватила меня левой рукой под коленки, правой — за талию и наполовину подняла, наполовину стащила меня с кровати на стул. Затем она сменила постель и вымыла меня. Мне было ужасно стыдно.

— Клара, мне так неловко, что не могу сделать этого сама.

— Ерунда, может быть, когда-нибудь и мне понадобится твоя помощь.

— Где ребенок?

— На кухне, с Лулу и бабушкой. Они так щебечут над ним,

будто никогда младенца не видели.

— Это хорошо, что они его полюбили, Клара.

— Конечно, полюбили. И все будут его любить!

— Клара, можно тебе сказать одну ужасную вещь? Обещай, что не рассердишься.

Клара на секунду прекратила меня мыть.

— Все, что угодно, Мод.

— Пока я его кормила, все ждала и ждала, но этого так и не произошло.

— Чего?

— Когда мне в первый раз принесли Лулу, мое сердце переполнилось такой любовью, что я думала, оно вот-вот разорвется.

— У меня было так же.

— А к этому ребенку я не почувствовала ничего, — призналась я, глядя ей прямо в глаза. — Со мной что-то не так?

— Ты просто устала, вот и все. Когда встанешь на ноги, все будет нормально. У тебя прекрасный, здоровый малыш. Ты сразу же его полюбишь.

Я кивнула, но в глубине души знала, что никогда не буду любить этого ребенка так, как должно. Клара закончила меня мыть, одела в чистую сорочку, уложила и подоткнула одеяло.

— Ну вот, ты как новенькая. Отдыхай. Я спущусь и принесу тебе поесть.

— Я не голодна.

— Мне все равно. Ты должна поесть и попить, иначе не будет молока для маленького.

Клара вышла, и я задремала. Как хорошо снова быть чистой и сухой и в тепле! Она принесла мне поднос с ужином, и я поела так, будто бы до этого меня морили голодом, и снова провалилась в сон. Когда я вновь проснулась, Клара сидела на стуле у моей постели, а на дворе было темно.

— Который час? — спросила я спросонья.

— Почти восемь. Ты долго спала.

— Мне нужно пописать.

— Ладно. Сможешь встать и сходить на горшок, или подставить под тебя что-нибудь?

— Мне так стыдно, Клара, но, боюсь, я не смогу выйти на двор. Попробую встать и сходить на горшок.

Клара вытащила из-под кровати керамическую чашу, снова помогла мне встать с постели и подержала сорочку, чтобы я смогла присесть. На это ушло несколько минут, и когда у меня наконец получилось, Клара облегченно вздохнула, поскольку это означало, что «там» у меня все в порядке. Она снова усадила меня

на постель и подоткнула одеяло.

— Сейчас покормлю тебя супчиком — специально сварила!

Через пару минут она вернулась с миской куриного бульона и несколькими ломтиками хлеба. Лишь почувствовав его насыщенный аромат, я поняла, что снова проголодалась.

— Ты ешь, а я пока схожу и вынесу горшок, — сказала она. — Я быстро.

Я доела и выпила стакан воды.

Когда Клара вернулась, я спросила:

— А где Джордж?

— Внизу, вместе с остальными воркует над малышом. Хотел заглянуть к тебе, но я запретила. Сказала, что тебе надо отдохнуть.

Тут мы услышали крик ребенка, и Лулу принесла его мне:

— Бабушка сказала, он хочет ужинать, а ты единственная, кто может его покормить. Мне показалось, она была рассержена.

Лулу протянула мне малыша, я взяла его и принялась кормить. Как только он заснул, я вернула его дочери.

— Положи его в люльку, Лулу.

Накануне мы помыли кроватку, постелили в нее белье, что сшили вместе с Лулу, и поставили в углу комнаты. Но когда Лулу взяла у меня ребенка и направилась туда, то увидела, что люлька исчезла.

— Где она, мам? — спросила девочка.

— Наверное, Матушка Фоли забрала ее к себе в комнату, — ответила я, поджав губы. — Отнеси его ей.

Лулу, баюкая малыша, вышла. Клара встала и распрямилась.

— Ну и хорошо, что он будет с ней. Зато ты хотя бы отдохнешь. Я пойду домой, Мод. Если что-нибудь понадобится, пришли за мной Лулу, и я сразу приду. Даже среди ночи.

Я поймала ее руку.

— Не знаю, что бы со мной было, если бы не ты, Клара.

Она улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Нам, женщинам, надо держаться вместе, Мод. Я сейчас скажу Джорджу, чтобы поднялся.

Через несколько минут пришел Джордж. Он сел на постель рядом со мной и взял мою ладонь в свою руку. Вид у него был смущенный, как будто бы он стеснялся меня касаться.

— У нас славный малыш, Мод. Ты молодец. Никогда не видел маму такой счастливой.

Я решила не говорить ему о том, как его мать со мной обошлась.

— Это хорошо, Джордж. Я рада, что ты счастлив.

Джордж разделся, лег в постель и через пару минут заснул.

Глава 20

Несколько дней я была так слаба, что не могла спускаться на первый этаж. Матушка Фоли постоянно нянчилась с ребенком и приносила мне его только покормить. Он всегда был чисто вымыт и ухоженный. Придя домой из школы, Лулу поднималась сначала ко мне, а затем шла к братику.

Дважды в день меня навещала Клара. Она стала для меня самой настоящей спасительницей, приносила мне еду, выслушивала меня, молилась вместе со мной, следила, чтобы я ни в чем не нуждалась. Джордж, как обычно, приходил и тут же уходил. Жизнь его не изменилась ни на йоту.

Однажды — где-то через неделю после рождения малыша, — проснувшись, я вдруг ощутила прилив сил. Встала с постели, оделась, но потом вновь почувствовала усталость и села. Вся семья собралась на кухне и беседовала. Я спустилась, держась за перила и то и дело присаживаясь через каждые несколько ступенек.

Когда, наконец, я вошла на кухню, матушка Фоли держала ребенка на руках, укачивая его. Лулу ела кукурузную кашу, Джордж — хлеб с соусом «Черный глаз».

— Смотрите, мамочка пришла, — воскликнула Лулу, подскочила и обняла меня.

Уставшая после спуска по лестнице, я плюхнулась на стул. Лулу погладила меня по спине.

— Положить тебе каши?

— Было бы неплохо, — улыбнулась я ей.

Лулу взяла миску, положила кашу и поставила передо мной.

— Думаю, надо дать малышу имя, — сказала я, жуя.

Мать Джорджа любовно посмотрела на внука.

— Его зовут Уильям, в честь моего отца.

Я была потрясена и немного рассержена. Мне и в голову не пришло, что она не позволит мне самой назвать собственного ребенка.

— Я думала, у вашего отца было индейское имя — он ведь был чистокровным индейцем, заседал в совете и все такое.

Матушка Фоли с ненавистью посмотрела на меня.

— Многие наши люди давно взяли себе английские имена.

Я посмотрела на Джорджа, который, уставившись в стол, продолжал есть.

— Мы уже давно зовем его Уильямом, мамочка, — вставила Лулу. — Можно, мы оставим это имя?

— Ну хорошо, — вздохнула я. — Пусть будет Уильям. — Я

посмотрела на Джорджа, все еще не поднимавшего головы. — Уильям *Джеймс* Фоли.

Джордж удивленно посмотрел на меня, но я ответила упрямым взглядом, и он снова принялся уплетать свой завтрак, ничего не ответив.

Я и сама себе удивилась. Поразмыслив хорошенько, я решила, что, может быть, если я назову ребенка Джеймсом, то смогу в конце концов полюбить его, как любила Лулу. Я понимала, что то, что чувствую к нему — ненормально. Я его не ненавидела и не любила, — я просто ничего к нему не испытывала. Словно это был еще один человек в доме.

Поднявшись к себе в спальню и достав Библию из нижнего ящика шкафа, я вписала имя сразу под именем Лулу.

Каждый день я кормила Уильяма и играла с ним, но чувствовала себя так, будто бы делаю все это на расстоянии. И всякий раз, когда матушка Фоли приходила, чтобы забрать его, я испытывала облегчение оттого, что больше не вижу сына. Меня беспокоило, почему я никак не могу полюбить собственного ребенка, но я не знала, что с этим поделать. Я молилась об этом каждую ночь в течение нескольких месяцев, пока наконец не сдалась окончательно. Я решила, что если буду заботиться о нем как следует, то, может быть, со временем смогу его полюбить, хотя в глубине души знала, что никогда не буду любить его так, как Лулу.

Глава 21

Спустя год Уильям уже вовсю ползал по дому. Лулу начала называть его Бад. Мне это имя нравилось, и я тоже стала звать его Бадом. Только мать Джорджа все еще звала его Уильямом.

Бабушка, казалось, совсем сошла с ума: она поила его молоком из кружки, чтобы он перестал брать грудь. За каждым приемом пищи она давала ему кружку молока. И хотя я была готова кормить его грудью еще год — лишь бы снова не забеременеть — я ничего ей на это не говорила. Мне было непонятно, зачем свекровь продолжает поить Уильяма из кружки, приходя каждый раз в неописуемый восторг, до одного октябрьского утра.

Я по привычке стирала каждый вторник, а также меняла постельное белье и складывала грязное в корзину на улице. Джордж так и не провел водопровод, и мне по-прежнему приходилось стирать на заднем крыльце. Правой рукой прижимая к бедру большую корзину, а левой держась за перила, я принялась спускаться по лестнице.

Внезапно я услышала за спиной быстрые шаги и почувствовала удар посередине спины такой силы, что кубарем скатилась по лестнице, отскочив и приземлившись на землю у двери. Дыхание перехватило, и я так и осталась лежать на спине, гадая, не сломала ли чего. Открыв глаза, я увидела матушку Фоли. Она стояла на верхней ступеньке и ухмылялась.

Старуха вернулась в свою комнату и вышла вместе с Уильямом на руках. Затем спустилась по лестнице, перешагнула через перевернутую корзину с бельем и, наконец, через меня. К тому времени я кое-как смогла сесть. Кажется, все было в порядке, и я ухватила старуху за юбку, когда она проходила мимо меня.

— Зачем вы это сделали?

— Надеялась, что ты свернешь себе шею, и я от тебя избавлюсь, — со злобной ухмылкой отвечала та.

Я выпустила ее юбку, и она вернулась на кухню, все так же улыбаясь и напевая своему внуку. Какое-то время я неподвижно сидела, затем согнула одну ногу, потом другую. Прощупала части тела, наконец убедилась, что все в порядке, встала и собрала со ступенек грязное белье. Подобрала корзину и пришла на кухню. Мать Джорджа, держа одной рукой Уильяма, помешивала что-то в кастрюле на плите.

Я не выдержала и с шумом поставила корзину на стол:

— Я всегда была добра к вам. Зачем вы хотите сделать мне

больно?

— Я не хочу сделать тебе больно, — ответила старуха, даже не обернувшись и продолжая помешивать свое варево.

— А если не хотите, зачем вы столкнули меня с лестницы?

— Я не хочу сделать тебе больно, — повторила матушка Фоли, наконец глядя мне прямо в глаза. — Я же сказала: я хочу от тебя избавиться.

Мое лицо побелело, и я с трудом смогла дышать. В одном доме со мной жил человек, желавший мне смерти, и я была уверена, что она продолжит свои попытки до тех пор, пока не убьет меня или что-нибудь ее не остановит.

Сердце в моей груди колотилось так сильно, что я слышала его удары. Я выбежала из дома прямиком к Кларе. Прибежав, я забарабанила в дверь. Клара открыла, и когда увидела мое лицо, глаза ее расширились от изумления.

Я схватила ее за руку:

— Она пыталась меня убить, Клара, и думаю, не остановится, пока не добьется своего! Она прямо заявила, что хочет, чтобы я исчезла.

Клара втащила меня на кухню и усадила за стол.

— О, Мод, что же ты собираешься делать?

— Не знаю. Рассказать Джорджу? Да он не станет ничего предпринимать.

— Может быть, сообщить Дугу Грэму? Он ведь заместитель, может ее арестовать.

Я покачала головой:

— И что? Всего лишь мое слово против ее.

Клара встала и топнула ногой, крепко сжав зубы и кулаки.

— Тогда уходи от него и детей забирай.

Я посмотрела на нее.

— И куда я пойду? Шитьем и стиркой много не заработаешь, этого не хватит, чтобы обеспечивать себя и детей.

— О боже, боже, так никуда не годится! — запричитала Клара. — Что же ты будешь делать? Ведь нельзя просто сидеть и ждать, пока она еще чего-нибудь учудит. Она ведь и отравить тебя может, да бог знает что еще!

— Не знаю, Клара. Давай попробуем придумать, как этого не допустить — может быть, я просто буду осторожнее, чтобы не дать ей возможности?

И вот мы, две добрые христианки, принялись перебирать способы, как можно убить кого-нибудь так, чтобы это выглядело естественно, дабы придумать, как избежать этой участи. Когда мы, казалось, перебрали все возможные варианты, то встали на колени у стола и по очереди попросили Господа, чтобы он велел

ангелу-хранителю не спускать с меня глаз и заставил старуху сменить гнев на милость.

Довольная тем, что мы сделали все, что могли, я обняла Клару.

— Не знаю, как бы жила в этом доме, если бы не ты, — сказала я подруге и вернулась в дом с затаенным чувством страха.

Весь вечер, до прихода Джорджа, я сидела у себя в комнате и шила. Наконец, спустившись на кухню, я увидела всех за столом, — на вид вполне нормальная семья. Кто бы мог подумать, что среди них сидит человек, желавший меня убить.

Матушка Фоли раскладывала жаркое из горшка по тарелкам. Мне она положила последней. Я вызывающе посмотрела на старуху, взяла тарелку и поменялась с Джорджем. Он недоуменно глянул на меня, затем заметил, как мы с его матерью обменялись взглядами, и принялся есть, не говоря ни слова. Я тоже вела себя как ни в чем не бывало.

Тем же вечером, когда мы легли спать, он погасил лампу, повернулся ко мне спиной и зевнул, как будто бы сонно. Я некоторое время лежала в лунном свете.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— О чем? — вздохнул Джордж.

— Твоя мать сегодня утром столкнула меня с лестницы и прямо заявила, что собирается меня убить.

— И что мне с этим делать, Мод? — наконец сказал Джордж. — Она ведь моя мать, пожилая женщина — что мне, по-твоему, в тюрьму ее посадить? Просто будь с ней поосторожнее.

— В общем-то, я догадывалась, что ты так и ответишь.

С того момента я действительно стала осторожной. Оглядывалась, спускаясь с лестницы, ела только то, что ел Джордж, и вообще была — сама бдительность. Я знала, что если что-то и случится, то внешне все будет выглядеть как несчастный случай или что-то вполне естественное, — например, что я наелась испорченных грибов. Старухе не хотелось в тюрьму. Она просто желала, чтобы и Джордж, и дети, и дом принадлежали только ей, и на все была готова, чтобы избавиться от меня.

Глава 22

Повсюду говорили о войне в Европе, но я не особенно обращала на все это внимание. Иногда приходили настоящие газеты, — а не только местные новости, — и тогда я читала их от корки до корки. Мне очень хотелось, чтобы газеты приходили чаще, но по-настоящему важные печатали в Сент-Луисе, и стоили они дорого.

Я не понимала, как война может изменить мою жизнь: в доме у меня, не прекращаясь, шли собственные бои. Иногда я ловила на себе такой взгляд матери Джорджа, от которого мурашки пробегали по всему телу. Я знала: она измышляет способ убрать меня с дороги, но так, чтобы ее не поймали.

В апреле 1917 года Америка вступила в войну с Германией. Была объявлена мобилизация, и каждый день страна направляла на поля сражения по 10 000 человек.

Почти все молодые люди города ушли в армию, не дожидаясь призыва. Для них это было чем-то вроде большого приключения. Они говорили, что это война во спасение мира, чтобы дать дорогу демократии и прекратить все войны.

Далеко не все вернулись домой. Кого-то похоронили на заокеанских кладбищах, кого-то — в местечке под названием Фландерс Филд, кого-то — в Арлингтоне, в Вирджинии; говорят, там обрели покой многие наши мальчики. Некоторые погибли в лесах Франции, и их так и не нашли. Другие возвращались домой без рук или без ног или ослепшими от горчичного газа. Наконец, 11 ноября 1918 года, война закончилась, и все, кто смог, вернулись домой. Один из них, Джонни Паркер, привез с собой испанский грипп.

Уже позже я прочитала, что эта эпидемия унесла жизни приблизительно 50–100 миллионов человек. Нередко заболевшие сгорали в считаные часы после обнаружения первых симптомов «испанки». Очень многие врачи ушли на войну, и дома остались лишь медсестры да студенты-медики. А где-то не было и вовсе никого из медперсонала. Но это было не важно: от испанки все равно помогала лишь молитва.

Джордж как шериф закрыл все общественные места, жители старались не выходить из дому. Когда болезнь постучалась в дом Паркеров, умер только Джонни, но его отец и мать остались живы. Этот недуг отличался тем, что чаще забирал молодых и сильных, а не старых и немощных.

К концу вспышки эпидемии в Кеннете не осталось ни одного гроба. Те, кто умел их делать, были слишком слабы, чтобы

работать. Жертв гриппа заворачивали в холстину или покрывало и хоронили как можно скорее. Из-за нехватки рабочей силы все члены семьи, кто мог стоять на ногах, сами рыли могилы и вкапывали деревянные отметки — до той поры, пока не установят каменное надгробие.

Грипп волной прокатился по городку, унося с собой каждого четвертого. Священник Церкви Святости старался навещать столько больных, сколько мог, потом сам заразился и умер. Когда-то в городе было три доктора. Теперь же один уехал в госпиталь к солдатам, один все еще работал по 20 часов в день, а третий тоже умер от гриппа.

В нашей семье первым заболел Джордж. Я прикладывала к его лбу холодные компрессы, чтобы сбить жар, и мыла его несколько раз в день, обтирая прохладной тряпочкой. Через неделю худшее миновало, но он все еще был слаб и не мог встать с постели.

В три года Бад уже вырос из своей люльки, но все еще спал на матрасике в комнате бабушки. Следующей заболела она, а вслед за ней и малыш. Я ухаживала за обоими, как за Джорджем, обтирая их холодной тряпочкой и меняя грязное белье. Матушка Фоли была так слаба, что едва могла пошевелиться, но когда я убирала за ней рвоту и понос и мыла ее, она не сводила с меня тяжелого взгляда, и глаза ее светились ненавистью. Зрелище было жалкое, и я делала вид, что не замечаю этого. Ухаживая за ней, я говорила:

— Я молюсь за вас, матушка Фоли, молюсь, что вы примете дар спасения Иисуса. Не думаю, что Ваконда на вас осерчает. Мне кажется, что Ваконда — это всего лишь одно из имен Господа.

Наконец, жар у Бада спал, и через несколько дней он поправился, а вот мать Джорджа однажды ночью нас покинула. Я старалась, как могла, успокоить мужа и Лулу, но они были безутешны.

Джордж отправил своей сестре Бесси телеграмму, хотя знал, что она вряд ли сможет приехать домой. Не дожидаясь, он завернул мать в покрывало, и мы вместе отправились на кладбище, а Лулу с братиком остались дома. Джордж сам выкопал могилу, а я прочла псалмы и помолилась.

Потом заболела семья Клары. Первой была Мэгги, но Клара ухаживала за ней неотлучно, и наконец девочка пошла на поправку.

Однажды утром Альфред вернулся домой, пробыв в своей лавке всего несколько часов. Последнее, что он успел сказать жене, было: болен ты или нет, а людям все равно нужен корм для животных, и его долг этот корм обеспечить. Вернувшись домой,

он привязал лошадь у крыльца, а сам ввалился внутрь. Клара бросилась ему навстречу, но он был слишком тяжелым для нее и так и упал в гостиной; во рту запузырилась красная пена. Клара побежала к нам, чтобы попросить Джорджа помочь втащить его на кровать, но к тому времени, как она добежала до нашего дома, Альфред уже умер — вот так быстро. А ведь еще утром он выглядел совершенно здоровым.

Джордж отправился в город и позвал на помощь Дуга Грэма и еще одного человека. Вместе они завернули Альфреда в покрывало и погрузили в фургон. Оставив Лулу дома с Бадом, мы с Кларой сели на заднее сиденье фургона и отправились на кладбище.

Спальня Мэгги располагалась на втором этаже их дома. Она была слишком слаба, чтобы ехать на кладбище, только сидела в постели и смотрела, пока фургон с телом ее папы не исчез в конце улицы.

На следующий день Клара проснулась с температурой. Еще не вполне оправившаяся от болезни, Мэгги сползла с постели и кое-как пришла ко мне. Клара попыталась прогнать меня.

— Сама заболеешь, Мод! Иди домой, со мной все будет нормально.

Не обращая внимания на ее слова, я вымыла Клару, спела песню и помолилась за нее.

— Помнишь, как ты ухаживала за мной, когда родился Бад? Теперь пришел мой черед ухаживать за тобой.

Через несколько дней Клара справилась с болезнью, и Мэгги тоже набралась сил и смогла за ней ухаживать.

Потом заболела я. Клара и Лулу ухаживали за мной, пока болезнь не отступила. Кроме Лулу, все в обоих наших домах переболели гриппом, и либо сдались, либо победили.

Как-то вечером Лулу отправилась спать совершенно здоровой. Но когда на другое утро я позвала, она не спустилась…

Глава 23

Я снова позвала Лулу, но ответа так и не последовало. До сих пор помню, как все происходило, будто в замедленном действии. Джордж повернулся и посмотрел на меня. Я встретила его взгляд. Паника охватила мое тело, и все внутри похолодело. Я вышла из кухни и направилась к лестнице, изо всех сил заставляя себя переставлять ноги. Медленно-медленно, держась за перила, я поднялась. Когда я дошла до лестничной площадки, все тело била дрожь. Я остановилась и снова позвала Лулу по имени, ожидая ответа, но его не последовало.

Я пошла дальше и наконец дошла до комнаты. Джордж стоял в дверном проеме кухни и смотрел на меня. Я заставила себя сделать еще шаг к двери комнаты Лулу и открыла дверь.

Моя прекрасная белокурая девочка лежала, закинув одну руку за голову, и волосы ее разметались по плечам. Если бы не тонкая струйка пены, стекавшая изо рта по щеке, я бы подумала, что она спит.

Джордж вошел в комнату с Бадом на руках. Я стояла, глядя на свою драгоценную девочку, окаменев и не издавая ни звука. Джордж встал рядом со мной и долго смотрел на Лулу. Он тоже молчал. Казалось, он знал, что никакие слова не смогут меня утешить, так же, как я не могла утешить его после смерти матери. Бад почувствовал неладное, уткнулся в отцовскую грудь и захныкал.

Наконец Джордж обнял меня за плечи и похлопал по спине.

— Я отнесу Бада к Кларе, а потом мы ее похороним.

Я не сводила глаз с Лулу.

— Я хочу, чтобы ее похоронили в гробу, Джордж. Я не позволю положить ее в землю в одном покрывале.

— Мод, ты же знаешь, что у нас не осталось гробов. Придется сделать то, что в наших силах.

Не поднимая головы, я посмотрела на него, как разъяренный бык. Одной рукой я ухватила его рубашку, притянула к себе, так, что лицо мое оказалось у самого его лица, и прорычала:

— Ты сделаешь ей нормальный гроб, даже если придется разобрать конюшню, и начнешь прямо сейчас, и будешь делать, пока не закончишь, понял?

Джордж отпрянул, насколько ему позволяла моя железная хватка.

— Хорошо, Мод, — сказал он, передал мне Бада и вышел из комнаты. Я подтянула стул к кровати и так сидела с Бадом на руках.

Я слышала звуки пилы и молота, доносящиеся с конюшни. Баду было все равно — он заснул. Спустя несколько часов Джордж вернулся.

— Все готово, Мод.

Я отдала ему Бада.

— Отнеси его к Кларе и расскажи ей о Лулу. Я приготовлю ее.

Джордж не ответил, лишь взял у меня спящего ребенка и ушел.

Я обмыла Лулу и причесала ей волосы. Потом перебрала ее платья, ушла к себе в комнату и вернулась с вышитым платьем, что надевала на свадьбу с Джеймсом, и его же клетчатой рубашкой, что привезла с собой из Теннесси. Я одела Лулу в это платье, накинула ей на плечи отцовскую рубашку и села ждать.

Через несколько минут вернулся Джордж.

— Клара хотела поехать с нами, Мод, но я сказал ей, что она еще не совсем поправилась. Лучше ей сейчас остаться с Бадом. Хорошо?

Я кивнула. Джордж поднял Лулу и вынес ее из комнаты. Я взяла с кровати сшитое Бесси покрывало и Библию Лулу со стола и вышла следом. Гроб стоял в глубине фургона. Клара ждала на заднем крыльце с Бадом на руках. Рядом с ней стояла Мэгги, и обе рыдали.

Джордж уже собирался было положить Лулу в гроб, но я окликнула его:

— Подожди!

Он отступил. Я постелила в гроб белое покрывало, свернув по краям, и кивнула Джорджу:

— Давай.

Он положил тело Лулу в гроб, завернул ее в покрывало, закрыл крышку и крепко заколотил.

Потом Джордж помог мне сесть в фургон, и мы отправились на кладбище, ни слова не говоря. Я сидела в фургоне, пока Джордж искал свободное место и рыл могилу. Затем он аккуратно опустил в нее гроб.

Я выбралась из фургона и встала рядом. Держа в руках Библию, я подбирала в голове верные слова. Наконец раскрыла ее и пролистала до тех пор, пока не нашла нужные стихи в Первом послании к Фессалоникийцам. Я стала читать так громко, что Джордж подскочил.

«Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем».

Закрыв Библию, я кивнула Джорджу. Он взял лопату и зарыл могилу. Затем взял деревянный крест с заднего сиденья фургона с именем, которое написала я сама, Лулу Коннор Фоли, и молотком вколотил его в землю.

Я прочитала молитву, и он помог мне вернуться в фургон. Когда он сел на свое место, я спросила:

— Где ты достал дерево?

— Стойло разобрал. Теперь нам все равно нужно только одно.

Я стиснула его руку.

— Спасибо тебе за это.

Он кивнул и встряхнул поводьями. Я сжала Библию так крепко, что костяшки пальцев побелели, а вскоре онемели все руки. Оставшуюся часть пути мы не проронили ни слова.

Глава 24

Я ушла в свой собственный мир, где ничто не могло меня достать. Война в Европе официально закончилась, но эта новость как будто совершенно не соприкасалась с моей реальной жизнью. Как сомнамбула, я выполняла свои ежедневные обязанности: убирала, готовила, стирала, следила за тем, чтобы Бад ни в чем не нуждался. Теперь, когда не стало ни сестры, ни бабушки, которые с ним возились, он льнул ко мне, но вместо того, чтобы найти утешение в своем выжившем ребенке, я соблюдала дистанцию. Тогда Бад переключился на Джорджа, и тот окружил его любовью и заботой. Никто не мог бы упрекнуть Джорджа в том, что он не любил сына.

По вечерам, едва заслышав цоканье копыт отцовского коня, он с криком «Папа! Папа!» выбегал на заднее крыльцо.

Джордж выплескивал всю свою любовь на сына, который был точной его копией. С каждым днем Бад становился все выше и стройнее, детская округлость понемногу уступала место телосложению его отца.

В моих объятиях Джордж находил мало утешения. Теплоты в его прикосновениях и ночных ласках так и не появилось, но я знала свой долг и исполняла его. Это было единственное, что я могла ему дать.

Клара пыталась достучаться до меня и вырвать из цепких объятий моего горя, но ей не удавалось пробить брешь в этой толстой стене. Я перестала ходить к ней и вообще выходить из дома. Джордж приносил все необходимое. С самого рождения я не пропустила ни единой воскресной службы, но теперь перестала ходить даже в церковь. Вся моя жизнь протекала на пяти акрах имения Джорджа.

Раньше я вставала с первыми петухами — теперь же стала спать дольше. Джордж ничего не говорил. Он мог и сам пожарить себе бекон и сварить кофе. Уложив Бада спать, я тоже ложилась. Во сне боль отпускала меня — до тех пор, пока не будил крик сына.

Когда Клара приходила ко мне, на ее вопросы я отвечала резко и коротко. Спустя несколько недель такого поведения Клара наконец не выдержала:

— Мод, я люблю тебя, но понимаю, что ты все еще горюешь. Когда понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти.

Однажды утром, примерно через полгода после окончания эпидемии, мне вдруг пришло в голову, что я и понятия не имею, как себя чувствует Клара. Она ведь потеряла мужа, и неизвестно,

откуда брала средства к существованию.

Я пересилила себя и постучалась к ней. Клара очень мне обрадовалась. Она распахнула дверь и стиснула меня в объятиях.

— Я сейчас сварю нам кофе, Мод. Я так тебе рада!

Мы сели за стол, как раньше, и я спросила:

— Мне так стыдно, что я не пришла раньше. Как ты справляешься без Альфреда?

Клара пожала плечами.

— Наняла Билли Симмонса и Грегори Хауторна из церкви, чтобы они помогали мне в лавке. У них отлично получается. Я только прихожу и даю указания и веду учет раз в неделю.

— А кто выполняет мужскую работу у вас в доме?

Поместье у Клары было точь-в-точь как у Джорджа: пять акров на окраине города, двухэтажный дом и большой амбар, где она держала корову, двух коз и лошадь. Рядом с амбаром был курятник.

— Делаю все то же, что и раньше. Посадила садик, кормлю скотину. Хотя, конечно, мне нелегко в одиночку, изматывает. Мэгги помогает мне, но я не хочу лишать ее детства, заставляя с утра до ночи работать. Если что-то сломается, наверное, найму кого-нибудь. Выручки от магазина мне хватает на наемную силу. Альфред всегда умел считать деньги. Я, бывало, злилась, когда он подолгу не покупал новый костюм или сбрую для лошади, но ему, наверное, было виднее. Я подумываю о том, чтобы нанять постоянного работника. Он бы все чинил и ухаживал за скотиной в обмен на крышу над головой. Как думаешь, стоит? Знаешь ведь, как люди любят болтать.

— Да уж, Клара, я-то знаю об этом не понаслышке. Именно так я вышла замуж за Джорджа. На твоем месте я не дала бы ни малейшего повода распускать о себе грязные сплетни.

— Ты права. Обращусь к пастору — может, он что-нибудь посоветует.

— К пастору? У нас новый пастор?

— Уже с месяц. Приехал брат Эймс из Сент-Луиса. Молоденький, совсем недавно проповедует, но хороший.

— А до этого что вы делали на службах?

— Просто встречались, и мужчины по очереди читали Святое Писание, а потом мы пели и молились. Среди прихожан не осталось ни одной семьи, где бы кто-нибудь не умер, Мод. Какой ужас!

Я отвела взгляд.

— Мне так стыдно, Клара. У меня и мысли не возникло о том, каково пришлось остальным. Вместе с Лулу я будто саму себя похоронила. Наверное, для христианки это непростительно — не

думать о ближних.

— Возвращайся в церковь, Мод. Мы все нужны друг другу.

— Вернусь. А как вы туда ходите? Пешком?

Клара засмеялась.

— Я с детства умею управлять фургоном. Да и Мэгги помогает. Справляемся.

— В воскресенье поеду с вами.

В воскресенье я вскочила с первыми петухами. Спустилась на кухню и приготовила Джорджу его любимый и единственный вариант завтрака, а себе и Баду пожарила яичницу. Затем поднялась и потрясла Джорджа за плечо:

— Вставай, завтрак готов.

Он открыл глаза и удивленно на меня посмотрел, но молча встал. Потом разбудил Бада и вместе с ним спустился вниз, неся его под мышкой. Когда он сел за стол, я улыбнулась ему. После тех печальных похорон это была первая улыбка, что он видел на моем лице.

— Я собираюсь в церковь, Джордж, — сказал я.

— Это хорошо, Мод, — улыбнулся он в ответ.

— Я хочу, чтобы ты приготовил фургон. Я поеду вместе с Кларой и Мэгги — негоже им управлять фургоном в одиночку.

Джордж не возражал: по моему тону он понял, что надо сделать, как я сказала. Должно быть, он вспомнил свою мать, и это почему-то вселяло в меня утешение.

Мои братья и сестры по церкви приветствовали меня так тепло, что мне стало ужасно стыдно за столь долгое отсутствие. Умиротворение церкви, гимны, молитвы, близость других, понимавших глубину моей утраты, — именно это было мне нужно.

Глава 25

Боль никогда не отпускает по-настоящему. Но она может ослабнуть и перестать мучить тебя каждую минуту. Жизнь моя снова вошла в привычное приятное русло. Джордж опять выдвинул свою кандидатуру на должность шерифа и, поскольку никто не выступил против, победил. Все любили Джорджа.

Теперь, когда его матери не стало и некому было вести хозяйство, вся эта груда обязанностей обрушилась на меня, и шить стало совершенно некогда — разве только подлатать иногда. Пока я горевала по Лулу, дом зарос паутиной и пылью, и я, сгорая от стыда, вымыла его от пола до потолка. Я не оставляла Джорджа в покое, пока он наконец не занялся туалетом, и даже заставила выкопать новую яму и перенести его.

Я наслаждалась новообретенной властью. Джордж не всегда сразу исполнял мои желания, но если я подбирала нужный тон, он в конце концов прислушивался. Я обновила садики — свой и свекрови. Каждая минута светового дня уходила на готовку, уборку, ведение хозяйства, двора и уход за сыном.

Бад был повсюду, и я не спускала с него глаз. Попробуй только оставь его без присмотра в саду — тут же повыдергает всю рассаду. А на кухне? Содержимое сахарницы, банки с мукой и прочих сыпучих продуктов мигом оказывались в одной куче на полу.

И еще он постоянно падал с лестницы. Однажды я буквально спасла ему жизнь, поймав за шиворот, как раз когда он едва не вывалился из окна над лестничным пролетом.

В конце лета 1919-го я поняла, что снова беременна. На этот раз утренняя тошнота меня миновала. Я даже могла спокойно смотреть, как Джордж уплетает свой завтрак. Чувствовала себя прекрасно и была полна сил, и жизнь моя ничуть не изменилась, не считая того, что я постоянно хотела есть. Я готовила огромные кастрюли курицы с клецками, как учила меня в детстве мама, и ела втрое больше обычного. Пекла пироги и пирожные дважды в неделю и ела их каждый день. Джордж не любил сладкого, но ел, чтобы не оскорбить мои чувства, а вот Бад обожал выпечку и поедал ее почти наравне со мной.

К весне 1920-го, когда пришел срок рожать, я очень сильно прибавила в весе и влезала только в два платья. Одно я стирала, а второе носила. Я все ждала и ждала, но день, когда должен был родиться малыш, миновал, а я все росла и росла. Теперь я уже едва могла встать со стула и по сорок раз в день бегала в туалет.

Я знала, что с ребенком все в порядке — он довольно больно

пинался каждый день, и я за него не беспокоилась. Однажды в воскресенье я подошла к врачу в церкви, и он сказал мне то же, что когда-то сказали Хелен:

— Ребенок — что яблоко, Мод. Созреет — сам упадет.

Однажды, когда я готовила ужин, у меня прямо на кухне отошли воды. Схваток не было вообще, поэтому я просто вымыла пол, переоделась и вернулась к домашним делам. Когда вернулся Джордж, и мы сели ужинать, я между делом сказала ему:

— Ребенок родится сегодня ночью.

— Как протекают схватки?

— Их пока нет, но недавно у меня отошли воды, значит, он родится ночью.

— Вызвать врача?

— Нет, просто позови Клару. Со мной ведь это не в первый раз.

Впервые за всю нашу супружескую жизнь я прочла во взгляде Джорджа что-то вроде восхищения.

— Ну, раз ты так считаешь, — сказал он и доел свой ужин.

Схватки начались, когда я мыла посуду. Я остановилась, схватилась за край стола, пока не отпустило, затем продолжила мыть. Ощущение было мне знакомо, и я знала, что времени у меня предостаточно. Вымыв кухню, я отправилась к Кларе и постучала.

Когда она открыла, я сказала:

— У меня после обеда воды отошли, так что ребенок родится сегодня ночью. Когда будет пора, я пришлю за тобой Джорджа.

— Да я хоть сейчас приду, — ответила Клара.

— Не стоит. У тебя и так дел полно. Ты мне понадобишься еще нескоро.

Я приготовила тряпки и натаскала воды из колодца, чтобы нагреть к родам. Проверила огонь в печи — пусть вода нагревается, но не выкипает. Весенняя ночь была прохладной, и я сказала Джорджу развести огонь в камине на веранде. Он не спускал с меня глаз и все спрашивал, в порядке ли я, а я лишь отмахивалась:

— Все нормально!

Потом он уложил Бада в постель и подоткнул одеяло.

Мы с Джорджем отправились спать в привычное время. Он тут же заснул, а я не могла сомкнуть глаз. Но вот боль достигла того предела, когда я поняла, что без помощи мне не обойтись, я разбудила Джорджа и послала его за Кларой. Хотя уже миновала полночь, Клара пришла всего через несколько минут, полностью одетая. Она пододвинула стул к кровати. Джордж спустился на кухню заварить себе кофе и принялся ждать.

Я обрадовалась Кларе:

— Как тебе удалось так быстро собраться? Ночь глубокая на дворе!

— Я не раздевалась и легла спать на диване, на веранде. Не хотела терять ни минуты, когда ты меня позовешь.

Превозмогая боль, я сквозь зубы рассмеялась.

— Время пока есть, но немного. Он может появиться с минуты на минуту. Я чувствую.

Я села и потужилась, потом расслабилась, затем через минуту потужилась снова. Но даже и через полчаса этой процедуры ничего не изменилось.

— Клара, посмотри-ка, что там происходит.

Она отвернула покрывала, и я увидела, как сморщился ее лоб.

— Что там, Клара?

— Мод, я вижу пяточку. Похоже, идет ножками.

— Скажи Джорджу, пусть вызовет доктора, и поскорее.

Клара сбегала вниз, и через несколько минут мы услышали, как Пауни проскакал по двору. Схватки продолжались, и Клара с надеждой смотрела на меня. Но ничего не происходило. Живот мой сжался, и ножка, высовывавшаяся из меня, исчезла внутри. Я почувствовала, будто бы все мое тело сейчас разорвется от боли.

Казалось, прошла целая вечность, но вот наконец в комнату ворвался врач. Клара рассказала ему, как все было до сих пор. Он бегло осмотрел меня, нажал тут и там на живот и сказал:

— Я сейчас попробую его повернуть, чтобы он вышел правильно. Но у тебя очень крупный малыш, Мод. Возможно, придется делать кесарево.

Я слышала о таком, но ни одна из моих знакомых женщин не рожала подобным образом.

Доктор снова нажал мне на живот, на сей раз гораздо сильнее, в разных местах. Через несколько минут он покачал головой.

— Нет, не получится.

Он сдернул покрывало и достал свой чемодан. Тут на меня снова нахлынула волна боли, и я поневоле снова потужилась.

— Смотрите! — закричала Клара. — Появилась пяточка!

Доктор ухватил за нее и слегка потянул.

— Держись, Мод, — подбодрила меня Клара. — Уже вышла ножка, и я вижу попку! Одна ножка вышла, а вторая пока внутри.

Врач старался вытащить ребенка, и вскоре ему это удалось. Это был мальчик. Он потер его и шлепнул по попке, но малыш не кричал. Доктор поднял его и шлепнул еще, но и тогда крика не последовало. Мы с Кларой заплакали.

Он вручил ребенка Кларе.

— Унеси его куда-нибудь. Мы ему помочь уже не сможем. Мод в ужасном состоянии, вся в крови, ей наша помощь нужнее.

Клара завернула младенца в тряпицу и положила под кровать. Доктор помассировал мой живот и принял послед. Кровотечение прекратилось, он наложил швы, удовлетворенно упаковал свои принадлежности и собрался уходить.

— Прости, Мод. Мне жаль, что я не смог тебе помочь.

Клара вымыла меня и сменила белье на кровати. Все это время мы не прекращали рыдать, но уже не так сильно. Перед уходом Клара наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Завтра мы его похороним, Мод. А теперь, пожалуйста, постарайся заснуть. Силы тебе еще понадобятся. Я скажу Джорджу, чтобы сегодня поспал в другой комнате.

Я еще немного поплакала и наконец заснула. Не знаю, сколько проспала, но проснулась я от странного звука. Сначала решила, что это кошки на заднем дворе. Как вдруг ночной воздух разорвал крик голодного и замерзшего ребенка. Я резко села на кровати.

Должно быть, я сплю и вижу страшный сон, решила я, но крик все не утихал. Я сползла с постели и заглянула под кровать. Там, суча ножками, весь сморщившись, лежал мой ребенок, отчаянно требуя к себе внимания. Я взяла его на руки, завернула в покрывало и вернулась в постель. Затем приложила его к груди и принялась наблюдать за тем, как он впервые в жизни ест. Волна сильного чувства охватила меня. Оно уже было мне знакомо, и я возблагодарила Господа, ведь именно это чувство я испытала, когда впервые взяла на руки Лулу.

Войдя в мою комнату на другое утро, Джордж лишился дара речи. Я сидела на кровати, держа на руках ребенка, и пела ему колыбельную. У малыша были прямые, темно-каштановые волосы, как у меня и у моего папы, и это был самый крупный младенец, какого я когда-либо видела. Пухлые щечки доставали до плеч, а ручки и ножки были кругленькими и розовыми.

Я улыбнулась Джорджу.

— Это Чарльз Юджин Фоли. Я назвала его в честь моего папы, — сказала я ему. — Мы будем звать его Джин. Позови Клару, Джордж, мне не терпится показать его ей!

Джордж привел Клару. Узнав, что ребенок, которого мы думали, что потеряли, жив и здоров, она была вне себя от радости.

Я не хотела расставаться с ним ни на минуту, поэтому Клара положила его на полотенце прямо на кровать и обтерла. Затем она принесла мне Библию, и я вписала его имя под именем

Уильяма.

Несколько дней я была слишком слаба, поэтому Клара заботилась о Баде и готовила нам еду, а Джордж ухаживал за мной ночью.

Маленький Джин постоянно хотел есть. Когда ему исполнился месяц, мы впервые отправились в церковь, а на обратном пути зашли в продуктовый магазин, чтобы взвесить его. В возрасте четырех недель он весил 18 фунтов[7].

Если Бад был любимчиком Джорджа, то Джин — моим. Я редко выходила из комнаты, не взяв его с собой. Сделала повязку из куска ткани и носила его повсюду, как индейцы. К счастью, Бад обожал маленького братика, я не видела никаких признаков ревности. Джордж проводил все свое время с Бадом и почти не обращал внимания на Джина, и это исключало любую возможность соперничества между братьями.

Бад рос настоящим разбойником, хоть я и шлепала его и сообщала о его провинностях отцу. Джордж никогда не наказывал сына и иногда даже смеялся, когда Бад затевал очередную шалость. Этим он лишь еще больше раззадоривал мальчика, который придумывал все новые способы рассмешить отца и успешно воплощал их в жизнь.

Чего он только не вытворял! Надевал мою шляпу на корову, засовывал себе в нос бобовые стручки и притворялся моржом, о котором читал в школьных учебниках. Гонял петуха по двору, пока тот наконец не клюнул его в спину. Пытался оседлать коз и только смеялся, когда те его сбрасывали. Привязывал к ногам собак бумажные пакеты и хохотал над тем, как те переваливались. Единственные животные, которых он никогда не трогал, были кошки и конь Джорджа. Отец слишком любил Пауни, и Бад знал, что измываться над конем — это та черта, которую нельзя переступать; а к кошкам он не приставал, потому что у них были когти.

Глава 26

В 1920 году, когда приняли поправку, разрешавшую женщинам голосовать, президентом был еще Вудроу Уилсон, но намечались выборы. Главными кандидатами были Уорен Дж. Хардинг — от партии республиканцев — и Джеймс Кокс, от демократов. Кандидатом на пост вице-президента в случае победы Кокса был Франклин Делано Рузвельт. Я не очень во всем этом разбиралась, поэтому решила разузнать побольше: впервые в жизни я стала регулярно читать газеты.

Несколько раз я просила Джорджа приносить газету с собой, но он, как правило, забывал. Отправляясь в город, я покупала свежий номер вместе с продуктами. Дома, закончив все дела, я садилась у окна и читала газету от первой до последней страницы, а потом шла к Кларе и делилась впечатлениями от прочитанного.

В день выборов я одела детей и оделась сама в то, в чем обычно мы ходили в церковь. Затем вместе с Джином спустилась на кухню. Джордж стоял у плиты и жарил бекон. Через ширму я увидела на крыльце Бада — он набросил тряпку собаке на спину, пел песенку и обматывал собаке голову нитками, на манер парика. Пес вилял хвостом и лизал мальчишке лицо.

После смерти матери Джордж стал сам готовить себе завтрак по утрам — по его мнению, я все делала не так. Увидев меня в шляпе, он удивленно вскинул брови.

— Что за праздник? Или в церкви собрание?

— Нет, я хочу, чтобы ты приготовил фургон — я еду с тобой в город, буду голосовать.

Джордж перестал шевелить бекон вилкой и покачал головой.

— Ну уж нет, Мод, — сказал он так тихо, что я едва разобрала.

— То есть как это — нет? По новым законам очень даже «да».

— Негоже женщинам голосовать, вы же в этом ничего не смыслите.

Тут я так разозлилась, что, наверное, побагровела. Топнула ногой и уперла руку в бок:

— Зато ты, наверное, много смыслишь?

— Конечно. Я буду голосовать за Кокса.

— Почему?

— Потому что он лучший, вот почему.

— И чем это он лучше? Что такого он может, чего не может Хардинг?

Челюсть у Джорджа отвисла.

— Ну… э-э-э… — забормотал он.

Не дождавшись ответа, я спросила, склонив голову набок:

— А что ты думаешь о Лиге Наций? Оставаться нам в ней или лучше выйти и заниматься своими делами? А как насчет сухого закона или насчет того, чтобы учить детей в школе, будто мы произошли от обезьян?

На это Джорджу ответить было нечего. Он снова повернул бекон и спросил:

— И за кого же ты собираешься голосовать, Мод?

— Не твое дело, Джордж, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Он с минуту смотрел в сковороду с беконом, затем взял ее и поставил на столешницу.

— Что-то есть расхотелось.

С этими словами он вышел и отправился на конюшню. Я налила себе чашку его густого кофе. К тому времени я уже к нему привыкла и теперь могла пить без сахара и не разбавляя. Я села и стала ждать, когда он пригонит фургон. Через несколько минут он проскакал мимо на Пауни.

Я взяла Джина на руки, и мы вместе отправились посмотреть, не ушла ли Клара в магазин: это был как раз один из тех дней, когда она должна была проверять книги и раздавать указания.

Клара ждала меня и широко распахнула передо мной дверь.

— Я так и знала, что ты соберешься в город. Вчера подслушала мужчин перед магазином — они не видели, что я у себя в кабинете. Многие запрещают своим женам голосовать или говорят, за кого они должны отдать свой голос.

Я кивнула.

— Хорошо, что голосование анонимное. Можно проголосовать за кого хочешь, а мужу сказать то, что он желает услышать. Ну, Джордж хотя бы не пытался мне это запретить.

— А если бы попытался?

— Тогда бы я пожаловалась на него в Службу Маршалов за нарушение закона, — с улыбкой ответила я. — И вообще, это его обязанность — следить за тем, чтобы мы голосовали, как и все остальные.

Мы обе покатились со смеху. Потом вместе отправились в амбар, и я помогла Кларе запрячь лошадь в повозку. Клара велела Мэгги собираться, а я взяла Бада и Джина. Впятером мы поехали в город. По пути завезли Мэгги в школу — в день выборов она была закрыта, но все подростки собрались там, а Мэгги хотела побыть вместе с друзьями.

Мы приехали в городскую администрацию. Джордж уже был там — поддерживал порядок, стоя позади очереди из мужчин,

глумившихся над каждой женщиной, которая поднималась по лестнице. Я глянула на него и упрямо выпятила челюсть. Кто-то из мужчин повернулся и крикнул Джорджу:

— Смотри, Джордж, скоро она наденет твои штаны и захочет стать заместителем!

В ответ на колкость тот лишь улыбнулся, но я видела, что она ему не понравилась. Мы прошли мимо мужчин и вошли в здание администрации, расписались в реестре, а затем нам выдали листки бумаги и указали на ширму. Мы с Кларой встали в очередь за тремя мужчинами и одной женщиной. Все это время мужчины о чем-то шушукались и хмуро поглядывали на нас.

Когда пришел мой черед голосовать, я передала Джина Кларе, вошла в кабинку вместе с Бадом и задернула за собой штору. Отметила галочками пункты в бюллетене, свернула его, отнесла и бросила в коробку. Затем приняла у Клары Джина, чтобы она тоже могла проголосовать. Бад понимал, что происходит что-то очень важное, поэтому тихо стоял рядом и в кои-то веки вел себя хорошо. Через несколько минут Клара закончила, и мы вышли из здания. Мужчины в очереди снова принялись сетовать на наглых женщин. Клара взяла меня под локоток.

— Пойдем-ка домой, Мод.

Я покачала головой.

— Нет, я могу пешком. Знаю, у тебя еще дела в магазине.

— Не сегодня. Я утром предупредила ребят, что в День выборов магазин будет закрыт.

Мы сели в двуколку, и Клара натянула поводья. По дороге на окраину мы болтали о том о сем, как вдруг я поняла, что мы сделали, и замолчала. Клара посмотрела на меня и увидела, что по моему лицу бегут слезы.

— Что такое, Мод?

Я покачала головой.

— Да нет, все нормально, Клара. Просто мы только что проголосовали. Впервые в жизни я почувствовала, что мое слово что-то значит, что я имею право на собственное мнение. О таком и мечтать было нельзя!

Сначала я сердилась на Джорджа за то, что он пытался запретить мне голосовать, но позже испытала к нему благодарность. Я узнала, что многих женщин нашего маленького городка удерживали дома силой, а некоторых даже избили. Конечно, Джордж частенько бывал слишком инертным, но за все годы совместной жизни он ни разу не поднял на меня руку.

Глава 27

В 1923 году я получила письмо от сестры Джорджа, Бесси, в котором она писала, что родила чудесную девочку и назвала ее Максин. Бесси была на седьмом небе от счастья: все эти годы она мечтала о ребенке, и вот наконец родила. В тот самый год, когда мне исполнилось 32, я и сама произвела на свет вторую дочку. После сложностей с рождением Джина, мы решили сразу вызвать врача, но ребенок родился так быстро, что мы просто не успели. Среди ночи я разбудила Джорджа, и он побежал за Кларой. Роды прошли легко. Когда малыша искупали и привели в порядок, Клара вложила в мои руки крошечный сверток, и я с облегчением испытала прилив любви — тот самый, что почувствовала, когда родились Джин и Лулу.

Теперь настал черед Джорджа, и он назвал девочку Элизабет Сьюзан, в честь сестры, но мы договорились звать ее не Бесси, а Бетти Сью. У меня в голове были другие имена, но поскольку Джордж не возражал, когда я назвала сына Джином в честь отца, то и я не стала с ним спорить. К тому же я любила Бесси, и мне всегда нравилось имя Элизабет. Я вписала его в Библию: Элизабет Сьюзан Фоли. Уже дописывая, я посадила кляксу и немного всплакнула, прочтя в верхней строчке имя Лулу. Она любила бы мальчиков, но как же она обрадовалась бы сестренке!

Вскоре после рождения Бетти Сью все прихожане церкви принялись делать семейные фотографии. Местный владелец бюро ритуальных услуг побывал в Сент-Луисе и научился обращаться с фотокамерой, он организовал небольшое ателье в одной из комнат своего дома, а одна из прихожанок, талантливая художница, расписала ему стену.

Когда Бетти Сью исполнилось несколько месяцев, мы все отправились в город фотографироваться. Я сидела на стуле с прямой спинкой с Бетти Сью на руках. Джин, прильнув ко мне, стоял справа, с другой стороны стоял Джордж, положив мне правую руку на плечо, а левой крепко держа извивающегося Бада. Когда фотография была готова, я купила двойную рамку с петельками. В одну половину я вставила наш семейный портрет, а во вторую — единственное оставшееся у меня фото Лулу, сделанное, когда ей было одиннадцать. На ней было белое платье и широкая лента в волосах, и веселые кудряшки струились по плечам почти до талии.

Когда Бад подрос, то стал ездить в город на Пауни, позади отца. Бад был точной копией Джорджа — внешне, по походке и манере говорить, и так же, как отец, легко умел рассмешить

людей. Все любили Джорджа, и Бада тоже все полюбили.

В школе он передразнивал учительницу, когда та поворачивалась к нему спиной, но даже она смеялась над его пародией. В церкви он притворялся, что засыпал, и принимался нарочито громко храпеть, пока я не тыкала его локтем под ребра. Священник лишь улыбался ему в дверях, гладил меня по руке и напоминал о том, что терпение — одна из добродетелей. Бад унаследовал обаяние своего отца: он очаровывал всех вокруг.

Глава 28

Жизнь моя протекала довольно приятно. Джордж нечасто тревожил меня по ночам, а готовить и убираться в доме я любила. Теперь, без его матери, в доме стало гораздо уютнее. Сама, без помощи Джорджа, я покрасила и оклеила обоями комнаты на первом этаже.

Когда его матери не стало, я наконец почувствовала себя как дома и иногда даже могла уговорить Джорджа раскошелиться на новую мебель. На все окна я повесила шторы, а также поменяла обои и шторы в старухиной комнате на более подходящие для Бада.

Бад рос долговязым, а Джин — крепеньким и жизнерадостным. Мое общество он предпочитал компании отца и брата, и пока я готовила, любил сидеть за кухонным столом, играть со своими игрушками и болтать.

Бетти Сью с каждым днем хорошела, росла кругленькая, с правильными чертами лица и ямочками на щеках, коленках и локотках. Она тоже обещала пойти в отца — у нее были те же густые черные волосы, которые быстро росли и завивались мягкими волнами. Это была милая девочка, улыбчивая и говорливая с самой колыбельки, а позже полюбила, сидя на покрывальце в углу кухни, петь песенки и играть. У меня были любимые дети, дом, лучшая подруга Клара и церковь. Я была счастлива, и сердце переполнялось от радости.

В марте 1928 года, в возрасте 36 лет, я поняла, что снова жду ребенка. Эта мысль совершенно меня не взбудоражила. Я была довольна тем, как все есть, и не хотела перемен. Долгое время я даже не говорила Джорджу. После Бетти Сью у меня дважды было то, что я сочла выкидышами, и я решила сохранить это в тайне, поделившись лишь с Кларой.

Я видела, что Джордж то и дело поглядывает на мой растущий живот, но когда он наконец спросил меня, я была уже где-то в середине срока.

— Ты снова в положении, Мод?

— Думаю, да, Джордж. По моим подсчетам, должен родиться осенью.

Больше мы об этом не говорили, и я так и не поняла, обрадовался ли Джордж этой новости.

Было начало октября, утро, и я меняла белье в одной из спален. Подняв за уголок матрас, я почувствовала, как по ногам побежала теплая жидкость. Я подмылась и приготовила постель к родам. Когда Клара должна была вернуться из магазина домой, я

послала за ней Бада. Клара пришла всего через несколько минут.

— Ну как, Мод? Вызвать врача?

— Пока не так плохо, Клара, просто регулярные схватки. Давай подождем и посмотрим. Ненавижу тратить деньги на врача, когда он не нужен. Бетти Сью родилась так быстро, что я думаю, и этот не заставит себя ждать.

Но все вышло иначе. Роды всё не кончались, и мне становилось хуже и хуже. Я мучилась всю ночь, а Клара сидела рядом со мной. Джордж спал вместе с Бадом, равнодушный к процессу.

Наутро боль стала нестерпимой, и я решила, что больше не выдержу. Клара подняла покрывала и проверила, нет ли признаков появления малыша, но их не было. Воды все текли и текли, но ни крови, ни чего бы то ни было не было.

— Сбегай-ка ты за доктором, Клара, — сказала я ей. — Наверное, этого придется вырезать. Кажется, что-то пошло не так.

Клара сбежала на первый этаж и велела Джорджу вызвать врача. Он оседлал Пауни и умчался, а через час вернулся — один.

— Док сказал, приедет, как только сможет. Там на мельнице несчастье, кто-то из парней сильно ушибся. Придется тебе потерпеть, Мод.

И я терпела целый день. Если бы не дети в доме, я бы орала от боли. Я попросила Клару сказать Джорджу, чтобы тот отрезал мне кусок веревки в амбаре, и сжала ее зубами, чтобы не кричать, когда схватки усиливались. Наконец, перед самым рассветом, пришел доктор. Клара зажгла несколько масляных ламп, чтобы ему было светло, и он осмотрел меня.

Через минуту он встал и надул щеки, снял очки и покачал головой.

— Боюсь, роды будут сухими, Мод. Я постараюсь облегчить их, насколько смогу.

Он вручил Кларе маленькую стеклянную бутылочку.

— Когда начнутся схватки, поднеси это к ее носу, ей станет легче.

Роды закончились только спустя несколько часов. Наконец на свет появился кричащий мальчик. Он был нескладный, с черными волосами отца. Когда роды закончились, Клара вложила младенца мне в руки, и я приложила его к груди. Я все смотрела на него и ждала, но чувствовала лишь то же безразличие, как при рождении Бада. Сердце мое едва не разорвалось, и я попросила Господа простить меня и помочь полюбить этого малыша.

Клара убралась в комнате и собрала белье для стирки. Доктор взял свой чемоданчик.

— Что ж, Мод, похоже, у нас получилось. Прости, что не смог

сделать так, чтобы ты не страдала, но в конечном счете мы отлично справились.

Я схватила его за руку.

— А вы можете что-нибудь сделать, чтобы у меня больше их не было?

Он ахнул и отступил, вырвав у меня свою руку.

— Не было детей?

— Именно. Я больше не хочу. У меня и так уже четверо, и за эти годы я потеряла еще нескольких. Разве не хватит?

— Дети — это дар Божий, *сестра* Фоли, и я не собираюсь препятствовать Его воле. Когда будешь молиться сегодня вечером, ты поблагодаришь его за свою семью и попросишь прощения за то, что смела даже подумать о подобном!

С этими словами он нахлобучил шляпу и вылетел из комнаты.

Клара затворила за ним дверь.

— Я слышала о специальных штуках, чтобы больше не иметь детей, Мод, но понятия не имею, где их можно достать.

— Я тоже не знаю, но знаю одно. Я не собираюсь больше рожать. Я буду кормить этого грудью столько, сколько смогу.

— Тогда он не сможет ходить в школу, — хихикнула Клара.

Я покачала головой и посмотрела на некрасивого ребенка. Он был таким красным, почти фиолетовым. Глаза заплыли, но крошечное лицо было сердитым.

— На студента колледжа он все равно не тянет, — заметила я, и обе мы принялись хохотать до слез.

Когда ребенок наелся и заснул, Клара созвала остальных членов семьи на него посмотреть. Бад смущенно стоял в углу, а Джин ткнул в малыша пальцем и принялся с ним сюсюкать. У Бетти Сью был такой вид, как будто бы ей купили новую куклу и разрешили поиграть с ней и подержать ее на руках. Джордж взял его на руки и покачал.

— Мы назовем его Полом, в честь моего брата.

— Не знала, что у тебя есть брат.

— Он давно умер. Лучше не будем о нем.

Я отвернулась к стене.

— Называй как хочешь, Джордж. По мне, и Пол Фоли сойдет.

На другой день я достала Библию из ящика для ежедневного чтения и вписала имя Пола под Бетти Сью.

У меня был хороший дом, муж, который не издевался надо мной, и четверо здоровых детей. Любая женщина была бы счастлива на моем месте, но я редко засыпала, не подумав о Джеймсе и о том, что мы значили друг для друга. Мне не хватало нежных касаний Джорджа, чтобы он держал меня за руку или

целовал меня в затылок, как Джеймс, каждый божий день, пока мы были вместе, — он никогда так не делал.

Я из гордости никогда не говорила Джорджу о своих желаниях. И поскольку гордыня — это грех, то грехом было и мое молчание, а тоска по несбыточному — наказанием.

Глава 29

Не считая отсутствия нежности в моем браке, я была более или менее довольна. Жизнь моя вернулась в привычное русло: по воскресеньям я ходила в церковь, дважды в неделю стирала, убирала и готовила. Молилась и благодарила Господа за свою семью и все хорошее, что было в моей жизни, и просила всегда за других, не за себя, — так меня учили.

Бад совсем отбился от рук — он был еще только подростком, а уже пил. Отец постоянно вытаскивал его из передряг. Джин был моим любимым сыночком, всегда слушался и всегда готов был помочь. Бетти Сью с каждым днем становилась все красивее. Она была вылитая тетя Бесси, и я мечтала о том, чтобы вместе с ней отправиться в гости к Хелен и Фейт, но Джордж всегда находил причины отложить поездку. Бетти Сью, казалось, росла быстрее остальных, и я с грустью думала, что скоро она пойдет в школу.

Однажды утром 1929 года Джордж и Бад, позавтракав, ушли на конюшню, чтобы запрячь Пауни и ехать в город. Джину нравилось ходить в школу пешком, вместе с друзьями, и он уже ушел. Бад был уже довольно взрослым, чтобы сидеть на лошади позади отца, да и ему тоже пора было поторапливаться в школу, но он никогда не беспокоился о такой мелочи, как опоздание на урок. Я в тот момент замешивала тесто для хлеба, как вдруг услышала страшный крик, доносившийся со стороны конюшни. Испугавшись, что Бад что-то себе повредил, я выбежала на улицу. Сын стоял, прислонившись спиной к распахнутой двери конюшни, глаза расширены, на лице — паника. Джордж, рыдая и причитая, сидел на полу, держа на руках голову Пауни: конь издох накануне ночью.

Я застыла, не зная, что и делать. Затем взяла Бада за руку и увела его за собой, закрыв дверь и оставив Джорджа наедине с его горем. Я отвела Бада к Кларе, и она согласилась подвезти его в школу вместе с Мэгги, а потом предупредить заместителя Джорджа, что его в тот день не будет.

Я вернулась на кухню. Пол и Бэтти Сью сидели там, где я их оставила. Я переделала все свои дела и испекла хлеб, время от времени поглядывая в окно. Уже миновал полдень, когда я увидела, как Джордж выходит из конюшни и идет мимо дома, в город. В тот же вечер приехал большой фургон, в нем было несколько мужчин. Один из них постучал в дверь.

Когда я открыла, он встал передо мной, сжимая в руках шляпу.

— Добрый вечер, миссис Фоли. Джордж прислал нас за

Пауни.

— Как Джордж? — спросила я.

Тот покачал головой.

— Плохо, миссис Фоли. Вы ведь знаете, как он любил беднягу.

— Знаю. Делайте, что должны, и… спасибо.

Он кивнул, повернулся и надел шляпу. Они подвели фургон к конюшне. Я не выглядывала из окна до тех пор, пока не услышала скрип отъезжающих колес.

Бад вернулся домой пешком вместе с Джином и Мэгги, а Джорджа не было и следа. Я засиделась позже обычного, ожидая его, но в конце концов оставила лампу на окне рядом с дверью и пошла спать. Проснувшись наутро, я увидела, что лампа догорела, но Джордж так и не пришел. Я оделась и одела детей. Позавтракав, вывела наш маленький фургон и посадила Пола на заднее сиденье, а перед ним — Бетти Сью. Бад и Джин шли рядом со мной, и мы вместе отправились в город. Я оставила Бада и Джина в школе, а сама поехала в тюрьму.

За столом сидел заместитель Джорджа, Грэм. Увидев меня, он вскочил на ноги.

— Доброе утро, Мод! Ты к Джорджу пришла? Я хотел разбудить его, когда пришел, но потом решил, что лучше не стоит.

— Где он?

Дуг указал большим пальцем в сторону задней комнаты.

— Спит в камере. Скоро с ним все будет нормально. Просто ему нелегко пришлось. Ну, ты знаешь.

— Да, знаю.

Я открыла дверь в заднюю часть здания. Джордж лежал на скамейке в камере. Дверь была открыта, и он крепко спал. В камере висел тяжелый дух виски и табака.

— Пусть спит. Спасибо тебе, Дуг. Передавай от меня привет Саре.

— Обязательно, Мод. Джордж придет в себя, просто дай ему время.

Я кивнула и вышла. Сначала хотела заехать в магазин, но потом передумала. Я вела фургон, рядом со мной сидели Бетти Сью и Пол, и к тому времени, как мы приехали домой, им уже было пора спать. Я уложила их и принялась делать свои обычные послеобеденные дела. В тот вечер Джордж опять не пришел домой, но я не пошла за ним утром, решив, что он вернется, когда сочтет нужным.

После четырех ночей в одиночестве, однажды утром, готовя завтрак, я услышала скрип входной двери. Выйдя в прихожую, я

увидела Джорджа со шляпой в руке и сонным выражением лица.

— Как ты, Джордж?

Он покраснел.

— Кажется, нормально. Мне нужно помыться и переодеться.

Это я чувствовала даже на расстоянии.

— Горячая вода на плите.

Я вернулась к своим делам. Вымывшись и переодевшись, он пришел на кухню.

— Прости, что ушел вот так, Мод. Не хотел тебя беспокоить.

Не могу сказать, что я сильно за него беспокоилась. Я понимала его боль и знала, что люди в городе о нем позаботятся.

— Ничего, Джордж. Я знаю, как ты любил Пауни.

Он сел за стол и повесил голову.

— Я думал, он еще долго проживет.

— В городе ведь много таких лошадей. Может, можно будет купить такого же.

— Это будет уже не то, — покачал головой Джордж.

— Ну, что-то надо делать.

— Знаю. Я подумаю.

Я больше ничего не сказала.

Джордж несколько недель каждую ночь уходил на конюшню. Иногда, когда он возвращался домой, и по его красному лицу и опухшим глазам я понимала, что он плакал. Он так не горевал, даже когда умерла мать.

Следующие несколько дней Джордж выходил из дома пораньше и шел на работу пешком. Бад, по старой привычке, после школы оставался у отца на работе. Придя домой, Джордж шел на конюшню и чем-нибудь там занимался. Иногда Бад шел вместе с ним, но он не привык видеть отца таким молчаливым, поэтому быстро возвращался.

Спустя несколько недель, сидя у окна в своей спальне за шитьем, я увидела, как к дому подъехала машина и остановилась за углом. За последние годы в городе становилось все больше автомобилей и грузовиков, но все равно они были редкостью, так что я удивилась. Отложив шитье, я сбежала вниз по лестнице. Двери конюшни были открыты, там стоял «Форд-Т», из которого как раз выходил Джордж, и я потрясенно уставилась на него.

Я всегда думала, что автомобиль — роскошь для богачей. Джордж убрал перекладину, ограждавшую стойло, и поставил машину туда, где раньше жил Пауни.

Увидев меня в дверях, он пожал плечами.

— Что-то ведь нужно было взять.

— Где мы возьмем деньги, Джордж? — спросила я, наконец обретя дар речи.

— Я купил ее у дока Хеннингса — он их все равно меняет раз в пару лет, вот и уступил мне ее по хорошей цене, всего 200 долларов.

— И где же мы достанем 200 долларов?

— Я взял в банке.

Я уставилась на него. Он всегда был прижимистым, ворчал, когда я тратила деньги на мебель или когда покупала, по его мнению, слишком дорогую ткань, но мне казалось, что у него нет денег, поэтому он считает каждый пенни.

— И сколько мы теперь должны банку?

— Не больше, чем было у меня на счету. — На лице его появилось такое выражение, будто он только что удачно пошутил и ждал, когда я засмеюсь. — Я накопил намного больше, всегда стараюсь откладывать на черный день, мало ли что.

— Я всё хотела спросить. У вас такой большой дом — откуда твой отец взял деньги на него?

— У него их и не было. Деньги оставил матери ее отец по какому-то уговору с племенем. Когда они ругались, она напоминала о том, что это он живет в ее доме, а не наоборот.

Я хотела было его упрекнуть, но решила оставить в покое. Мысль о том, что у него было отложено на черный день, успокаивала: я знала цену деньгам.

— Ужин будет где-то через полчаса. Ты сегодня рано.

— Ничего. — Джордж махнул в сторону машины. — Я тут пока поработаю.

Я вернулась на кухню и продолжила готовить. Помешивая жаркое, я вдруг поняла, что, прожив с этим человеком столько лет и родив ему четверых детей, я многого о нем не знала.

Мне было неприятно, что Джордж скрывал, сколько у него денег — получалось, что они только его, а не общие. Тогда я решила как-нибудь раздобыть свои собственные. Вопрос был в том, как это сделать. Глаза у меня были уже не те, и я давно не шила для друзей — лишь для некоторых да для своей семьи.

Обычно я закупала продукты в магазине, а Джордж в конце месяца оплачивал счет, поэтому с деньгами я дела не имела. Это было глупо. Я была взрослой женщиной, а своих денег у меня не было, если не считать небольшой суммы в ящике комода, что я привезла с собой из Теннесси.

Я обсудила это с Кларой, и у нее тут же нашлось решение.

— Сестра Томпсон после смерти мужа перестала разводить кур. Должно быть, она покупает яйца в магазине. Может быть, если ты попросишь, она станет покупать их у тебя. У вас ведь их больше, чем нужно. Если ты все ей объяснишь, то она и Джорджу ничего не скажет.

— Мне все равно, даже если он узнает. Он ведь был не против того, чтобы я зарабатывала шитьем. Может быть, ему даже нравится, если у меня будут свои деньги.

На следующий день я поговорила с вдовой Томпсон, и дело было сделано. Она припомнила, кому еще мог понадобится такой товар. Заработок был небольшой, всего десяток яиц в неделю, но эти несколько центов были моими. Вся моя выручка от шитья уходила на ремонт дома и красивую ткань на платья для меня и Бетти Сью. А деньги от продажи яиц — совсем другое дело. Каждую неделю я ссыпала монеты в картонную коробочку и убирала под коробку с обувью, в нижнем ящике комода. Всякий раз, добавляя монетки, я испытывала прилив удовлетворения. Дело было не столько в сумме, сколько в самом факте, что деньги у меня были, а Джордж о них не знал.

Глава 30

Когда я приехала в этот дом, там жили три собаки — все кобели. Все эти годы, когда умирал один из них, Джордж горевал какое-то время, но два других пса служили ему утешением. Вскоре кто-нибудь дарил ему нового щенка, взамен умершего. Я любила собак и иногда чесала их за ушком, но они принадлежали Джорджу — точно так же, как и Бад был его сыном.

После смерти Пауни Джордж больше не приносил в дом щенков. Должно быть, потеря коня так на него повлияла, что ему не хотелось вновь испытать подобное.

Кошек мы держали из необходимости — они охотились на грызунов в доме и амбаре. По большей части кошки были полудикими. С годами я привязывалась к какой-нибудь из них. Кормить их не нужно было — они ловили мышей и змей. По правде говоря, кошки тоже были собственностью Джорджа.

У меня были дети, и все равно я чувствовала себя одиноко. Клара большую часть времени проводила в магазине, не считая понедельника, когда у нее был выходной, и в этот день мы обе стирали, а после обеда работали вместе и беседовали. В остальном целыми днями я была одна с двумя маленькими детьми. Дел у меня хватало, но недоставало общества другого взрослого: от Джорджа толку было мало. Днем мы были словно два чужих человека, оказавшихся под одной крышей. Лишь по ночам у нас была пятиминутка супружеского долга, которая для меня ничего не значила.

Разговаривали мы только о делах. С ним нельзя было обсудить то, о чем мы обычно говорили с Кларой, или то, о чем я читала в газетах, мои мечты и «женские штучки».

В 1928 году я проголосовала за Герберта Хувера. Я читала о его достижениях в области инженерии и о том, сколько хорошего он сделал, работая в правительстве после войны. Отчасти я голосовала за него и потому, что восхищалась тем, с каким достоинством держится его жена. Но в конце концов сам он обернулся для меня разочарованием.

В 1929 году, в конце апреля, я, как всегда, засадила свой садик. Клумбы остались на том же самом месте, где я разбила их в свой первый год в Миссури. После смерти матери Джорджа я сажала овощи на ее участке. В ту весну и лето дождей почти не было, а тех, что были, не хватало для орошения сада и огорода. Несколько недель я таскала воду для овощей из колодца, чтобы не дать молодым растеньицам умереть.

У кого-то колодцы и вовсе пересохли, и им приходилось

ходить по воду к ближайшему ручью. Я благодарила Господа, что нам повезло больше. Клумбы мои, к великому сожалению, засохли, но овощи я поливала регулярно.

Нужно было что-то есть, ведь засушливое лето продолжалось и цены на продукты, привозимые из города, все росли и росли. Питались мы в основном курицей — для свежей свинины был не сезон. Единственное, что пока осталось у нас в коптильне — немного ветчины и куски любимого бекона Джорджа. Я гадала про себя, хватит ли их до октября, когда придет пора забивать свиней.

Джордж покупал мясо свежезабитых и освежеванных животных, приносил домой и сам коптил. Ничего сверхъестественного он не делал, но этот процесс ему нравился, и делал он его на совесть. Обычно он приносил домой несколько уже разрезанных пополам туш и подвешивал на заднем дворе, а затем делил на удобные порции.

При разделывании он расставлял кружком несколько лоханей и бросал одни части туши в одну лохань, другие — в другую. Закончив, он брал куски покрупнее, заворачивал в муслин, нес в коптильню и подвешивал на крюки под потолком. В центре коптильни разводил огонь, а остальное предоставлял делать дыму.

Затем, уже на улице, Джордж счищал с костей оставшееся мясо, измельчал в машинке, прикрепленной к перилам крыльца, и вручную проворачивал. В фарш добавлялся шалфей, а затем его раскладывали по вымытой оболочке из кишок — так получалась колбаса. В этом смысле Джордж был очень привередлив: все должно быть так, как он любит. Но его колбаса и ветчина получались гораздо дешевле, чем покупать уже готовые продукты. Со временем я почти научилась ценить его бережливость.

Дождей не было до самой осени. Обычно я меняла воду в лохани после каждой стирки, но теперь стала стирать по нескольку раз в одной и той же воде — сначала белое и одежду светлых тонов, потом темное. Это не совсем соответствовало моим представлениям о чистоте, но я старалась, как могла, экономить воду.

Всякий раз у колодца я прислушивалась к звуку ударяющегося о воду ведра и замечала, что оно опускалось глубже, чем раньше. Я сказала об этом Джорджу: он всегда гордился тем, какая вкусная и чистая у него была вода. Теперь же нам обоим стало по-настоящему страшно: что, если колодец пересохнет? Джордж начал ездить с маленьким фургончиком, груженным ведрами, к ручью и обратно, набирая воды для животных, сада и стирки.

Каждое воскресенье священник призывал прихожан помолиться о дожде, но его все не было. Я и сама стала упоминать об этом в своих ежедневных молитвах: всю жизнь я молилась каждое утро перед началом дня и каждый вечер перед отходом ко сну. Конечно, иногда случалось и возносить экстренные молитвы, как я их называла. Меня учили не просить за себя, поэтому я молила о дожде для всего города, и никогда не упоминала свое имение, но все же думала о нем, благодаря Его и обращаясь к Нему с просьбами. Я даже испытывала чувство вины оттого, что не могла перестать думать о нем. Когда прошло уже несколько недель, а дождя так и не было, мне казалось, что каким-то образом я сама в этом виновата.

Урожай в тот год был скудным. Джордж сказал: это все потому, что мы поливали его водой из ручья, а это совсем не то, что дождевая вода. Я законсервировала помидоры, морковь, бобы, плоды гибискуса и кукурузу, а на полках в кладовой оставалось еще много места.

Персики, груши и сливы были мелкими и сморщенными, но я постаралась выжать из них все, что могла. Я знала: в январе они все равно буду казаться нам невероятно вкусными. Сварила варенья из уцелевшей голубики и земляники. Едва только ягоды созревали, я накрывала кустики сеткой, чтобы не дать птицам их склевать. Кажется, даже им в этот год пришлось голоднее, чем раньше, ведь их обычный рацион из диких фруктов высох к середине лета. Однажды я увидела, как птица клевала сетку над клубникой, пока не проклевала в ней дырку. Потом она подцепила один из кустиков и вырвала его из земли, поднялась и улетела, неся в клюве целый кустик клубники.

Год 1930-й тоже выдался засушливым. Вознося молитвы, я благодарила Господа за то, что в колодце еще хватало воды. Сад уцелел, хотя, как и год назад, мне пришлось нелегко; и урожая в этот год было еще меньше.

В 1931 и 1932 годах дожди шли еще реже. Из газет я узнала, что по всему штату высыхают колодцы, и была благодарна за то, что наш пока сохранился. Теперь мне приходилось особенно экономить воду: мы реже стали менять одежду, мыться, а водой из-под стирки и мытья я поливала сад.

Фермеры, приезжавшие в город, были в отчаянии: уже четыре года кряду их урожай страдал. Многие занимали деньги в банке, чтобы хоть как-то продержаться, а теперь банки собирались лишить их собственности за долги. Мне это казалось бессмыслицей: если отнять ферму у того, кто на ней работает, и ни у кого больше не будет денег на то, чтобы выкупить землю у банка, то какой в этом прок банку?

Дождя не было, а была лишь пыль. Огромные ее тучи разметал ветер, и иногда не было видно даже соседнего участка через дорогу. Окна в доме почти всегда были плотно закрыты, и все равно пыль лежала повсюду.

Дом наш стоял на отшибе Кеннета, и семьи, с которыми я познакомилась в церкви, заезжали к нам, чтобы попрощаться. Кто ехал на запад, в Калифорнию, где земля еще давала хороший урожай; кто — на север, в Чикаго или Детройт, или другие города, в надежде устроиться работать на фабрику.

В 1934 году мы получили письмо от Бесси и Джона.

> Дорогие Джордж и Мод!
>
> У нас тут совсем плохо. Почти все уехали из города в поисках лучшей доли. Не знаю, писала ли вам Хелен, но даже универмаг закрылся, потому что люди уже не могут платить по счетам, а Томми и Хелен не смогли закупать товар на продажу. Двери в магазине были открыты, пока все не разобрали, а потом они просто закрыли его и ушли домой. Хелен говорит, что они скопили деньжат и пока могут продержаться, но нам много накопить не удалось.
>
> Я только хотела сообщить, что мы переезжаем в Детройт. У Джона там брат, который обещал устроить его на завод «Бьюик», и мы можем пожить у них, пока не купим собственный дом. Я еще не знаю, какой у нас будет адрес, но сообщу, как только смогу.
>
> Берегите себя и пишите. Мы вас любим. Поцелуйте за меня детей. Жаль, что мы так с ними и не познакомились — всё собирались приехать. Если дела у вас не пойдут на лад, знайте, что вам всегда будут рады там, где мы найдем крышу над головой.
>
> С любовью,
>
> *Бесси, Джон и Максин.*

Новость о том, что Бесси с семьей переезжают в Детройт, ужасно меня расстроила. Хоть мы и не виделись много лет, мысль о том, что наши родственники живут всего в нескольких днях пути, успокаивала. Теперь же Бесси уезжала так далеко, что в голове не укладывалось.

И еще я переживала за Хелен, Томми и Фэйт. А если деньги у них закончатся раньше, чем ситуация улучшится? Я сердилась на Хелен за то, что она даже не написала мне о своих трудностях, но в то же время понимала, что мы обе не особенно любили писать, а Хелен к тому же не хотела тревожить меня плохими новостями.

Внезапно я подумала о Кларе. Она тоже редко рассказывала о своих проблемах. Я знала, что дела в магазине идут неважно, но Кларе как-то удавалось держаться на плаву всего с одним работником, который помогал таскать тяжелые товары. Долго ли она еще протянет?

Газет я больше не покупала, но когда бывала в городе, подолгу останавливалась у киоска и читала передовицы. Журналисты называли этот период Великой депрессией, и по их словам, в городах дела шли не лучше, чем в сельской местности. Я думала о Бесси и Джоне и надеялась, что они не бросятся из огня да в полымя, переехав в Детройт.

Через несколько дней Джордж пришел домой чем-то расстроенный. Я все ждала, что он расскажет, но, когда до самого ужина он не проронил ни слова, сама спросила его:

— Что стряслось, Джордж? Ты, как пришел домой, чернее тучи.

Джордж покачал головой.

— Мэр велел мне дать отставку Дугу Грэму. В городе спокойно, преступности нет, а городской совет не может теперь платить жалованье двоим. Ума не приложу, как ему об этом сказать. У них трое детей, которых надо кормить — а куда ему идти?

— Какой кошмар, Джордж! Бедная Сара, когда же это все кончится! Но засуха должна скоро миновать. Если они еще немного потерпят, может быть, на будущий год дела пойдут на лад. Я буду за них молиться.

Джордж посмотрел на меня.

— Это верно. Если ситуация не улучшится, смотри, как бы тебе не пришлось молиться и за нас.

— А если вдруг и тебя уволят, наших денег в банке хватит хоть ненадолго?

— Это смотря сколько еще продлится весь этот кошмар, Мод, — вздохнул Джордж.

На следующих выборах шерифа, в 1936 году, впервые за долгие годы у Джорджа появился конкурент: против него выдвинул свою кандидатуру Дуг Грэм. Он пришел в тюрьму и извинился перед Джорджем, но объяснил, что семья для него важнее, а теперь они остались без средств к существованию. Когда его уволили, он взял кредит под залог дома, а теперь деньги почти кончились, и надо было платить по счетам. Оставалась лишь поденная работа, да и той было немного. Нужно было что-то делать, а до сих пор он только и работал заместителем, и другой работы не знал.

Джордж не боялся проиграть: все в городе его любили. Он

был уверен, что победит и на сей раз. Но когда объявили результаты выборов, оказалось, что Джордж проиграл. Он рассказал об этом мне:

— Дела идут так плохо, что люди хотят перемен и ждут, что кто-нибудь другой придет и все исправит. Даже мэр и другие члены совета проиграли.

Внезапно меня охватил такой страх, как никогда прежде.

— Сколько денег у нас на счету, Джордж.

— Есть немножко.

Этот ответ меня не устроил.

— И их хватит?

— Ненадолго.

Мне захотелось свернуть ему шею, но я сдержалась. В конце концов, его обязанностью было нас обеспечивать, и до сих пор ему это удавалось.

Должно быть, накопил он приличную сумму, потому что даже после его отставки и при том, что лишь иногда ему удавалось найти поденную работу, денег хватило на целый год. Дождя все не было и постоянной работы — тоже. Джорджа по-прежнему все любили, но знали и о том, что он больше любит бить баклуши, чем работать.

— Сегодня ничего нет, Джордж, — говорили они частенько, улыбаясь и похлопывая его по спине.

Джордж взял ссуду под залог дома. Денег дали не так много, как он рассчитывал, но и у банка дела шли неважно. Он планировал расплатиться по кредиту, оплатить наши нужды и продержаться до тех пор, пока ситуация не улучшится.

Я старалась экономить на всем. Мы подолгу носили одну и ту же одежду: Джин донашивал за Бадом, Пол — за Джином, а из своих старых платьев, одежды Лулу и мешков из-под муки я шила вещи для Бетти Сью.

С обувью было сложнее. Летом дети могли ходить босиком, но на зиму нужны были ботинки. У церкви поставили ящик, куда люди приносили обувь, из которой выросли их дети. Если повезет, можно было найти подходящую пару. Почти все были с дырявой подошвой, но я наловчилась пришивать кожаные заплатки. С помощью пассатижей я прошивала подошву большой обивочной иглой.

Чтобы экономить масло, мы зажигали лампы, только когда был нужен свет. Я всегда гордилась своим умением готовить и изобилием своего стола, мои дети и теперь накладывали себе столько, сколько могли съесть. Я благодарила Господа, что они никогда не голодали, потому что знала: многим в городе пришлось еще туже.

Однажды осенним утром мы с Кларой, как всегда, развешивали белье. Она была как-то странно молчалива, и я не тормошила ее до тех пор, пока мы не закончили. Затем я налила холодного чаю, и мы сели в кресла-качалки на крыльце. Но Клара продолжала молчать, и наконец я спросила:

— Ну?

— Я выхожу замуж, Мод.

Я не поверила своим ушам и так и застыла с открытым ртом. Клара никогда не говорила даже о том, что ей кто-то нравится.

— Я заняла немного денег под залог магазина, чтобы не закрывать его, — продолжала Клара, спустя мгновение, — а когда они кончились, заложила и дом. Теперь я и его не могу оплатить. Скоро я потеряю и то, и другое, — расплакалась она. — Сама себя загнала в ловушку, надо было закрывать магазин раньше. Я пыталась его продать, но покупателя так и не нашлось. Все в городе в той же ситуации.

Наконец ко мне вернулся дар речи:

— И за кого же ты выходишь, Клара?

— Брат Хамфрис давно уже заходит ко мне в магазин. Он много раз звал меня замуж, но я делала вид, что мне это неинтересно. Теперь же мне больше ничего не остается. Работы в городе нет. Как жить без денег? Семьи у меня тоже нет, рассчитывать не на кого. Мэгги поедет в Сент-Луис, к сестре отца, будет там учиться на машинистку.

Я подскочила и топнула ногой.

— Ты не можешь так поступить, Клара! Я тебе не позволю! Брат Хамфрис хороший человек, но ведь он на 30 лет старше тебя и страшный, как лось. Ты заслуживаешь настоящей любви. Такой, как он, у тебя уже был.

— Я ценю твое участие, Мод, правда, но что мне остается? Дела у него идут лучше, чем у большинства в городе, он может оплачивать обучение Мэгги. У ее тети есть лишняя комната, но она не в том положении, чтобы ее содержать.

Когда настала пора Мэгги уезжать, я помогла им с Кларой собрать чемоданы, и мы вместе отправились на станцию, чтобы проводить девочку в Сент-Луис. Начинался учебный год, и Мэгги не могла остаться на свадьбу матери: к началу семестра она должна была быть в Сент-Луисе. Мне показалось, Мэгги была даже рада, что пропустит церемонию.

Рыдая, смотрели мы, как поезд отъезжает все дальше и дальше, превращаясь в крохотную точку. Как бы мне хотелось, чтобы Лулу отправилась на нем вместе со своей подружкой.

Через неделю, после воскресной службы, Клара и брат Хамфрис поженились. После церемонии был пунш и торт, но,

кроме жениха, казалось, никто не праздновал. Все сочувственно смотрели на Клару.

Глава 31

Баду перестали сходить с рук его шалости после отставки отца. Когда он с приятелем, напившись, врезался на машине в магазин, судья настоял на том, чтобы они оба пошли служить в армию. Я была рада, что все так легко обошлось, но понимала, что отчасти тому причиной была популярность Джорджа, а отчасти — нехватка средств на содержание их в тюрьме.

Так в 1937 году Бад ушел в армию. Грустно признать, но я испытала облегчение оттого, что эта ноша свалилась с моих плеч. Толку от него было не больше, чем от отца, а беспокойств он причинял немало. Мне было стыдно, что мой ребенок постоянно попадает в передряги и не ходит в церковь. Мы отвезли Бада на автобусную остановку и помахали на прощание рукой.

Весь вечер Джордж просидел в амбаре. Когда он пришел к ужину, глаза у него были красными и опухшими. Я ничего не сказала: знала, что он души не чаял в Баде.

В ту весну Джину исполнилось семнадцать, и он рос не по дням, а по часам — его рост перевалил за шесть футов[8]. Некогда пухлый мальчик, теперь он вытянулся, и я боялась, что на его косточках недостаточно плоти. Я заставляла его поесть и носилась с ним, как ни с одним другим ребенком. Наверно, за версту было видно, что Джин — мой любимчик. В церкви мы сидели рядом, и даже на людях я то и дело ерошила ему волосы, трепала по щеке и поправляла воротничок рубашки. С годами он стал этого стесняться, но не жаловался на такое повышенное внимание. Джин любил меня не меньше, чем я его, таскал для меня воду из колодца, доил корову, кормил цыплят и делал все, чтобы облегчить мне работу. Внешне он был точь-в-точь как мой отец, в честь которого его назвали — те же каштановые волосы и темные глаза.

Он уже окончил школу и подыскивал работу, но в городке работы для молодежи не было, а амбиций у него было больше, чем у отца или брата.

В 1933 году учредили Гражданский корпус охраны окружающей среды, куда могли пойти безработные молодые люди, чьи семьи переживали не лучшие времена. Президент Рузвельт только что снизил возрастной порог, и Джин отправился туда, полагая, что это будет большое приключение, мечтая ремонтировать дороги, строить мосты и сажать леса в других штатах Америки.

Я отпускала его скрепя сердце, но понимала, что это была для него единственная возможность. Перед отъездом я перебрала его

одежду, проверив, чтобы все пуговицы были на месте, а швы — целыми; собрала ему в дорогу большую коробку с едой.

Мы отвезли его на автобусную остановку и вместе дождались автобуса. На прощание я обняла его, не проронив ни слезинки, и с улыбкой махала рукой, пока автобус не скрылся из виду. Бетти Сью и Пол плакали, вцепившись в меня. Джордж стоял позади, и на лице его не отражалось ни единой эмоции.

По дороге домой я молчала, и когда мы приехали, поднялась к себе в спальню и плотно затворила дверь. Джордж потом сказал, что долго слышал мои рыдания. Он оставил меня наедине с моим горем, дал Бетти Сью два пенни на конфеты и отправил их с Полом погулять. Сам он сел на крыльцо и стал разговаривать с собаками — это помогало ему справиться с болью от разлуки с мальчиками.

Меня утешало только то, что я знала: у Джина будет крыша над головой и хорошая еда, к тому же ему будут платить один доллар в день.

В рамках Нового курса Рузвельта с 1933 по 1943 год в Гражданский корпус было зачислено больше двух миллионов молодых людей, которые сажали леса, строили дамбы и обеспечивали охрану природных ресурсов Америки. Рузвельт стал моим героем. Больше я никогда не голосовала за республиканцев.

Без Джина дом опустел. Я просила Господа, чтобы послал ему ангела-хранителя, пока он далеко от меня. О Баде я почти не думала, но о Джине сердце мое болело. Утешала только мысль о том, что он трудится на благо страны и себя самого. Я думала о нем каждый день, молилась каждую ночь и тосковала каждую минуту. Казалось, будто бы с собой он унес и часть меня.

Полу было почти десять, и он уже ходил в школу, но получалось у него не очень. Он постоянно отлынивал от учебы, сказываясь больным, а Джордж потакал ему и позволял оставаться дома. Он жаловался отцу, что другие дети его бьют. Как и Бад, он был копией Джорджа, высокий и долговязый, но обаяния отца у него не было. Учителя, по его словам, его не любили, и, наверное, так оно и было. Не думаю, что его вообще хоть кто-то любил: он был грубым и ленивым и совершенно не пытался понравиться другим.

Джордж работал то тут, то там и совершенно не помогал мне по дому, даже когда не был занят. Все свободное время он слонялся по дому и конюшне, насвистывая песенку. Меня это начинало все больше бесить, и я чувствовала, что во мне растет желание дать ему затрещину.

Только Бетти Сью была мне отрадой. Но, обычно милая и отзывчивая девочка, она иногда показывала характер, поражая

меня. Он проявлялся без особой причины. Вот она играет с куклой и вдруг ни с того ни с сего хватает ее и кидает о стену. В те минуты я могла поклясться, что в моей девочке проснулся призрак матери Джорджа. Я подозревала, что моя вспыльчивая дочь сможет ужиться только с этими тряпичными куклами, и молилась Господу, чтобы Он приглядывал за ней.

В начале лета 1938 года деньги кончились…

Глава 32

Однажды Джордж вернулся из города и усадил меня за кухонный стол. По его лицу я поняла, что он готовится сообщить мне плохую новость, и внутренне приготовилась к худшему. Джордж всегда был немногословен, когда дело касалось чего-то серьезного, и я видела, что он подыскивает правильные слова. Наконец, прокашлявшись, он сказал:

— Мод, я сегодня пришел в банк, а он закрыт. Говорят, просто кончились деньги. Когда откроется, неизвестно, если откроется вообще. Но даже и тогда нет никакой гарантии, что наши деньги будут там лежать.

Сердце мое бешено заколотилось. Я уже оставила всякую надежду на то, что Джордж найдет нормальную работу. Даже самые старательные лишались места, а Джорджа никто не хотел нанимать. Все любили его и улыбались, когда он шел мимо, но как работник он был им не нужен.

— И что же нам теперь делать, Джордж?

— Я подумал, что единственным решением будет все продать и уехать к Бесси и Джону в Детройт. Джон пишет, что там много работы.

Я лишь кивнула, но сердце мое наполнилось недобрым предчувствием. Мысль о том, чтобы оставить дом, пугала. Да и сам Детройт пугал, ведь я никогда не видела города больше Карутерсвиля. Я и помыслить не могла о том, чтобы жить в городе со зданиями в 47 этажей, вроде Пенобскот-офиса, о котором я читала. Должно быть, он выше самих облаков!

— А как же дом? Мы что, вот так просто его оставим?

— Я не знаю, что еще делать. Покупателей на него нет. И налоги мне платить нечем. Даже если банк никогда его не потребует, дом заберет правительство. Если мы останемся здесь, то умрем с голоду. Выбора нет, Мод.

Я скрестила руки на груди и выпятила подбородок.

— Я свой дом не брошу!

Джордж вскинул руки и плюхнулся на стул.

— Ладно, Мод, мы никуда не едем. А на что мы будем жить?

— Я займусь шитьем и стиркой, как делала, когда умер Джеймс. Пока ты не приехал, я отлично справлялась одна почти десять лет.

— Мод, во-первых, ты была не одна. Ты жила в доме миссис Коннор и не платила ренту. Ты ела в ее доме чаще, чем у себя, и у тебя была одна Лулу. Кроме того, в этом городе, да будет тебе известно, никто не может себе позволить оплачивать твои услуги.

Ты разве не слышала, что я сказал? Банк закрылся, мы потеряли несколько сотен долларов. Кто-то потерял тысячи — эти деньги они копили всю жизнь!

Глаза мои наполнились слезами. Он был прав — никто теперь не станет поручать мне работу, с которой можно справиться самим.

Я подумала о долгой дороге до Детройта.

— А где мы возьмем деньги на дорогу? Продадим машину и поедем на поезде? Или отправимся туда на машине.

— На машине — она нам еще понадобится.

— Сколько у нас есть, Джордж?

— Где-то долларов двадцать, но я могу достать еще.

— Как?

— Продам столько, сколько смогу. Денег ни у кого нет, так что много не выручишь, но на масло, горючее и еду в дорогу хватит. Если получится выручить больше, может быть, хватит на мотель — все лучше, чем спать в машине. С собой возьмем только самое необходимое — одежду, может быть, что-нибудь из хозяйственных принадлежностей, что поместится в машину, чтобы и детям было куда сесть.

— И когда ты планируешь ехать, Джордж?

— Думаю, в следующую среду. Можно устроить распродажу в понедельник и вторник, а на следующее утро выехать. Что не продадим, просто оставим.

Я написала Джину и Баду и дала им адрес Бесси, чтобы они знали, как с нами связаться. Потом рассказала о наших планах и сестре Хелен. Пообещала, что по дороге мы заедем к ней. Джордж написал Бесси, когда мы собираемся уезжать из Кеннетта.

Утром в воскресенье я рассказала о наших планах священнику. В конце службы он позвал нас с детьми к себе, и все прихожане подошли и пожали мне руку в знак братства. В последние годы эта церемония проводилась все чаще, и ряды прихожан заметно поредели. После церемонии Клара сжала обе мои ладони в своих, и мы сквозь слезы пообещали друг другу когда-нибудь увидеться вновь. Джордж уже отъехал от церкви, а я, извернувшись на сиденье, все смотрела и смотрела на Клару, пока она не исчезла из виду.

По всему городу Джордж развесил плакаты с объявлением о нашей двухдневной распродаже. В первый день мы продали большую часть мебели и хозяйственной утвари, оставив лишь матрасы, кухонную плиту и стол со стульями. Джордж продал и их, но с условием, что забрать их можно только утром перед нашим отъездом.

Я вытащила из комода всю одежду и разложила по

картонным коробкам, аккуратно подписав, чтобы найти то, что нужно, когда мы доберемся до места. Веранда и гостиная опустели.

Четырнадцатилетняя Бетти Сью вцепилась в мою руку и плакала все время, пока выносили вещи из ее спальни. Она не могла поверить в происходящее. Я пыталась ее утешить, говоря, что когда мы въедем в новый дом, то в нем будет новая мебель. Полу было почти десять. Он наблюдал за всем этим с отрешенным видом. Я не раз слышала, как люди говорили:

— С этим парнем что-то не так.

На второй день пришли покупатели за тем, что было на конюшне. Один из них дал Джорджу десять долларов за фургон, на котором мы с Лулу приехали из Теннесси в Миссури. Инструменты и вовсе разошлись по пять-десять центов. Цыплят Джордж рассадил по ящикам, которые соорудил из дерева и проволоки, разобрав ограду, и продавал по полдесятка. С покупателями он, как всегда, был весел и шутил, а я смотрела на него из окна второго этажа и ненавидела за то, что он может шутить, как будто наша жизнь не летит ко всем чертям.

К вечеру все разошлись, кроме одного покупателя. Джордж проводил его до дверей и помахал на прощание. Человек унес седло и хомут Пауни, вместе со стременами, прикрепленными к луке седла. Джордж поддерживал их в чистоте и постоянно смазывал, поэтому кожа блестела на солнце.

Джордж смотрел, как он шел по дорожке, как бросил седло в кузов грузовика; тут он повернулся к дому спиной, привалился к двери конюшни, и плечи его затряслись. Мне стало жаль его, и внезапно я поняла, что не думала о его горе — только о своем. А ведь он оставлял дом своего деда и матери, и всё и всех, кого знал.

К ужину он не пришел, и лишь когда я уже засыпала, вошел в спальню и тихонько лег в постель.

— Сколько у нас теперь денег, Джордж? — спросила я.

— Думаю, хватит.

— Сколько?

Он повернулся ко мне спиной и вздохнул.

— Почти двести долларов. Дороже всего продал седло. — При этих словах голос его дрогнул, и больше я ни о чем не спрашивала. Я надеялась, что нам удастся заснуть — завтра предстоял тяжелый день.

Когда я уже почти заснула, он вдруг сказал:

— Ничего-то у меня не вышло. Шериф — лучшая работа в городе, все меня уважали, а я ее потерял. В этом доме три поколения жила моя семья, а я и его не смог удержать. Все хотел

взять лошадь, как Пауни, и надеть на нее это седло, а теперь и его у меня нет. — Голос его дрогнул, и я поняла, что он снова плачет. — Теперь у меня даже и памяти о нем не осталось.

Я положила руку ему на плечо, надеясь, что он повернется ко мне, ища утешения, но он так и лежал. Мне и самой утешение было бы не лишним, но гордость мешала его попросить. В ту ночь я почти не спала, и Джордж, наверное, тоже. Всю ночь я то и дело слышала его всхлипывания.

Рано утром мы с Джорджем загрузили машину, привязав коробки на крыше и накрыв их парусиной, чтобы не промокли под дождем. Мелкие вещи он положил в центр заднего сиденья, оставив место только для Бетти Сью и Пола. Я положила шкатулку для рукоделия на пол у себя в ногах, рядом — корзину с едой и водой, что собрала в дорогу.

Места для всего не хватало, и Джордж отнес несколько коробок кухонной утвари обратно на кухню, сказав, что, может быть, пришлет за ними позже. Я уже почти садилась в машину, как вдруг Пол разревелся, указывая на маленький фургончик на заднем крыльце. Джордж сходил, привел его и привязал позади машины. Пол успокоился и уселся, молча глядя в окно.

Мы проехали мимо дома и выехали на дорогу, не оглядываясь, но все мои мысли были о доме, где я родила четырех своих детей, где шила занавески и где мы с Кларой клеили обои. Я знала, что и Джордж думает об отчем доме, о матери и о Пауни.

Проезжая мимо кладбища, я поискала глазами могилку Лулу, но не нашла надгробия, и мы поехали дальше, не останавливаясь.

Джордж согласился заехать в мой родной городок, чтобы попрощаться с моей сестрой Хелен. Все эти годы мы собирались съездить друг к другу, но нам вечно что-то мешало. Хелен приготовила ужин, и мы остались у нее на ночь. Мы с Джорджем спали на той кровати, где раньше спала Фэйт, до того, как вышла замуж и уехала в Мемфис. Бэтти Сью с Полом разместились на матрасах на полу, подле нас.

В доме Хелен уже было проведено электричество, и для меня это было в диковинку. Провода были спрятаны в белых трубках, проложенных по потолку, от светильников к выключателям. Нажимаешь кнопочку — и весь дом освещен. Томми провел водопровод и засыпал колодец. Теперь водоснабжение осуществлялось с помощью электрической помпы, а Хелен нужно было всего лишь повернуть кран. Прямо в доме Томми установил ванну и туалет. Больше всего — после туалета, конечно, — мне понравился водонагреватель. Хелен набрала мне полную ванну горячей воды, и я впервые в жизни помылась, как богатая

женщина. Это было невероятно!

Я завидовала Хелен, невольно думая о том, как бы и мне хотелось иметь все это у себя в доме. Сколько раз я просила Джорджа провести электричество и водопровод, но он, как всегда, откладывал на потом. А теперь у нас не было и дома.

Рано утром мы снова отправились в путь; Хелен собрала нам в дорогу большую корзину еды. Мы попрощались, рыдая и обещая писать друг другу чаще. Уже отъезжая, я вдруг подумала, что, как бы ни любила сестру, все же Клара стала мне гораздо ближе, чем была когда-либо Хелен. Я гадала про себя, увижу ли их когда-нибудь вновь.

Джордж ехал потихоньку, где-то 30–35 миль[9] в час, если позволяла дорога. На закате мы добрались до окраины Нэшвиля. Джордж нашел мотель, и мы заплатили три доллара за номер, где помещалась вся наша семья. В комнате было две двухъярусных кровати. Мы с Джорджем заняли места внизу, дети — наверху. Поужинали за походными столиками, установленными под деревьями, помылись в общей ванной, за рядом кабинок, и легли спать.

Спали мы крепко, а когда поутру проснулись, то увидели, что коробки, привязанные к крыше машины, исчезли. На мгновение меня охватила паника, и я стала судорожно перебирать в голове, что было в этих коробках: постельное белье, покрывала, которые я с таким усердием шила, и кое-какая одежда. Маленький фургон остался на месте — он был таким старым, что воры на него не позарились. Джордж проверил машину. Ее тоже не взломали, и самое дорогое, что у меня было — сундучок со швейными принадлежностями, — стоял на месте. Среди прочего в нем был мой кошелек с секретными деньгами, ночная сорочка, что я сшила на свадьбу с Джеймсом, и семейные фотографии. Все остальное можно было заменить.

Мы погрузили вещи обратно и поехали к центру Нэшвиля. Джордж уже заезжал сюда раньше, но мы с детьми были потрясены размерами города. На заднем сиденье Бетти Сью и Пол прижались носами к стеклу и то и дело охали и ахали. Когда Джордж сказал мне, что Детройт еще больше Нэшвиля, я не поверила. Проехав через город, мы свернули на север, в сторону Кентукки. Там было красиво, но холмы были намного круче, чем дома, и мы целых два дня добирались до Цинциннати. Чуть дальше на север дорога выровнялась, и на какое-то время мы передохнули.

В двадцати милях от города я вдруг услышала громкий хлопок, и Джорджу с трудом удалось справиться с управлением. Он кое-как припарковал машину у обочины, выбрался и обошел

вокруг, чтобы посмотреть, что случилось. Обе задние шины были спущены — буквально разорваны в клочья. Джордж увидел на дороге кусок металла — он проехал прямо по нему. Достав запасное колесо, он поднял домкратом заднюю часть машины и снял колеса. Наклонившись к окну, он сказал мне:

— Пойду куплю еще одну новую шину — мы как раз проехали автомастерскую несколько миль назад. Ты пока посиди, я постараюсь вернуться как можно скорее.

Он взял колесо, перешел через дорогу и пошел в обратном направлении, останавливаясь и голосуя перед каждым встречным автомобилем.

Спустя некоторое время к нам подъехал грузовик, Джордж выпрыгнул из него и взял из кузова новую шину.

— Спасибо, Бобби, — крикнул он и помахал шоферу; машина круто развернулась и умчалась по шоссе. Джордж поставил новые колеса на машину, и мы снова тронулись в путь. По дороге мы еще раз остановились, и он купил еще одну шину, на всякий случай. На все шины у нас ушло двадцать долларов.

В ту ночь мы снова остановились в мотеле, но на сей раз вытащили все из машины и унесли с собой в номер. Оставшиеся вещи были нам слишком дороги.

Деньги быстро заканчивались. Горючее, две новые шины и еда для четырех человек стоили дорого. Когда коробка с провизией, что я собрала, и корзина от Хелен опустели, я попросила Джорджа остановиться на заправочной станции, где был продуктовый магазин, и купила нарезку хлеба и банку арахисового масла. На день должно хватить. Мы набрали в бутылки воды из-под крана в туалете. Невзирая на жалобы Бетти Сью и Пола, мы съели сандвичи и запили их водой. На следующий день я купила еще хлеба и арахисового масла и два яблока для детей.

Лежа в постели ночью, я благодарила Бога за то, что всякий день он хранил нас, направлял вперед и давал нам пищу.

Следующей ночью мы спали в машине, в нескольких милях к югу от Толедо. Я видела, как Джордж достал последние деньги и пересчитал их. Похоже, осталось немного.

— Этого хватит, Джордж?

— Все будет хорошо, Мод, если, конечно, с машиной опять что-нибудь не приключится или мы не будем слишком много тратить на обед.

Я видела, как он наморщил лоб.

— Когда мы приедем?

— Завтра вечером. Или послезавтра. Бесси живет в восточной части города, так что придется проехать его насквозь.

Утром Джордж заправил машину, и мы снова отправились в путь. Я надеялась, что это будет последний день нашего ужасного путешествия.

Глава 33

Мы проезжали бескрайние поля кукурузы к северу от Толедо, когда машина зарокотала и внезапно накренилась. Джордж остановил ее, вышел и оттолкал к обочине, затем опустился на одно колено и заглянул под нее. Я ждала, гадая, насколько все серьезно. Когда Джордж выпрямился, по его лицу я поняла, что все хуже, чем я думала. Он открыл дверь и сел рядом со мной.

— Коробка передач отвалилась, Мод.

— А ее дорого починить?

— Для нас — слишком дорого, даже если рядом была бы мастерская с запчастями.

— И что теперь делать, Джордж?

Он посмотрел на дорогу в направлении Детройта.

— Вот все, что нам осталось сделать, Мод.

Я велела Бетти Сью и Полу сидеть смирно, и мы вышли из машины.

— Хорошо, что Пол потребовал взять свой фургончик, — сказал Джордж, отвязывая его. Затем погрузил туда все, что мог, и накрыл сверху парусиной. Он подтолкнул машину дальше и с минуту стоял и смотрел на нее. Наконец сердито фыркнул:

— Пауни никогда так нас не подвел бы!

Мы вновь тронулись в дорогу, надеясь, что этот день станет последним. Мы с Бетти Сью шли впереди, я несла свой сундучок. Джордж шел сзади, ведя фургончик, а за ним — Пол. Время от времени мимо проезжали открытые грузовики, и Джордж вытягивал большой палец, но все ехали мимо. Шли мы до самой темноты, останавливаясь у кустиков, чтобы справить нужду. Затем встретили ферму и заплатили фермеру один доллар, чтобы он пустил нас переночевать в амбаре. Помолившись перед сном, я поблагодарила Господа за амбар и попросила Его приглядывать за Джином, где бы он ни был, и хранить его от всего дурного. Стыдно признать, но за Бада я редко просила Бога. Может быть, потому, что надеялась, что о нем позаботится Армия США.

Я надеялась, что фермер предложит нам позавтракать, но, придя рано утром доить коров, он ничего не сказал, лишь хмуро хрюкнул «доброе утро». Мы собрали вещи и двинулись дальше; в животах у нас уже начинало урчать.

Когда мы прошли еще немного, Джордж из-за моей спины позвал:

— Погоди-ка, Мод.

Мы с Бетти Сью подождали, пока они с Полом подойдут ближе.

— Пол плачет — есть просит, а магазина не видно, — сказал он.

Про себя я недоумевала, зачем ему понадобилось останавливаться.

— Я никогда в жизни не крал, но сейчас собираюсь.

Он оглянулся — никого нет? — и перемахнул через канаву, к кукурузному полю. Сорвав быстро два початка, он бегом вернулся к нам.

— Не останавливайтесь, — велел Джордж. Мы пошли дальше, он очистил початки от листьев и волосков и на ходу вручил их Полу и Бетти Сью. Те впились в них зубами и обглодали до самой кочерыжки.

— А нам? — спросила я.

— Если нас и видели, думаю, они сжалятся, если мы покормим только детей. Мы с тобой потерпим.

Вскоре мы дошли до заправочной станции. Джордж купил пакетик арахиса, чтобы нас пустили в туалет. Я наполнила бутылки водой из-под крана. Мы прошли, по моим ощущениям, еще несколько миль, сели в тени под дубом и съели арахис.

Детройт, казалось, был не ближе, чем утром. Мы старались идти медленно, чтобы дети поспевали за нами. Иногда мимо проходили люди — чаще всего одинокий мужчина, но иногда мужчина и женщина, а однажды целая семья с детьми. Мы кивали друг другу и, ни слова не говоря, шли дальше, как будто экономя силы для дороги.

Пройдя так восемь часов, мы увидели вдалеке здания и решили, что это город. Я услышала тихое кудахтанье у обочины, вручила сундучок Бетти Сью и пошла на звук. В высокой траве я увидела заблудившуюся курицу на полном гнезде яиц. Едва не закричав от радости, я свернула юбку и собрала яйца; затем вернулась к Джорджу и показала свою находку.

— А как мы их приготовим, Мод? Сковородки-то остались в Миссури.

— А мы и не будем их готовить, Джордж. Мы их продадим.

Мы прошли оставшуюся часть пути до города, и на заправочной станции, в магазине, я обменяла свои яйца на буханку хлеба. Джордж посчитал свои деньги и купил венских сосисок. Сойдет. До тех пор, пока дети по-настоящему не проголодаются, а Джордж не потратит последний цент, я не намерена сообщать ему о том, что у меня припрятаны деньги.

— Далеко до Детройта? — спросил Джордж паренька за прилавком.

Тот пожал плечами.

— Миль сорок до центра города.

Интересно, сколько еще мы будем идти, подумала я про себя. Мы сходили в туалет и сели на скамейку у магазина, чтобы подкрепиться. Поев, Джордж снова взял фургон, и мы отправились в путь. Шли до самой темноты. К тому времени у нас осталось всего несколько долларов, на ночлег их не хватало, даже если бы он обнаружился поблизости. Устроились под большим деревом. Джордж снял с фургона парусину и расстелил на траве, и мы все улеглись на ней. Молясь той ночью, я поблагодарила Бога за то, что не было дождя и на нас была целая обувь, и попросила послать пищи нам с Джорджем и детям.

Утром мы снова двинулись в дорогу, надеясь, что уж этот-то день будет последним. Я с горечью думала о том, когда мы в последний раз мылись. Я всегда содержала в чистоте себя и детей и радовалась тому, что и Джордж был чистоплотным. Поэтому то, что мы так давно не мылись и не меняли одежду, идя в пыли и грязи обочины, было для меня настоящим кошмаром.

Мы остановились у ручья привести себя в порядок, и я вынула из волос две шпильки. Волосы рассыпались по плечам, доставая до самых колен. Я никогда не стригла их и каждое утро расчесывала сто раз. Как и все замужние женщины в церкви, я носила пучок на затылке, закалывая его большими шпильками. Достав расческу, я попыталась причесать спутанные патлы. Вышло ужасно, и я страшно разозлилась.

Я ненавидела это путешествие. Ненавидела эту Депрессию. Ненавидела Джорджа за то, что допустил это. Ненавидела Детройт, которого никогда в жизни не видела, а теперь ненавидела и свои волосы. Я достала ножницы из корзины для рукоделия, собрала волосы в кулак и отрезала под самый затылок. Бетти Сью закричала, Пол заплакал.

Я швырнула волосы в ручей, повернулась и злобно посмотрела на Джорджа. Челюсть у него отвисла, но он не сказал ни слова. Должно быть, выражение моего лица напомнило ему мать, к тому же в руках у меня все еще были ножницы.

Мы снова двинулись на север. По дороге я проклинала себя за эту вспышку. Шея была как будто голая и до неприличия открытая.

Мы остановились у ручья, чтобы съесть остатки хлеба. Венские сосиски давно кончились. Джордж достал веревку и крючок из фургона, привязал крючок к веревке и насадил на него кусочек хлебной корки. Затем забросил это в воду и стал ждать.

Мимо прошла еще одна пара, они увидели нас и остановились перекинуться парой слов. Женщину звали Имоген Рич, а мужа — Уэсли.

— Мы выехали из Оклахомы две недели назад на автобусе и

доехали до Толедо, — сказала она. — Денег на дорогу до Детройта у нас не было. На карте он не казался так далеко.

— У вас в Детройте родственники? — спросила я.

— Нет, все наши знакомые уехали в Калифорнию, и мы подумали, что лучше нам поискать счастья в другом месте. Теперь же мы совсем выбились из сил, и я не знаю, что мы будем делать, когда наконец дойдем.

— А когда вы в последний раз ели?

— Вчера.

Я огляделась вокруг: вся обочина была усыпана желтыми цветами.

— Моя мама говорила, что из стебельков одуванчиков можно сделать салат, — сказала я. — Правда, никогда его не готовила, и я не знаю, каков он на вкус, но зато они ничего не стоят.

Как раз в этот момент Джордж издал ликующий вопль и вытащил рыбу. Она была небольшая, где-то с мою руку.

— Сможешь развести огонь? — спросил он Уэсли.

Он насадил еще один кусочек хлеба на крючок и снова запустил его в ручей. Уэсли насобирал хвороста и сухой травы и развел костерок. Пока Джордж ловил рыбу, Уэсли почистил ту, что уже была.

Мы с Имоген нарвали одуванчиков и помыли их в ручье. Вскоре Джордж поймал еще две рыбины и почистил их. Он поставил два зеленых прутика у костра и подвесил на них рыбу на несколько минут. Когда она уже почти разваливалась, он снял ее с огня, и мы разделили трапезу.

Снова тронулись в путь; Ричи попрощались с нами. Шли они быстрее, чем мы. На юг никто не шел, и я сказала Джорджу:

— Похоже, все, кто приехал сюда, нашли работу: никто не идет нам навстречу, на юг.

Он посмотрел на проезжающую мимо машину.

— У кого-то, наверное, еще остались машины. Посмотрим.

Вскоре дети перестали хныкать. Мы все слишком устали, и сил хватало только на то, чтобы передвигать ноги, шаг за шагом. Еще одну ночь провели в поле. Наутро я была так голодна, что готова была потратить припрятанные деньги на еду для себя и детей, но магазинов видно не было. Вскоре я увидела дикую яблоню — ее плоды висели прямо над дорогой. Джордж собрал штук десять.

— Это самые лучшие, — сказал он.

Среди них было много червивых. Я обтерла их как следует, и Джордж разрезал их своим карманным ножом. Мы поели, стараясь не задевать червячков, и двинулись дальше. Дошли до заправочной станции, Джордж купил шоколадку, разломил

пополам и дал детям. Мы попили воды из-под крана и наполнили бутылки.

Наконец вдалеке показался Детройт: теперь здания были ближе друг к другу. Дети захныкали, не в силах больше идти, и я чувствовала, что и сама вот-вот упаду. Мне хотелось просто сесть на дороге и ждать, пока кто-нибудь не прибежит, но Джордж тянул нас вперед, и почти у самого Детройта возле нас остановился грузовик. Джордж сел вперед, рядом с водителем, а мы с детьми — в кузов, рядом с какими-то деревянными ящиками.

Через окошко я видела, как Джордж оживленно беседует с шофером. Всего через минуту тот уже хохотал, совсем как друзья Джорджа в Кеннете. Потом муж достал из кармана рубашки бумажку и показал водителю; тот кивнул.

Мы добрались до города, но, не останавливаясь, продолжали ехать. Он был невероятно большой. Мы проезжали заводы в западной части — огромные столбы серого дыма поднимались в небо, смыкаясь и затягивая небо, как покрывало, такое плотное, что сквозь него не было видно солнца. Черные хлопья сажи, — для пыли они были слишком крупными, — витали в воздухе, как снег, и оседали на мне и детях. Едва мы их стряхивали, как тут же на их место прилетали другие. Казалось, каждые несколько футов мы переезжали через железнодорожные пути. Увидев небоскребы, я указала на один из них Бетти Сью и Полу, решив, что это Пенобскот-билдинг. Самое высокое здание осталось позади, а мы всё ехали. Вскоре мы въехали на широкую улицу — Джефферсон-авеню.

Я видела, как на переднем сиденье Джордж беседовал с водителем, размахивая руками, а тот кивал и хохотал. Должно быть, впервые в жизни я испытала благодарность Богу за то, что Джордж был таким общительным. Чем дольше водитель будет во власти его обаяния, тем ближе подвезет нас к нашей цели.

В итоге он довез нас до самого дома Бесси.

Глава 34

Был уже почти вечер, когда грузовик подъехал к большому квадратному двухэтажному дому. Джордж помог нам с детьми выбраться из кузова и выгрузил наши вещи. Они с водителем пожали руки и похлопали друг друга по спине.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Дэйв, — с улыбкой покачал головой Джордж. — Очень ты нас выручил тем, что подвез.

— С большим удовольствием, — ухмыльнулся в ответ шофер. — За весь год не встречал лучшего попутчика, Джордж.

Он взобрался на свое место и махал Джорджу, пока не скрылся из виду.

Мы как раз собирали свои вещи, когда из дома выбежали Бесси и Джон, а за ними — высокая светловолосая девочка — должно быть, Максин, подумала я. Джон пожал Джорджу руку, а Бесси стиснула меня в объятиях, затем Бетти Сью, Пола и, наконец, своего брата.

— Боже милостивый, ну надо же! Смотрю на тебя — и как будто назад в детство вернулась!

И в самом деле, Бесси и Бетти Сью были словно отражения друг друга, с разницей в несколько лет — то же телосложение, рост, те же темные волосы, ямочки на щеках и одинаково круглые лица.

Джон покачал головой:

— Мы уж было собирались обратиться в полицию, чтобы вас начали искать. Боялись, вдруг что случилось.

— У нас возле Толедо отвалилась коробка передач у машины, а денег на ремонт не было, вот нам и пришлось отогнать ее к обочине и так и оставить.

— Как же вы добрались?

— Пешком, почти до самого города, а потом нас подхватил грузовик и довез оставшуюся часть пути.

— Ну, давайте внесем вещи в дом и поужинаем. — Бесси как раз накрывала на стол. За последние три дня она столько наготовила, что хватило бы армию прокормить.

— Мы сегодня только и съели, что червивые яблоки, но прежде, чем садиться за стол, мне нужно смыть с себя дорожную пыль.

С этими словами я вытянула руку ладонь вверх:

— Гляди!

Грязь въелась в самые поры моей кожи, заполнила морщинки на запястьях и тыльной стороне пальцев, ногти были очерчены

черным. Я не выдержала и разрыдалась.

— Никогда в жизни я не была такой грязной, даже когда в детстве помогала отцу на конюшне. Почти все наши вещи украли, а то, что осталось, слишком грязное от долгой дороги.

— Я знаю, что вы все умираете с голоду, — возразила Бесси. — Вымойте пока руки, и мы сядем за стол, а после ужина примете ванну и наденете нашу одежду. Можете подобрать что-нибудь себе, до тех пор, пока не обзаведетесь новой.

На том и порешили. Вымыв руки и умывшись, мы сели за стол, молитвенно сложили руки, Джон произнес благодарение, и мы приступили к трапезе.

Бесси превзошла саму себя. На столе возвышалась такая груда курицы, что, должно быть, три или четыре птицы отдали ради нас свои жизни. Еще там было огромное блюдо с воздушным картофельным пюре, политое сверху топленым маслом. Мы мигом опустошили миску с подливкой, но Бесси успокоила нас, сказав, что в духовке есть еще. На одной тарелке лежали зеленые бобы, тушенные целый день с беконом; на другой — гора кукурузы в початках, а рядом — миска с топленым маслом и кисточкой. Там были и кукурузные лепешки, жаренные в масле, и горка воздушного, как перышко, печенья. Давненько мы не видали такого стола!

Наелись до отвала, потом мужчины, а за ними и Пол отправились на крыльцо курить, а мы с Бетти Сью по очереди приняли ванну. Я скребла каждый дюйм своего тела до тех пор, пока окончательно не смыла грязь, затем вымыла голову. Как же здорово было снова расчесаться! Но глянув на себя в зеркало, я едва не закричала. Волосы мои торчали дикими, неровными пучками.

Бесси дала мне чистую одежду, а Максин поделилась с Бетти Сью. Девочки отправились в комнату Максин. Я рассказала Бесси о нашем путешествии, о том, как нас обокрали в самую первую ночь и как у нас спустились шины и отвалилась коробка передач. Когда я рассказывала о том, что, не имея возможности причесаться, обрезала свои волосы, она разрыдалась вместе со мной.

Пока мы с Бесси беседовали, Джордж и Пол вымылись. Мы все покатились со смеху, когда Пол вышел из ванной в одежде, которую дал ему Джон: рубашке, достававшей до колен, и штанах, подвернутых чуть ли не десять раз.

Когда мы вдоволь наговорились, Бесси показала мне комнату, где должны были спать мы с Джорджем. Полу она постелила на матрасе у стены. У Максин в комнате была еще одна кровать, для Бетти Сью.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и Джон спросил меня:

— Мод, когда это ты успела подстричься?

— Да вот, несколько дней назад. Выбросила волосы в ручей рядом с Толедо.

И мы с Бесси расхохотались. Оглядываясь назад, я думаю, что тот смех насытил мою душу гораздо лучше, чем пища.

Было уже поздно, когда мы наконец разошлись по кроватям. Я вытянулась на постели и вздохнула. Нужно было перебороть сон, ведь я еще не произнесла еженощную молитву Господу.

— Благодарю тебя, Боже, за то, что заботился о нас и привел в безопасное место; и еще раз благодарю за нашу чудесную трапезу и за семью, что для нас ее приготовила; и спасибо, что послал нам ангела в обличии водителя грузовика, чтобы довез нас остаток пути. Благослови Джина в его лагере, и Бада в Форт-Ноксе, и Бесси с Джоном, и Максин, и пусть твои ангелы приглядывают за Полом и Бетти Сью. Аминь.

Глава 35

На следующее утро за завтраком Джон сказал, что хочет взять Джорджа с собой на фабрику, чтобы он смог попросить работу, но Джордж заявил, что еще не отдохнул как следует с дороги и лучше пойдет завтра. Сестра проницательно на него посмотрела, но ничего не сказала. Когда и на следующий день он придумал отговорку, Бесси подошла к плите и взяла большой стальной кофейник с обжигающим кофе. Занеся его над коленями Джорджа, она сказала:

— Джордж. — И внимание всех собравшихся тотчас же обратилось к ней. — Одевайся и иди вместе с Джоном. У тебя жена и двое детей, которых надо кормить, и тот ленивый образ жизни, что ты вел в Кеннете, здесь не пройдет.

Джордж не ответил ни слова, просто встал, надел шляпу и вышел во двор дожидаться Джона. Я смотрела в стол и молчала, но про себя улыбалась. На лицах Джона и Джорджа я заметила страх, и от этого по коже как будто побежали мурашки.

Когда они ушли, Бесси налила нам кофе и села за стол.

— Знаю я, какой Джордж лентяй, — сказала она. — Дома ему, может быть, и сходило это с рук. Он мнит себя эдакой лилией на поле; не то чтобы он уверен в своей неотразимой красоте, но считает, что раз может всех рассмешить, этого достаточно для того, чтобы ладить с людьми. Но здесь это не пройдет.

Я знала, что она права, и была благодарна за то, что ей удалось заставить Джорджа пойти на работу. Иногда я жалела о том, что сама не обладаю таким даром. Насколько легче стала бы моя жизнь, сумей я настоять на том, чтобы Джордж вел себя как должно. Но, видимо, мне просто было не дано командовать. Бесси Джордж боялся, а вот меня никто не боялся за всю мою жизнь.

Когда через три часа Джордж так и не вернулся домой, я сказала Бесси:

— Надеюсь, это означает, что он получил работу.

— Не волнуйся, — улыбнулась она мне. — Джон теперь на передовых, начальство его ценит. Довольно одного его слова, чтобы они взяли Джорджа, а уж я объясню ему, что он должен трудиться как следует и не срамить Джона.

Бетти Сью отправилась в школу вместе с Максин. Она была так счастлива, и я была рада снова видеть на ее лице улыбку. В первый день Пол остался дома вместе со мной. Даже в десять лет он цеплялся за мою руку, как будто чего-то боялся. Мы с Бесси пошли в Джефферсон — в магазин подержанной мебели и одежды

«Гудвилл». Бесси настояла на том, чтобы я набрала столько одежды, чтобы хватило на первое время — она заплатит, а с первой зарплаты Джордж вернет ей долг.

— Бетти Сью, наверное, предпочла бы сама выбрать себе одежду, — заметила она. — Пока она может поносить вещи Максин — у нее их столько, что хватит на пять-шесть человек.

Я подобрала одежду себе, Джорджу и Полу. Там было даже нижнее белье — на вид почти новое. Два платья, что я взяла себе, смотрелись богаче, чем любые, что я когда-либо шила сама. У них были такие ровные стежки и красивые пуговки. Бесси сказала, что состоятельные люди часто отдают мало ношенные вещи в «Гудвилл», когда они им надоедают. Мне было трудно представить такое. Всю свою жизнь я шила новые вещи, только когда старые приходили в негодность и теряли презентабельный вид.

С тех пор набором для рукоделия я стала пользоваться, только чтобы что-то подлатать, но платьев больше не шила. Купить в «Гудвилле» было гораздо дешевле, чем покупать ткань и делать самой.

Под вечер Джордж вернулся домой вместе с Джоном, и хотя я весь день ждала его, чтобы все узнать, он не сказал ни слова о работе.

Вечер был довольно приятным. Бесси и Джон принесли в гостиную большое радио «Моторола», и мы сели кружком и смотрели на него во все глаза, слушая Джека Бенни. Мне так понравилось! Я уже слушала радио — у Клары и других моих друзей из церкви, — но поскольку Джорджу в доме электротехника была не нужна, то у нас его и не было. Ощущение было такое, будто бы Джек Бенни пел прямо у нас в гостиной.

В воскресенье утром мы оделись и отправились в церковь вместе с Бесси, Джоном и Максин. Даже Джордж пошел без боя — знал, что для Бесси это важно.

Церковное собрание проходило в арендуемом помещении на Джефферсон-авеню. Окна были завешены шторами цвета слоновой кости, и вместо длинных скамеек, как в нашей родной церкви, там стояли какие-то странные старые стулья. Бесси сказала, что их привезли из старого кинотеатра. Стулья были расставлены под углом, а в центре, на столе, была установлена кафедра.

Я никогда прежде не видела в церкви, у которой не было собственного здания. Это была не Церковь Святости, они называли себя Церковью Пятидесятников. Но, как только началась служба, я поняла, что здесь все так же, как и у нас дома, и сердце мое успокоилось.

Для меня было довольно необычно присутствовать на собрании в здании бывшего магазина, но все прихожане были очень приветливы, и через несколько минут я расслабилась и почувствовала себя как дома.

Джордж рассказал, как ему работается на фабрике, только спустя пару недель. Лежа в постели на спине, он вздохнул, и я поняла, что он что-то хочет мне сказать, поэтому спросила:

— Что такое?

— Не нравится мне работа на фабрике. Там грязно, шумно, и еще нужно пользоваться хронокартами. Мне бы хотелось заниматься чем-нибудь другим.

«О боже, а что, если он теперь начнет прыгать с места на место, совсем как Бад, когда он еще жил с нами?» — подумала я, но ему сказала:

— Ты должен бы благодарить Бога за то, что он послал тебе работу. Разве не знаешь, сколько людей сейчас ищут заработок и не могут найти? Не будь ты родственником Джона, тебя бы и не взяли. Представь, что подумают о нем, если ты сейчас уволишься, не успев поступить на службу? Может быть, другое место так и не появится? К тому же подумай, как это воспримет Бесси.

На этом разговор был окончен. Когда Джордж принес домой первую зарплату, мы сняли дом по соседству с Бесси. Там все было в точности как у нее, только в зеркальном отражении — такой же двухэтажный дом с маленьким крылечком спереди и сзади и узкой дорожкой, ведущей в гараж, позади которого была аллея. Эти дома были как две капли воды похожи на все остальные в нашем районе, и стояли они так близко друг к другу, что если соседи по домам одновременно вытянут руки из окон, то смогут коснуться друг друга. Бесси сказала, что дом хороший, потому что в нем было четыре спальни, а хозяин сам платил за воду — Джорджу оставалось оплачивать только электричество и газ. Я никогда не думала, что за воду нужно платить.

Мы как будто оказались в другом мире. Для меня, конечно, жизнь стала намного легче. Мне нравилось принимать ванну, пользоваться водопроводом, смывать в туалете из бачка, дергая за цепочку. Это было самое настоящее чудо. Больше не нужно было выходить на улицу в туалет и таскать воду из колодца, когда приходило время стирать, или готовить, или мыться, а потом выливать воду из лоханей. Ванна была такой большой, что в нее можно было улечься и даже почти вытянуться.

Мы с Бесси от души посмеялись, когда она сказала, что теперь нам надо будет купить будильник, ведь петухов в городе держать запрещено.

Еще одним чудом для меня стала газовая плита. Не надо

больше проверять, нет ли в дымоходе змей, как с печкой, или выходить на улицу в мороз за дровами.

Джорджу, конечно, это тоже нравилось: отпала необходимость колоть дрова. Меня же беспокоили все эти мелкие расходы, которых у нас раньше не было: арендная плата, электричество. Великая депрессия мало-помалу ослабляла свою хватку, экономическая ситуация приходила в норму, и все же расслабляться пока было рано.

Мы перенесли свои скудные пожитки в соседний дом, и Джон вместе с Джорджем поехали на грузовике туда, где можно было достать подержанную мебель. Бесси одолжила нам несколько лишних матрасов на пару дней, а Полу пришлось спать на куче одежды, пока Джордж не раздобыл еще матрасы. Когда он их принес, я взяла лампу и тщательно осмотрела их с обеих сторон, и лишь убедившись, что в них нет постельных клопов, позволила внести в дом. Джордж сказал, что тоже был к этому готов, поэтому проверил их еще перед оплатой, но бдительность лишней не бывает.

Не знаю, облегчило ли мне стирку наличие водопровода. Да, носить воду из колодца больше было не нужно, но мне все равно приходилось спускать одежду на первый этаж, стирать на доске, полоскать, отжимать, а затем нести на задний двор, чтобы развесить ее сушиться на солнышке. Это тоже изматывало. Я пыталась добиться помощи от Пола, но он убегал и прятался, пока я не закончу. Джордж никогда не заставлял его трудиться.

На вторую неделю проживания в доме Джордж нашел отличный подержанный стол и четыре стула всего за десять долларов. Они с Джоном каждую неделю привозили что-нибудь домой, пока не обставили дом настолько, чтобы в нем можно было нормально жить. Самой лучшей находкой было радио — не большая консоль, стоявшая прямо на полу, как у Бесси и Джона, а маленький приемник, похожий на церковную башенку и помещавшийся на столе. Мы собирались вокруг него по вечерам и слушали Фреда Аллена, Фиббера МакДжи и Молли, а самое главное — по субботам передавали «Гранд Ол Опри». Спонсорами были «Национальная компания страхования жизни и несчастных случаев» и сигареты «Принц Альберт».

Однажды к нам в дом постучался агент из «Национальной страховой компании», и я оформила полис на Джорджа стоимостью в тысячу долларов. Приятный молодой человек стал заходить каждую неделю, собирая мелкие взносы и ставя галочки в маленьком блокноте, что он дал мне, начисляя страховые премии. Несчастные случаи на производстве были довольно часты, и я беспокоилась о том, что будет со мной, если Джорджа

вдруг не станет. Шитьем и стиркой себя и детей точно не прокормишь.

Моими любимыми артистами в «Опри» были Рой Экафф и «Смоки Маунтин Бойз» — особенно у Роя я любила песню «Большая пестрая птица» — и еще Бил Монро и «Блюграсс Бойз». Иногда по вечерам я слушала «Ред Фоли». Джордж утверждал, что это был его двоюродный брат, но я ему не верила. Однажды я спросила об этом Бесси, и та ответила, что впервые о нем слышит.

У всех у нас были любимые передачи и артисты — у меня «Опри», у Джорджа — Джек Бенни, и мне это совсем не казалось совпадением при его язвительном характере. Пол обожал «Тень», а Бетти Сью — радиопостановки «Люкс Радио Театр» с участием больших звезд, вроде Бет Дэвис и Кэтрин Хэпберн. Каждый вечер после ужина мы собирались слушать радио. Я сидела в отличном кресле-качалке, которое Джордж нашел на дороге. На всякий случай я отмыла его на крыльце, а затем поставила в гостиной, у маленького столика с лампой.

Еще я купила маленький радиоприемник на кухню, и когда готовила или убиралась, то слушала «Стелла Даллас» и «Май Гал Санди». Я как будто погружалась в другой мир, в чью-то жизнь, куда более сложную, чем моя, и от этого становилось легче.

Глава 36

Хотя жизнь в Детройте была гораздо комфортнее, чем в Миссури, я пока не чувствовала себя здесь дома. В каждую комнату я купила хорошее постельное белье и пошила шторы, и еще связала крючком чехлы на мягкую мебель. С ними дом стал уютнее, пусть и был съемным.

Я благодарила Господа за нашу жизнь. Мы вдоволь питались, у нас была церковь и хороший дом. Мне нравилось его убирать и украшать, хоть он и не был моим. Я просила Бога простить мне раздражение, что порой вызывал у меня Джордж, и мое нехристианское к нему отношение. Казалось, с возрастом мне становилось все труднее прощать. Меня учили, что не следует просить Господа о прощении моих собственных грехов, если я сама не могу простить ближнего.

Я сшила скатерть и шторы на кухню, купив ткань в красно-белую клетку — как только смогла себе это позволить. Ткань стоила бешеных денег — целых десять центов за ярд[10], — но я сказала себе, что с ней в доме станет веселее. Я то и дело откладывала мелочь в свою копилку. Теперь она поступала не от продажи яиц, а со сдачи от тех денег, что Джордж давал мне на продукты. Если в магазине была распродажа, я откладывала разницу в свою шкатулку для рукоделия, и вскоре деньги как бы становились моими. Иногда со сдачи получалось отложить целый доллар.

Для сада места было мало, но я все же соорудила огородик на заднем дворе и посадила помидоры и стручковую фасоль. Мои садоводческие навыки сослужили мне хорошую службу, и к следующей осени я собрала хороший урожай, которого хватило даже на то, чтобы поменяться избытками с Бесси — у нее были репа, зеленый перец и капуста.

Несмотря на долгую разлуку, мы с Бесси тотчас же вновь подружились. Мне было радостно иметь рядом подругу, с которой можно было поговорить по душам и которая понимала меня. Меня восхищала сила Бесси и то, как ей удавалось командовать мужчинами.

Глава 37

К 1940 году мне уже стукнуло сорок восемь, и я была в целом довольна жизнью. Бетти Сью быстро нашла подружек в новой школе; работа у Джорджа была стабильная, хоть и нелюбимая. Думаю, он не уволился только из страха перед Бесси. На фабрике «Бьюик» его каким-то чудом перевели с конвейера на место смотрителя. Когда он мне об этом рассказал, я спросила:

— А чем занимается смотритель?

— Что-то типа уборщика. Прибираюсь, смотрю за вещами. Мне это нравится больше, чем стоять на конвейере.

Я только покачала головой. Если Джорджу эта работа нравилась больше, значит, она была легче.

Пол так и продолжал прогуливать школу. Джордж все уговаривал меня разрешить ему остаться дома, — все равно он ничего не усваивал, — и, похоже, был прав. В двенадцать лет он мог читать и писать лишь некоторые слова. Учителя предлагали отправить его в спецшколу для детей с замедленным развитием, но Джордж не хотел об этом даже слушать.

Однажды Пола отправили домой с запиской от учительницы, мисс Спенс. В ней родителей просили в конце следующего понедельника прийти в школу и поговорить с учителем. Я пошла, но ужасно нервничала, и еще меня пугали размеры здания начальной школы Бельвью. Совсем не то, что крохотная школа с одним кабинетом, где училась я. Я спросила у какого-то ученика, и тот указал мне на нужный кабинет. Там меня уже ждали хорошенькая молодая женщина и мужчина постарше.

Оба они тепло улыбнулись мне и предложили сесть за парту. Я сжала сумочку на коленях и ждала, что они мне скажут.

Первой заговорила женщина:

— Миссис Фоли, Пол совершенно не усваивает программу, но мне кажется, мы можем ему помочь. Его можно отдать в специальную школу, с медицинским персоналом, который посмотрит, нет ли у мальчика проблем со здоровьем, и может быть, они смогут их исправить.

Я нахмурилась.

— А где эта школа?

Мужчина наклонился ко мне.

— Я доктор Гудвин, методист этой школы. Она в Оксфорде, где-то в тридцати милях к северу отсюда.

— Тридцать миль к северу? И как я буду каждый день туда его водить? У нас даже машины нет.

— Он какое-то время побудет в школе, мы проведем

исследования и выясним, являются ли причины его отставания физическими или дисциплинарными.

Я покачала головой.

— Не знаю, разрешит ли его отец. Нужно с ним поговорить.

Доктор Гудвин встал и протянул мне руку.

— Отлично, я и сам с ним поговорил бы, если бы он согласился со мной встретиться. В следующий понедельник я буду здесь с мисс Спенсер, в это же самое время.

Я пожала ему руку.

— Спасибо, я дам вам знать о его решении.

В ту ночь я дождалась, пока мы ляжем в постель, и подняла этот вопрос. Когда я рассказала о спецшколе, Джордж сел в постели и покачал головой.

— Нет! Я не позволю ставить опыты на моем ребенке! Пусть даже и не думают!

— Но Джордж, он ведь с трудом пишет и читает. Может быть, они смогут ему помочь?

— Я сказал — нет. И больше не хочу ничего слышать.

Я решила пока оставить эту тему. В следующий понедельник я вновь пошла в школу и передала им слова Джорджа, добавив:

— Я уже давно отчаялась спорить с мужем. Может быть, если бы вы пришли к нам и поговорили с ним, он понял бы, что своими действиями делает ребенку только хуже?

Доктор Гудвин рассерженно покачал головой:

— Если он не позволит нам поработать с мальчиком в моей школе, я больше ничего не могу сделать.

Мисс Спенсер, похоже, сжалилась надо мной.

— А нельзя ли привести мистера Фоли в школу и вместе поговорить?

— Боюсь, что нет. Ему придется отпроситься с работы, а этого мы не можем себе позволить.

На самом деле Джордж был бы совсем не прочь прогулять работу, но я знала, что он ни за что не передумает и мы только зря потеряем часть его жалованья.

По дороге домой я размышляла о сложившейся ситуации. Все вокруг видели, что с Полом что-то неладно. Как бы мне хотелось, чтобы Джордж разрешил врачам его осмотреть, но я знала, что надежды на это нет.

Глава 38

Все время, пока Джин был в «Гражданском корпусе», мы с Джорджем регулярно получали от него письма, в них он писал о том, какое важное дело делает для страны и как ему нравится быть рейнджером. Платили ему 30 долларов в месяц, из которых 25 он отсылал нам — своей семье. Джин уверял нас, что деньги ему не очень нужны: его кормят, а к куреву он так и не пристрастился. Деньги он тратит, лишь когда выбирается в город посмотреть кино. Кино ему нравилось, особенно хара́ктерные актеры. Рою Роджерсу он предпочитал Гэбби Хейса и уж точно не пропускал ни одного фильма с Вардом Бондом, Виктором МакЛафленом или Эдвардом Эвереттом Нортоном, которого считал самым смешным актером Голливуда.

Бад писал раз или два в год, обычно — когда попадал в военную тюрьму за очередную провинность. За три года в армии его так часто штрафовали за плохое поведение, что он до сих пор был в чине рядового.

В один осенний день 1940 года в дверь постучали. Я никого не ждала, и это был не вторник, когда обычно приходил страховой агент за взносами. Я выключила газ на плите и подошла к двери, вытирая руки о фартук; раздражение мое росло. Ну, если это опять продавец из «Фуллер Браш» или откуда-нибудь! Я ведь уже сказала ему, что мне ничего не нужно!

Я открыла дверь и едва не упала в обморок, увидев на пороге высокого симпатичного молодого человека. Он вырос еще на два-три дюйма и набрал по меньшей мере 40 фунтов[11] с нашей последней встречи. Кожа загорелая, красновато-коричневая, на лице широкая улыбка, и во всей позе читалось ожидание.

Это был мой дорогой мальчик, мой Джин! Он сграбастал меня в объятия, оторвав от пола и раскачивая из стороны в сторону. Слезы покатились по нашим лицам. Когда он наконец отпустил меня, я вытерла щеки фартуком.

— Что ты здесь делаешь? Все в порядке? Ты ведь не ушел из «Гражданского корпуса», а?

— Давай присядем, мам, и я тебе все расскажу.

Я испугалась, но с другой стороны — вот же он, передо мной, и выглядит здоровым. А остальное не важно. Если его уволили или он попал в какую-нибудь неприятность, как его брат, мне было все равно, лишь бы он был жив и здоров.

Я взяла его за руку и отвела на кухню.

— Дай-ка я тебе сейчас что-нибудь соображу, — сказала я, как заправская мама. — А потом мы все обсудим.

Я налила ему чашку крепкого кофе — он у нас никогда не переводился — и достала из ледника холодную жареную курицу и картофельный салат, и еще порезала большой помидор. Потом налила кофе и себе и села напротив, чтобы видеть его лицо.

— Ну давай, рассказывай, — сказала я, уже предчувствуя, что новость мне не понравится.

Он кивнул.

— Сразу скажу: со мной все будет нормально. Врач сказал, что мне нужно всего лишь несколько дней отдохнуть, а потом можно снова возвращаться к работе.

Сердце мое замерло на слове «врач».

— Что стряслось?

— Да просто помогал ребятам положить на бараки новую кровлю и упал. Приземлился на спину на мешки с гравием. Врач сказал, что все будет нормально, не переживай. — Он похлопал меня по руке, потом взял еще кусочек курицы. Увидев его хороший аппетит, я немного успокоилась.

— Если ты в порядке, то зачем тебя отправили домой?

— Ты только не волнуйся, но он сказал, что, падая, я повредил обе почки. Когда пи́сал, то у меня шла кровь. Так что я теперь инвалид, и меня отправили домой. Но для нормальной работы я подхожу.

— И много крови? — От одной только мысли о том, что ему было больно, мне стало дурно, но я отошла к плите и принялась старательно шевелить жаркое, чтобы не выдать своего беспокойства.

— В первые дни прилично. Потом вроде прекратилось, и когда все прошло, меня посадили на поезд и отправили домой.

Я решила, что позже помолюсь за него. Мне не хотелось беспокоить Джина своими переживаниями, поэтому я сменила тему и спросила о его работе. Мы проговорили несколько часов. Я вернулась к готовке и все слушала, то и дело задавая вопросы, а Джин, сидя на стуле, рассказывал мне о своей жизни в последние два года. Мы смеялись и разговаривали, и я впихнула в него еще еды, заставив съесть целых два куска моего фирменного яблочного пирога. Впрочем, на второй кусок долго уговаривать не пришлось.

Когда Бетти Сью и Пол пришли со школы и увидели, кто к нам приехал, они принялись с радостными криками скакать по всей кухне. Бетти Сью крепко обняла брата, а потом взяла за руку и попросила снова рассказать о своем житье-бытье. Пол же, быстро его обняв, встал в углу кухни и только слушал, ничего не говоря.

Услышав рев грузовика Джона, Джин спрятался за дверью.

Вошел Джордж, неся корзину с ланчем.

— Тут к тебе кое-кто пришел, Джордж.

Бровь его изогнулась, но он услышал, как захихикала Бетти Сью, и включился в игру.

— Правда? Неужто нарочный от президента Рузвельта? Наверное, приехал, чтобы позвать меня в Вашингтон!

— Это Джин, — брякнул Пол. — Он прячется за дверью.

Джордж повернул голову, увидел среднего сына и сгреб в медвежьи объятия. Я была удивлена, увидев, как он тронут его возвращением.

Вместе с Джином мы пошли к Бесси, Джону и Максин, чтобы представить его им — ведь они его никогда не видели.

Я так гордилась своим высоким, красивым мальчиком. Он был совсем как кинозвезда с обложек журналов «Серебряный экран», которые все время читала Бетти Сью. Мы немного поболтали и пошли домой ужинать, а после ужина продолжили беседу. Джин расправился с еще одним блюдом, а я была счастлива видеть такой аппетит.

В тот вечер в своих молитвах я горячо поблагодарила Господа за то, что Джин вернулся живым, и попросила вернуть ему здоровье. Я лежала в постели, не смыкая глаз до тех пор, пока по дыханию Джорджа не поняла, что он заснул. Затем тихонько пробралась через коридор в комнату Джина, взяв с собой одеяло. Он спал на нескольких свернутых покрывалах в пустой четвертой спальне. Я немного посмотрела на него, радуясь тому, как мерно вздымается и опадает его грудь. Затем укрыла его одеялом и на цыпочках вернулась в свою постель.

Той ночью я спала спокойно, так хорошо я не спала с того момента, как он уехал. Я знала, что мой дорогой мальчик в безопасности, знала, где он и что делает.

Глава 39

В Детройте почтальон на велосипеде каждый день привозил мне свежий номер «Новостей Детройта». Это было еще одно чудо жизни в большом городе.

В газете я прочла о войне в Европе и Азии. Это было ужасно, столько убитых! Я вспоминала ребят, возвращавшихся домой с прошлой войны без рук и ног и с разбитыми сердцами. И еще я вспоминала ужасный грипп, что они принесли с собой — тот, что отнял у меня мою маленькую девочку.

Я была рада, что Америка не участвует в войне, благодарила Бога за то, что моя семья никак не связана с войной, и просила поскорее закончить ее и избавить нас от Гитлера. Я не молилась за его смерть — это было бы не по-христиански, — но лишь за то, чтобы его каким-нибудь образом остановили. Хотя, похоже, мои молитвы не очень помогали: с каждым днем война лишь разгоралась.

Правительство размещало крупные заказы на товары, и Джину не составило большого труда найти работу. Он устроился на небольшой заводик в первый же день. Джордж через Джона договорился с бригадиром и написал Джину рекомендательное письмо. Узнав, что Джин — сын Джорджа, бригадир хлопнул его по спине и отправил работать. Как и в Миссури, Джорджа все любили, и со временем я поняла, что Джин унаследовал обаяние отца: похоже, и его тоже все полюбили. Я была рада, что Джину достался талант отца ладить с людьми, а не умение Бада попадать в неприятности. И еще я гордилась тем, что он перенял от меня мое трудолюбие. У нас в семье говорили, что Бог любит работящих. Мне всегда было интересно, как он относится к Джорджу.

Джин принес домой первую недельную зарплату в конверте, отсчитал на кухонном столе и половину отдал мне. Когда я не взяла, он сам вложил деньги в мою руку.

— Я теперь взрослый, мам, мне почти двадцать лет, — сказал он мне. — Я должен платить за свое содержание.

Я почувствовала, как в горле застрял ком, и по щеке скатилась слеза. Одной зарплаты Джорджа и денег, что Джин присылал, служа в «Гражданском корпусе», едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Иногда мы целыми неделями ели одни бобы.

— Я не ожидала, что ты так поступишь, — сказала я.

— Знаю, но я ем больше всех, жгу электричество, и ты штопаешь мне одежду. Я просто возвращаю тебе долг. Что еще

мне с ними делать?

— Ступай в банк и открой сберегательный счет. Каждую неделю откладывай по чуть-чуть. Неизвестно, когда вдруг понадобятся деньги.

— Отличная мысль. Я и сам хотел начать откладывать. Наверное, теперь с банками все будет в порядке. Не слышал, чтобы какой-нибудь из них обанкротился.

— А на что ты хочешь копить, Джин?

— Увидишь, — улыбнулся он.

На следующий день он отправился в банк. Там ему дали книжку, и каждую неделю он клал на нее деньги. Ему нравилось, когда кассир записывал сумму, подводил итог и вносил его в свою книгу.

Я подумала о своей шкатулке в глубине ящика — не открыть ли и мне счет в банке? Джордж был не из тех, кто сует свой нос в чужие дела, но Пол лез повсюду. А вдруг он найдет мои деньги и расскажет о них Джорджу? И я отправилась в банк, открыла счет и спрятала сберегательную книжку в Библию. Уж туда-то Пол точно не догадается заглянуть.

В свой 49-й день рождения, в 1941 году, я узнала, на что копил Джин. После смерти Джеймса никто не заботился о моем дне рождения.

Бесси испекла свой фирменный торт, потом зажгли свечи, и все спели мне песенку. Максин подарила голубой платок. Бетти Сью скопила деньжат, что заработала нянечкой, и купила мне красивый домашний халат. Даже Пол нарисовал открытку. Джордж съел два куска торта, улыбнулся мне и поздравил с днем рождения. Потом все посмотрели на Джина, который тоже улыбнулся и кивнул Джону. Оба они вышли из дома — я не знала, радоваться мне или печалиться.

Через минуту грузовик Джона подъехал к заднему крыльцу, и они с Джином выгрузили из него электрическую стиральную машинку и отнесли в подвал.

Потом поставили стул, чтобы я села и смотрела, как они подключают ее и показывают, как ею пользоваться. Это было потрясающе! Через шланг они пустили горячую воду. Вместе с машинкой я получила стиральный порошок — больше не нужно было нарезать хозяйственное мыло в воду! Они отмерили порошок, насыпали его и положили внутрь кое-какую одежду. Когда машинку включили, трубка в центре завращалась, а выключив ее, они достали одежду — по одной — и пропустили через отжималку в верхней части машины. Джин погрозил мне указательным пальцем:

— Смотри, будь осторожна, когда отжимаешь, чтобы не

пропустить через эти валики свои пальцы!

С обратной стороны валиков выходила чистая, выжатая одежда и падала в мойку, которую Джин наполнил холодной водой для полоскания. Он немного пополоскал их руками и снова пропустил через отжималку.

— А теперь можно развешивать!

Затем показал, как выводить из машинки воду. Это было самое прекрасное, что я когда-либо видела! У Бесси уже была машинка, но гордость не позволяла мне попросить ею воспользоваться. Я тайком поглядывала на стиральные машинки «Сирс Ройбак», даже и потратить на такую свои скромные сбережения, но даже помыслить не могла, что стиральная машинка появится у меня так скоро.

Я сидела и плакала. С восьми лет я стирала в лохани со стиральной доской, иногда на шестерых человек. Таскала воду из колодца, чтобы наполнить корыта, а закончив, поливала этой водой огород, чтобы убить вредителей.

У Джина глаза тоже блестели: видно, что он понимал, как много это для меня значит.

В ту ночь я с особым жаром поблагодарила Бога за него, за лучшего сына, о котором только можно мечтать.

После смерти Джеймса я никогда не была так счастлива. Дети мои были счастливы. Даже Баду с его бесшабашным характером нравилось в армии. У Джина была хорошая работа, и кажется, он уже вполне поправился после падения, и почки его больше не беспокоили. Бетти Сью любила своих подружек и хорошо училась в школе. Джордж и Джин работали на стабильной работе и приносили домой неплохие деньги, которых хватало на оплату счетов и на все необходимые продукты. Мне нравился мой современный дом, с водопроводом, туалетом внутри, газовой плитой, а теперь еще и электрической стиральной машинкой.

Лишь мысли о Поле не давала мне покоя. Он был своенравным и не хотел ходить в школу, только сидел у окна по несколько часов, уставившись в одну точку. Друзей у него не было. Всякий раз, когда я пыталась заставить его ходить в школу или в церковь, Джордж велел мне оставить его в покое, и я обычно слушалась.

Джин работал на заводе в первую смену, вставал в пять утра и приходил домой в три — одновременно с Бетти Сью. Я готовила им быстрый полдник, чтобы перекусить до ужина, они садились на кухне и начинали обсуждать прошедший день. Не считая редких вспышек, которые всякий раз напоминали мне ее бабушку, Бетти Сью была жизнерадостной девочкой, ей тоже перепало в

наследство отцовское обаяние: она легко заводила друзей и любила учиться.

Глава 40

Летом 1941 года президент Рузвельт снова объявил призыв. Хотя Джину было уже двадцать, его не призвали. Я затаила дыхание в ожидании первого раунда призыва. У нескольких наших соседей сыновья ушли на фронт. Сама мысль о том, что мой бесценный мальчик уйдет на войну, пугала меня. Бад уже служил в армии, и мне казалось, что этого достаточно.

О войне в Европе я читала каждый день. Президент направлял Британии всю возможную помощь, дал ссуду на миллиард долларов. Я даже представить себе не могла такие огромные деньги, но по окончании войны они должны были их вернуть. Мне нравился президент Рузвельт, и я знала, что он поступает правильно. Ведь гораздо лучше помогать таким образом, чем отправлять на войну наших ребят.

Я надеялась, что денег и припасов, отправляемых Америкой за море, будет достаточно. Если Джин снова покинет нас, с ним уйдет и вся радость моей жизни. Тогда я еще не знала, что то, чего следовало бояться, было вовсе не за океаном.

Однажды Джин пришел с работы и сел за стол, я нарезала несколько ломтиков ветчины и сделала ему сандвич. Шестнадцатилетняя Бетти Сью ворвалась в комнату, а следом за ней вошло самое красивое создание, что я когда-либо видела — красивее любой кинозвезды из журналов.

Бетти Сью схватила девушку за руку и втащила на кухню.

— Мам, это моя подруга Эвелин, мы учимся в одном классе. Эвелин, это моя мама и мой брат Джин.

— Здравствуйте, — сказала девушка, робко улыбаясь и не поднимая глаз.

— Здравствуй, Эвелин, — сказала я. — Могу я тебя чем-нибудь угостить?

— Нет, спасибо, миссис Фоли, я в порядке. Я всего на минутку, потом мне надо домой, помочь маме с другими детьми.

Я вдруг поняла, что пялюсь на нее. Эвелин была где-то пять футов и четыре дюйма ростом[12], и для такой стройной девушки у нее была довольно большая грудь. Бедра у нее были округлые, талия тонкая. Каштановые волосы отливали на солнце рыжим и струились по спине, до пояса. Глаза были глубокого синего цвета, ресницы густые и длинные, а личико — овальное с пухлыми губками и точеным носиком. Я кое-как заставила себя отвернуться, но когда сделала это, то увидела то, что испугало меня.

Джин смотрел на Эвелин так, будто бы вошел в транс.

Глава 41

С тех пор Бетти Сью приводила Эвелин домой раз или два в неделю, и Джин вился вокруг нее, как щенок. Пытался с ней заговорить, но едва мог связать слова. Было видно, что ему нелегко скрывать свои чувства. К концу месяца он был безнадежно влюблен.

Шли месяцы, и любовь крепла, но я делала все, чтобы не оставлять их наедине. Может быть, я ревновала. Себя же я убедила в том, что они оба еще слишком молоды.

Я уповала лишь на то, что Эвелин, похоже, не подозревает о его чувствах. Она приходила к Бетти Сью, и они вместе читали о любимых кинозвездах или сидели на крыльце, смеялись и обсуждали какую-нибудь подростковую ерунду. Джин старался быть с ними как можно дольше, пока Бетти Сью не начинала жаловаться, что нигде-то ей нет покоя. Пол тоже был влюблен в Эвелин и все стоял у окна в кухне и смотрел на девочек, сидевших на крыльце.

Иногда девочки убегали в комнату к Бетти Сью и принимались творить на голове разные прически. Ни одной из них пока не разрешали пользоваться косметикой, но зато можно было закалывать волосы, как Джоан Кроуфорд или Мерл Оберон, а потом они спускались на кухню, чтобы мне показать. Я говорила им, что они прекрасны, как звезды, — Эвелин такой и была. Ни одна из звезд Голливуда ей и в подметки не годилась, и это даже без косметики.

Эвелин

Джин

Когда девочки были наверху, Джин сидел на крыльце и ждал их. Меня немного утешало то, что Эвелин было всего шестнадцать, как и Бетти Сью, и наверняка от женихов у нее отбоя не было. Я надеялась, что кто-нибудь отвлечет ее внимание от Джина. И вскоре так и произошло.

Эвелин начала встречаться со старшеклассником из школы, где они с Бетти Сью учились, и перестала так часто приходить к нам. Джин целый день сидел за столом, расстроенный. Эвелин не появлялась у нас уже несколько недель, когда он наконец решился спросить у сестры:

— Почему ты больше не приводишь к нам Эвелин?

Бетти Сью дожевала кусок сандвича и ответила:

— Они с Бобби Хадсоном каждый день встречаются в кондитерской. О них теперь все говорят.

Я видела: сердце у Джина разбито. И хотя мне было досадно видеть, как он страдает, но все же в глубине души я вздохнула с облегчением. Может быть, эта девушка никогда больше не вернется в нашу жизнь. Я продолжила готовить, не произнеся ни слова. Джин оставил на тарелке сандвич, встал и вышел на заднее крыльцо.

Из окна я видела, как он сидит в кресле-качалке, совершенно неподвижно, и смотрит в пространство. Пол громко хохотнул, заплевав стол едой.

— Думал, у него вагон времени, а теперь вот его списали.

Я уставилась на Пола: может быть, он умнее, чем я думала.

Джордж приходил с работы почти в шесть вечера и ни разу не встречался с Эвелин, поэтому он и понятия не имел о том, что его средний сын безнадежно влюблен. Но когда прошло несколько дней, а Джин все ходил по дому с траурным видом, Джордж понял, что что-то не так.

Однажды вечером он дождался, когда мы отправимся спать, и спросил меня:

— Что стряслось с Джином? Он уже несколько недель мрачнее тучи и даже не хочет со мной поговорить.

— Влюбился в девочку, а она встречается с другим.

— Что за девочка? Никогда не слышал, чтобы он о ком-то говорил.

— Эвелин Мэйс, подруга Бетти Сью.

— Никогда ее не видел. Если она подруга Бетти Сью, почему я ее не знаю?

— Она бывала у нас недолго после школы. Всегда говорила, что ей нужно домой, помогать матери с другими детьми. К твоему приходу ее уже не было.

— Что ж, если она встречается с другим, придется с этим смириться. Девчонок-то море. Он умный, красивый, с хорошей работой. Сколько это еще будет продолжаться?

Я повернулась к нему спиной.

— Не знаю, Джордж, не знаю.

Глава 42

Воскресенье 7 декабря 1941 года я до сих пор помню в мельчайших подробностях. Мы с Бесси были в гостиной, строили планы на Рождество. Бетти Сью с Максин на втором этаже разглядывали новый номер журнала «Серебряный экран», Джордж с Полом дремали, Джин читал у себя в комнате.

Вдруг я услышала крики с улицы. Мы с Бесси выбежали на крыльцо. В переулках и на главной улице кучками собирались люди, громко разговаривали, размахивая руками, мужчины потрясали кулаками в воздухе, несколько женщин плакали.

Бесси подошла к группке людей и спросила, в чем дело, а когда вернулась, лицо ее было белым и все тело тряслось. Я со страхом ждала новостей.

— Мод, японцы разбомбили флот в Перл-Харборе, — сказала она, схватив меня за плечо.

— А Перл-Харбор — это где? — спросила Бетти Сью.

— На Гавайях, — ответила Бесси.

— И что это значит? Что теперь будет? — спросила Максин.

Я посмотрела на нее, потом на Бесси. Ответа у меня не было.

Бесси нахмурилась.

— Не знаю, но скоро мы это выясним. Пойдемте в дом.

Мы включили радио и стали слушать новости, а я думала лишь об одном: Джин.

Новость повторили несколько раз по разным радиостанциям. Где-то через час Джордж, Джин и Джон присоединились к мужчинам на улице. Поздно вечером мы все легли спать. Наверное, Пол был единственным, кто в ту ночь спал хорошо. Я лежала, не смыкая глаз и гадая, что день грядущий нам готовит. Джордж переживал за Бада, ведь он уже служил в армии. Я волновалась за Джина — он теперь был совершенно здоров и мог быть в числе первых призывников.

Лишь спустя несколько дней мы осознали всю трагичность произошедшего — почти весь Тихоокеанский флот Соединенных Штатов находился в порту Перл-Харбор, когда японские вооруженные силы, около 360 самолетов, начали бомбардировку. На часах не было и восьми утра. Они целились в корабли в порту, в американские самолеты на взлетных полосах и сухопутные войска, базировавшиеся на острове Оаху. Было потоплено или серьезно повреждено 18 кораблей и погибло 3700 человек.

На следующий день президент обратился к Конгрессу и объявил войну Японии. А 11 декабря Германия и Италия, которые были в коалиции с Японией, объявили войну Соединенным

Штатам.

Все только об этом и говорили. Даже в церкви в следующее воскресенье пастор прочитал проповедь о том, что христиане должны бороться со злом. Мужчины кричали «Аминь!», женщины согласно кивали. А я почувствовала, как сердце сжало железной хваткой. Все понимали, что рано или поздно нам придется сразиться с Гитлером, но мало кто из нас думал о Японии до того страшного дня.

На другое утро Джин не спустился к завтраку, который я уже для него приготовила. Я надеялась, что он просто проспал, но в глубине души понимала, почему он не вышел к столу. Поднявшись на второй этаж, я постучала в его комнату.

— Пора вставать, Джин, не то на работу опоздаешь!

Дверь открылась, и Джин в своем выходном костюме и галстуке, со шляпой в руке, вышел в коридор.

— Я сегодня не пойду на работу, мам. Я собираюсь пойти добровольцем на фронт.

Я застыла. Мне захотелось схватить его и никуда не отпускать. Но вместо этого я стояла и смотрела на него. Он обнял меня и крепко прижал к себе.

— Все будет хорошо, мам. Едва мы вступим в войну, как через несколько месяцев все закончится. Они что, не понимают, с кем связались? Не понимают, что им теперь конец?

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова не шли, и я лишь кивнула и вернулась на кухню. Джин спустился вслед за мной, и тут я наконец обрела дар речи:

— Только поешь перед тем, как идти. Очередь предстоит долгая — я слышала, все здоровые мужчины страны решили уйти на фронт.

Джин сел за стол и намазал маслом печеньице, а я переложила его яичницу с ветчиной с тарелки на сковороду, чтобы разогреть. Затем снова вернула яичницу на тарелку и села напротив него. Он ел так, как будто остальной мир совершенно его не заботил, а я стремилась чем-нибудь себя занять. Наконец я спросила, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно:

— Как думаешь, Джин, какую работу тебе поручат?

Он сжал губы и задумался.

— Ну, я слышал, что тех, кто служил в Гражданском корпусе, могут направить в инженерные войска — строить мосты, дороги и все такое.

От этих слов мне немного полегчало. Может быть, если он будет строить мосты, его не убьют. Я вздохнула и повернулась к нему.

— Джин, у нас и так уже Бад в армии — его точно отправят

на фронт. Может, хоть ты останешься?

— Мам, ну как я могу остаться? — спросил он потрясенно. — Я *должен*, не то мне будет стыдно людям на глаза показаться. Все мои ровесники без семьи обязаны пойти на фронт.

Я кивнула.

— Я тебе уже обед приготовила — можешь взять с собой. Может, весь день там просидишь, и неизвестно, будут ли вас кормить.

Он встал, снова обнял меня и поцеловал в щеку.

— Как только все закончится, я сразу вернусь домой. Не волнуйся, все будет хорошо.

Он взял корзинку с обедом и быстро пошел к двери. Я стояла и смотрела на него.

— Не волнуйся, — повторил он.

Через несколько минут в кухню вошел Джордж и принялся жарить себе бекон.

— Джин пошел записываться в добровольцы, — сказала я.

— Знаю, — зевнул в ответ Джордж. — Он сказал мне вчера вечером — считает, что так будет правильно.

У меня не было слов. Джордж знал об этом со вчерашнего вечера и не сказал мне ни слова, даже не попытался меня подготовить? А потом даже не потрудился спуститься и попрощаться с сыном.

Я уставилась на ручку чугунной сковороды, на которой шипели ломтики бекона. Мне захотелось схватить ее и стукнуть Джорджа по голове. В тот момент я по-настоящему ненавидела его.

Потом мне стало стыдно. Казалось, что с каждым днем я была все дальше от состояния благости. Нужно молиться с удвоенной силой, чтобы Бог простил меня и помог стать истинной христианкой.

Джин вернулся домой мрачнее тучи. Ему присвоили категорию 4F — травма, полученная в Гражданском корпусе, была слишком тяжелой, и его не взяли на фронт. Я едва могла совладать с эмоциями: мне было радостно оттого, что он не пойдет в армию, но в то же время жаль Джина. Отказ его ужасно расстроил. Мне было стыдно, что в глубине души я радовалась этому отказу, но в то же время боялась за его здоровье. Оказывается, травма была такой тяжелой, что даже в военное время он не мог послужить своей стране.

Бад вернулся домой на побывку и сообщил, что его не отправят сразу за море. Он был уже опытным военным и нужен был здесь, чтобы обучать сотни тысяч человек, записавшихся в добровольцы после бомбежки Перл-Харбора. Теперь его

переводили в Форт-Нокс, штат Кентукки.

Бад гостил у нас две недели и почти каждый вечер уходил пить и гулять. После первой ночи я закрыла дверь, когда его не было дома. Вернувшись, он так барабанил, что перебудил весь дом. Джордж было встал с постели, но я схватила его за руку.

— Ляг обратно, Джордж. Я не потерплю пьяницу под своей крышей. Если хочет здесь жить, пусть протрезвеет и тогда возвращается.

— Ты не можешь его выгнать, Мод. Если он уедет на фронт, его там могут убить. Каково тебе будет тогда?

— Никто его в Кентукки не убьет, если, конечно, он не будет надираться тамошним самогоном. Пусть хоть в гараже спит, но пьяного я его в дом не пущу.

Джордж встал с постели и так и стоял в своих длинных кальсонах.

— Мне все равно, что ты скажешь. Я не допущу, чтобы мой сын среди зимы спал в гараже.

Тут и я встала.

— Скажи, пусть спит в Джоновом грузовике. У него в крови столько алкоголя, что не замерзнет.

Джордж покачал головой:

— Я не могу, Мод. Это мой мальчик, и это я плачу здесь ренту, а не ты. Я не позволю ему спать на улице, но предупрежу, что, если он в будущем хочет спать в доме, пусть приходит трезвым.

Может быть, Джордж так и сказал, но на Бада это не подействовало. До самого последнего дня своего отпуска он приходил домой пьяным. Не напился Бад только перед отъездом в Кентукки. Джордж с Джоном отвезли его на станцию и проводили. Я с ними не поехала и даже не приготовила ему еды в дорогу. Я была рада, что он уехал. В тот вечер я попросила Господа помочь мне справиться со своими чувствами — вернее, с их отсутствием — к старшему сыну и прекратить ненавидеть Джорджа за то, что рядом с ним я чувствовала себя беспомощной, как будто в собственном доме не имела права голоса.

Джин с Бетти Сью никогда ни в чем меня не расстраивали, зато от Бада и Пола были сплошные проблемы.

Глава 43

Однажды апрельским вечером 1942 года Бетти Сью пришла домой, а за ней тихонько вошла Эвелин. Девочки вежливо поздоровались со мной и поднялись в комнату Бетти Сью. От пребывания в доме Эвелин мне стало не по себе. Джин только что вернулся с работы и пошел мыться. Вскоре он должен был спуститься за своими сандвичами. Я надеялась, что со временем и на фоне военных событий он забыл о ней думать, но боялась, что при встрече с Эвелин его чувства оживут. С тех пор как она перестала к нам приходить, он не говорил о других девушках.

Я положила сандвичи на тарелку, добавила еще один, для Эвелин, но никто не пришел, кроме Пола. Через пару минут я вышла в коридор и пошла к лестнице. Держась за перила, я открыла было рот, но, увидев, что там происходило, не произнесла ни слова.

Джин стоял перед дверью комнаты Бетти Сью, плотно прижавшись ухом, чтобы слышать, о чем говорят внутри. Я молча смотрела на него. Из-за двери доносились голоса девочек, но слов я не разбирала. Спустя минуту Джин постучал. Дверь открыла Бетти Сью, и он вошел. Я не двигалась с места. Сначала я услышала плач Эвелин, а затем — снова разговоры.

Когда дверь наконец открылась, я торопливо спустилась на кухню и принялась помешивать курицу и клецки, которые готовила на ужин. Бетти Сью вошла на кухню, а за ней — Джин за руку с Эвелин. Взгляд ее был устремлен в пол, и я мысленно приготовилась к плохим новостям.

Джин улыбнулся так, будто бы боялся меня.

— Мы с Эвелин женимся, мам. Завтра идем в ратушу.

Я перевела взгляд с него на Эвелин, которая продолжала смотреть в пол. Я прекрасна знала, что бороться с ними не имеет смысла.

— Хорошо, — сказала я и повернулась к ним спиной. Меня переполняла злость вперемешку со страхом за моего мальчика и за себя, но помешать этому я не могла. Джин был твердо намерен жениться на этой девушке.

В детстве мама каждый вечер укладывала меня спать и произносила за меня мои первые молитвы. Когда я немного подросла, она стала слушать, как я сама молюсь. После смерти мамы я каждый вечер молилась в одиночку, всю свою жизнь. В ту ночь, приготовившись к молитве, я внезапно передумала и отложила ее на другой день. Впервые в жизни я отправилась спать, не пообщавшись с Господом. Я поняла, что никогда мне не

стать истинной христианкой, и почувствовала, как в сердце проклюнулись ростки ненависти к этой красавице, в которую без памяти был влюблен мой сын. Я была уверена: Эвелин принесет нам горе.

Они поженились в пятницу, в городской ратуше, а на следующий день родители Эвелин привезли ее одежду и другие вещи в наш дом. Тогда я увидела, в кого пошла Эвелин: ее отец был очень красивым, высоким и хорошо сложенным. У него были черные волосы, карие глаза и точеные черты лица, свидетельствовавшие о том, что в его жилах текла кровь индейцев чироки. Прекрасная мать Эвелин выглядела намного моложе меня. У нее были золотисто-каштановые волосы и ярко-синие глаза и округлые формы, которые, должно быть, когда-то были такими же, как у Эвелин, но время и роды придали им приятную зрелую полноту.

Джордж поздоровался с ними, и они с Джином попытались создать родителям Эвелин комфортную обстановку. Отнеся вещи Эвелин на второй этаж, в комнату Джина, Джордж попросил их присесть и предложил кофе. Они немного посидели на кухне и поговорили о своих семьях.

Мужчины сразу нашли общий язык — обаяние Джорджа действовало безотказно. Отца Эвелин звали Смит, а его жену — Ола.

Смит налил немного дымящегося кофе на блюдце, чтобы остудить, и принялся отхлебывать маленькими глотками. Я решила, что он плохо воспитан, но промолчала. Джордж рассказывал о нашем путешествии в Детройт, а Смит кивал.

— Мы перебрались из Сильвер-Пойнта, это на востоке Теннесси. У меня там была маленькая ферма, и мы, как могли, разрабатывали ее, но земля была плохая. На некоторых участках ландшафт был такой крутой, что мы едва не падали.

Мужчины рассмеялись шутке, и когда Смит, покачнувшись, чуть не свалился со стула, я поняла, что отец Эвелин выпил. Это привело меня в бешенство — ведь еще не было даже полудня!

А Смит все рассказывал:

— Мы старались держаться, как могли, но дождя не было, и урожая тоже. Наконец, когда издохла корова, мы сдались. Детей у нас было много, а без молока им нельзя, и на новую корову денег тоже не было. Мне удалось немного заработать на продаже самогона, но потом пришли из управления и сломали аппарат. На новый денег не было. Так мы перебрались сюда. Друг устроил меня в «Юнайтед Раббер Компани».

Я не выдержала и выпалила:

— Вы гнали самогон?

Смит понял мои чувства и пожал плечами.

— Мы жили в холмистой местности. Если нужно прокормить семью, сделаешь все что угодно. Нет урожая — продаешь виски. Первый аппарат у меня появился в двенадцать лет — это означало, что я уже взрослый. Школу пришлось бросить и целыми днями трудиться на ферме, как мой отец. Он научил меня, как пахать холм, как ухаживать за скотиной и как делать кукурузный ликер. У каждого фермера в округе был перегонный аппарат. Конечно, ты до последнего молишься, чтобы он не пригодился, но когда все-таки решаешься им воспользоваться, то благодаришь Бога за то, что дети твои не ходят голодными.

В голосе его не было ни смущения, ни извинения.

На это мне нечего было возразить. Я и не думала, что такое может быть: дети бросают школу, чтобы гнать самогон. У нас в городе такого бы точно не потерпели. Должно быть, в Восточном Теннесси жили совершенно иначе, чем в Западном.

Все вдруг почувствовали себя неловко. Смит отодвинул чашку и блюдце и встал.

— Спасибо тебе за все, — сказал он, глядя прямо в глаза Джину, который встал, обняв Эвелин за талию, и кивнул. — Мы это очень ценим.

Джин тоже кивнул, покраснев при его словах.

Я знала, Мейсы были рады, что Эвелин вышла замуж, будучи беременной. В 1942 году было неслыханно родить вне брака. О таких женщинах говорили, что они «влипли», а на семью смотрели свысока.

Я не могла заставить себя быть вежливой с ними, не могла отделаться от мысли, что если бы они лучше следили за свой дочерью, ничего подобного не произошло бы.

Вся эта ситуация была неловкой, и я испытала облегчение, когда они ушли. Я осталась на кухне, пока Джордж, Джин и Эвелин вышли проводить их к машине. По дороге Джордж все беседовал со Смитом, пока наконец машина не отъехала. Когда Джин и Эвелин отправились в теперь уже их комнату, Джордж с сердитым видом повернулся ко мне:

— Мод, что, черт возьми, на тебя нашло? Ты могла быть и повежливее.

— Ты знаешь, как я отношусь ко всей этой истории, — скрипнув зубами, хмуро отвечала я, едва не крича. — И мало нам этого, так он еще и напивается здесь!

— Тише! Хочешь, чтобы Эвелин тебя услышала?

— Пусть слушает! И отцу своему пусть передаст, что если хочет к нам приходить, то пусть приходит трезвым!

— Он не был пьяным. Он выпил-то всего пару рюмочек. Ему

нелегко — такое случилось, к тому же я и сам иногда выпиваю пару кружечек пива.

— Не думаю, что он пил пиво, и я отлично знаю, что и ты пьешь, Джордж, и всегда пил, но знаешь, что? Меня это тоже бесит!

Джордж открыл рот, чтобы еще что-то сказать, а потом лишь в отчаянии всплеснул руками, повернулся и вышел из дома.

Глава 44

Эвелин ела наравне с мужчинами и с каждым днем все поправлялась. Джин пылинки с нее сдувал, ежедневно приносил домой подарочки, покупал ее любимые конфеты — как прежде приносил мне. Когда они были в одной комнате, он то и дело касался ее: клал руку ей на плечо, на талию или держал Эвелин за руку. Было видно, что она не отвечает ему взаимностью. Сколько лет я мечтала о том, чтобы Джордж вот так прикасался ко мне! И мне хотелось влепить Эвелин пощечину за то, что она этого не ценит.

Все мужчины в доме обожали Эвелин, в том числе и Пол. С Джорджем она немедленно поладила, они вместе смеялись над шутками, перешептывались.

Ее родители появлялись у нас редко. Когда Джордж спрашивал о них, Эвелин отвечала, что матери некогда, ведь у них столько детей. С родителями остались еще шестеро, включая одного грудничка. Следить за ними была самая настоящая работа, полный рабочий день, несмотря на то, что Фрида — самая старшая после Эвелин — постоянно помогала матери.

После переезда Эвелин к нам ее отношения с Бетти Сью охладели. Я понимала причину: Бетти Сью вытеснили в собственном доме, отняв у нее внимание отца точно так же, как меня лишили внимания Джина. Иногда, когда Джин и Джордж суетились над Эвелин, повторяя, какая она хорошенькая или что-то в этом роде, Бетти Сью убегала наверх и хлопала дверью. Я слышала, как она крушит свою комнату. То и дело Джордж с Эвелин обменивались колкостями, и я видела, как Бетти Сью сжимала кулаки. Если бы она не боялась реакции Джина, то наверняка дала бы Эвелин по носу.

Пол всюду ходил за Эвелин по пятам. Ему уже исполнилось четырнадцать, и он на все был готов, лишь бы привлечь ее внимание: корчил рожицы, словно шестилетний, стоял на голове в углу, глупо шутил, чтобы она рассмеялась.

К концу августа Эвелин весила почти 200 фунтов[13], а ведь 28 августа ей только исполнилось восемнадцать.

17 сентября у нее начались схватки, и Джин побежал к Бесси — вызвать врача по телефону. Мы в семействе Фоли считали каждую копейку, чтобы оплатить счета и собственную машину, поэтому телефон был нам не по карману.

Джину велели отвезти ее в частную клинику на Гроссе Пойнте Фармс, в нескольких милях от Джефферсон-авеню. Были больницы и ближе, но многие были переполнены американскими

солдатами и матросами, раненными в боях на Тихом океане и в Африке.

Они взяли ее сумочку и уехали. Джина не было всю ночь. На следующий день он вернулся и все мне рассказал. Эвелин приняли в больницу, потом положили на каталку и отвезли в конец очереди из таких же каталок, стоявших в коридоре. На тот момент мест не было, но ей пообещали, что как только смогут, сразу определят ее в палату. Джин рассказал, что стоял рядом с ней и держал ее за руку. Через несколько часов сердобольная медсестра принесла ему стул и поставила к стене, чтобы он мог сесть.

Роды усилились в ту же ночь, а мест все не было.

Эвелин рожала весь день 19-го, а ребенок все не появлялся. Джин вернулся, только чтобы рассказать нам обо всем, принять ванну, переодеться и вернуться в больницу.

Своих пятерых детей я родила дома, без лекарств и без особой помощи. «Интересно, каково это — рожать в больнице?» — думала я.

Джин рассказал, что сидел на стуле в коридоре еще одну долгую ночь, а Эвелин страдала еще больше, чем в предыдущий день и ночь. Время от времени мимо проходил врач или еще кто-нибудь, поднимал простыню и быстро ее осматривал. Затем хлопал по руке и говорил:

— Не волнуйся, осталось совсем чуть-чуть, — и уходил.

Джину объяснили, что лекарств было мало, а роды — самая естественная вещь на свете, не стоит тратить на них обезболивающее, ведь кругом раненые. Когда Джин рассказал нам о ее страданиях, даже я сжалилась.

Рано утром 20 сентября, в воскресенье, схватки стали особенно сильными, а Эвелин так и не дали обезболивающего. Плач и стоны перешли в крики, и врач вызвал несколько медсестер, которые прикатили ширмы и поставили вокруг каталки, чтобы дать ей хоть немного уединения. Джина отправили в комнату ожидания, где он принялся расхаживать из стороны в сторону и молиться. Он снова позвонил Бесси, когда малыш наконец появился на свет.

Вскоре вышла медсестра и сообщила ему, что у Эвелин родилась здоровая девочка весом 9 фунтов и 4 унции[14] и что чувствует она себя хорошо, а вот ее мама потеряла много крови и повредила бедро. Эвелин наконец поместили в палату, где стояло восемь кроватей, хотя рассчитана она была на четверых.

Джина пустили к ней, и он просидел рядом еще несколько часов. Когда вошла медсестра с ребенком, чтобы Эвелин ее покормила, его выгнали из палаты. Через полчаса медсестра

вышла с девочкой, и он вслед за ней отправился в детское отделение. Там ему велели встать у окна — так он мог видеть своего ребенка. Она лежала в кроватке у боковой стены. Увидев, что он вытягивает шею, чтобы лучше ее видеть, медсестра подкатила кроватку к окну. Эвелин пробыла в больнице еще три дня, в такой переполненной палате, что медсестре с трудом удавалось проходить меж кроватями. В понедельник Джин вернулся на работу, но вечером снова отправился в больницу и был там, пока его не выставили.

Он все говорил и говорил о ребенке, как будто никогда не видел новорожденных младенцев. Каждый вечер он ненадолго заходил к Эвелин, а оставшееся время сидел, уставившись на крошечный розовый сверток в детском отделении.

Джин попросил у Бесси еще одну кровать и поставил в столовой, чтобы Эвелин, когда она приедет домой, не приходилось каждый раз спускаться и подниматься по лестнице.

В среду врач решил, что Эвелин поправилась, и их с ребенком отвезли домой на карете скорой помощи. Я встретила их у дома. Джин вручил мне ребенка, и они с Джорджем, сомкнув руки, вместе взяли Эвелин и внесли в дом.

Я отвернула покрывальце от крошечного личика, ожидая увидеть Эвелин в миниатюре. Но вместо этого увидела то, от чего едва не лишилась чувств. Девочка была копией моей Лулу: идеально круглая головка, розовая кожа. Она открыла свои синие глазки и посмотрела на меня, потом опять закрыла и заснула. На голове у нее был мягкий золотистый пушок. Она была точь-в-точь Лулу, когда ее впервые вложили мне в руки много-много лет назад.

Я не спешила входить в дом — несколько минут стояла на дорожке, затем наконец поднялась по ступенькам, села в кресло-качалку на крыльце и принялась раскачиваться, глядя на этого ребенка. Я полагала, что буду ее ненавидеть, но вместо этого сердце мое переполнялось любовью. Ее пухлые розовые щечки и белокурые волосы казались такими знакомыми, будто бы я перенеслась в прошлое и качала на руках другую девочку. Я знала, что в этой малышке нет наших кровей, и все же сердце в моей груди бешено колотилось.

Не помню, сколько времени прошло, когда Джин вышел за мной. Он протянул руки к малышке.

— Доктор сказал, что Эвелин должна кормить ее каждые три часа, даже если придется ее будить, и теперь уже пора.

Я не торопилась ее отдать, только раскачивалась и смотрела на ее личико.

— Мам, мне нужно ее забрать, — повторил Джин.

Я встала и прижала ребенка еще крепче, потом направилась к двери, и Джин открыл ее передо мной. Вместе с малышкой я прошла в столовую, где для Эвелин устроили временную спальню, и остановилась в нескольких футах от ее кровати. Эвелин выжидающе протянула руки, но я не могла заставить себя вернуть ей мой бесценный сверток. Эвелин нахмурилась:

— Отдайте мне ребенка, миссис Фоли. Мне нужно ее покормить.

Я снова прижала малышку, та проснулась и заплакала. Я все еще не отдавала девочку ее матери. Джин положил руку мне на локоть.

— Мам, отдай Донну Эвелин.

— Донну? — Звук ее имени как будто привел меня в чувство. — Так ее зовут Донна?[15]

Эвелин улыбнулась.

— Донна Ли, в честь Донны Рид, киноактрисы.

— А Ли? Это кто-то из твоих подружек?

— Нет, просто хорошо звучит — Донна Ли Фоли, — ответила Эвелин, все еще протягивая руки к малышке, которая заплакала еще громче.

Я снова посмотрела на крошечное личико и наконец вручила ее Джину, который передал ребенка Эвелин. Затем я повернулась и вышла из комнаты.

Когда я вернулась на крыльцо, Джин вышел следом и поставил стул рядом со мной. Некоторое время мы сидели молча, глядя на проезжающие машины.

Джин положил руку на мою и рассказал, что случилось в больнице.

— Не знаю, что на меня нашло, мам, но когда я увидел ребенка, во мне будто бы проснулось что-то, о чем я даже не подозревал. С тех пор я думаю о ней каждую долю секунды. Я думал, что никогда не полюблю кого-то больше, чем Эвелин, но когда родилась эта девочка… Мне все равно, чья она дочка, — она моя. Тебе это знакомо?

Покачиваясь, я кивнула:

— Это чувство — очень странное. Оно не всегда приходит, когда его ждешь, а иногда появляется совершенно неожиданно.

— Это то, что ты чувствовала, когда мы родились?

Я ответила не сразу. Отвернувшись от сына, я смотрела на дорогу, не в силах заставить себя ему соврать.

— Мам?

— Я же сказала, оно не всегда приходит, когда ждешь.

Теперь в доме было две женщины, постоянно находившиеся в центре мужского внимания. Даже Бетти Сью и Пол прониклись

любовью к ребенку. Всем хотелось ее подержать, когда Эвелин ее не кормила. Джин с Джорджем, придя с работы, сразу шли к Донне, сюсюкали и разговаривали с ней, пока не приходило время купать ее или укладывать спать.

Через несколько недель Эвелин окрепла, и ее кровать перенесли обратно в комнату Джина. Лишний вес, набранный за время беременности, мигом улетучился, и через полгода она снова стала стройной, как прежде. Сама я после каждых родов немного полнела, и с горечью думала о том, как быстро невестка пришла в форму.

Когда Эвелин желала, чтобы Джин сводил ее в кино или куда-нибудь еще, я с радостью оставалась с ребенком. Бетти Сью помогала мне по мере сил, но ей нужно было еще и учиться в школе. Я покупала продукты, готовила, стирала и гладила белье на семерых человек, убирала, в том числе и в комнате Джина и Эвелин. Сама Эвелин только кормила ребенка. Она любила поспать и почитать журналы о кинозвездах.

Как жаль, что глаза мои были уже не те и я не могла шить и расшивать платьишки для Донны, как для других моих девочек. И все равно я души в ней не чаяла. Совершая покупки, я всегда откладывала немного, чтобы что-нибудь купить ей, хотя бы это были вязаные пинетки с помпончиками.

Ребенок рос счастливым, окруженный улыбающимися и обожающими его взрослыми. К тому времени, как ей исполнилось несколько месяцев, Пол так часто носил ее по дому под мышкой, что Джордж шутил, что он так и останется в этой позе на всю жизнь. Даже я смягчилась к мальчику. Если Пол любит ребенка так же, как остальные, может быть, он не столь безнадежен?

Глава 45

В окошке нашей входной двери висел маленький синий флажок с синей звездой в знак того, что член нашей семьи ушел на фронт. Однажды в субботу, после обеда, весной 1944 года он затрепетал оттого, что кто-то постучал в дверь.

На пороге стоял мой старший сын, Бад, — теперь он обучал новобранцев. Командование, должно быть, благоволило ему по непонятным причинам, потому что он сам вряд ли подавал ребятам хороший пример. Большую часть отпуска он проводил пьяным на гауптвахте, так что мы не видели его уже два года. Он быстро обнял нас с Полом, затем сграбастал свою сестру Бетти Сью, приподняв ее и закружив по комнате. Потом он поставил ее на пол, и настал черед отца — сначала он стиснул его в объятиях, а затем сжал руку и принялся трясти так, будто не собирался выпускать.

Когда на шум спустился Джин, Бад схватил и его руку и энергично ее пожал:

— Слышал, ты теперь взрослый женатый мужчина, да еще и с ребенком? Ну, показывай зазнобу.

Джин робко улыбнулся:

— Ладно, сейчас позову.

Он подошел к лестнице и крикнул:

— Эвелин, иди-ка сюда, я тебя кое с кем познакомлю!

Эвелин высунулась из-за двери спальни:

— Минутку, Джин, я… — При виде высокого, красивого мужчины в форме рядом с Джином голос ее оборвался. Она вихрем слетела по лестнице, на губах ее сияла соблазнительная улыбка. Я же увидела выражение лица Бада и едва сдержалась, чтобы не захихикать. Как и остальные мужчины в доме, он оказался во власти ее чар.

Джин обнял ее за талию, чтобы показать, кто тут хозяин:

— Эвелин, — это мой старший брат Бад. Бад, — это моя жена, Эвелин.

Бад не сводил с Эвелин глаз. Спустя мгновение он вышел из транса, поняв, что нужно что-то сказать, и хлопнул Джина по плечу:

— И как это ты с твоей рожей умудрился подцепить такую красотку?

Повисла неловкая пауза, наконец Джордж сказал:

— Да мы просто заперли ее на кухне и отказались выпускать, пока не согласится выйти за одного из нас замуж. Я был уже занят, а Пол еще мал, вот она и вышла за Джина.

Бад взял Эвелин за руку.

— Жаль, что не получилось подержать ее подольше — не то я забрал бы ее себе.

Джин еще крепче прижал Эвелин.

— Ну, теперь-то она моя, поезд ушел.

Бад только покачал головой.

— А жаль. Вот что бывает, когда тебя отправляют за море слишком скоро.

Лицо Джорджа побелело:

— То есть как это — за море? Я думал, ты им нужен тут, новобранцев обучать?

— Все хорошее когда-нибудь кончается. Вот и ребят из Форт-Нокса теперь отсылают за кордон. Война скоро закончится. У меня двухнедельный отпуск, а потом буду готовить свою часть к отбытию.

— И куда тебя посылают? — спросил Джордж дрогнувшим голосом.

— А кто его знает? Теперь у нас все секретно. Знаешь, как говорят? Болтать — врагу помогать.

Я похлопала Бада по плечу.

— Все будет хорошо, я буду молиться за тебя каждую ночь. А сейчас приготовлю тебе ужин — проси все, что захочешь!

— Все-все?

Я улыбнулась.

— Чего бы ты хотел?

— Я бы сейчас съел кусочков десять жареной курочки с картошечкой и воздушного печенья, и еще соус — такой густой, чтобы даже не наливался!

— Будет сделано. Даже в магазин не надо ходить.

Тут Джордж обнял Бада за плечи:

— Мы с ребятами пойдем выпьем пивка, Мод. Мы скоро будем.

Сердце мое упало. Я знала: если Бад начнет пить, его не остановишь.

— Может, лучше останетесь дома, а Бад расскажет, чем он занимался все это время? Думаю, и Полу будет интересно послушать.

— Пол пойдет с нами, — ответил Джордж. — Закажем ему кока-колы. Я хочу немного похвастаться своим сыном. Он так хорош в этой форме и совсем скоро отправится служить своей стране. Я им горжусь! Только взгляни на его плечи — на них опять сержантские погоны!

Джордж вышел вместе с Бадом, все еще обнимая его за плечи. Они были одного роста и телосложения, и даже походка у них

была одинаковая. Со спины различить их можно было только по форме да по волосам Джорджа, уже тронутым сединой. Джин шел следом, а Пол вприпрыжку скакал вокруг них.

— Ужин будет к шести, — крикнула я им вслед.

Ровно в шесть я накрыла на стол. Каждые десять минут я подходила к двери и смотрела на улицу, но они все не показывались. Наконец в семь Эвелин начала канючить:

— Я есть хочу, давайте ужинать!

— Вернутся и поедят, мам, — подхватила Бетти Сью.

И вот мы, три женщины, сели за стол. Обычно я хорошо ела, но теперь просто размазывала еду по тарелке. После ужина Эвелин унесла Донну наверх, чтобы искупать и уложить спать. Мы с Бетти Сью отнесли посуду на кухню и накрыли оставшуюся на столе еду полотенцем. Мужчины съедят ее и в холодном виде, когда вернутся. Я услышала радио из комнаты Джина и поняла: Эвелин мы в этот вечер больше не увидим. Что ж, невелика потеря. Каждая минута в ее обществе была для меня сущим наказанием — говорить нам с ней было не о чем.

Джин с Полом вернулись около девяти, я встретила их в дверях.

— А где отец и Бад? — спросила я, наклонившись к Джину и принюхавшись. Пивом от него не пахло.

— Все еще в пивной, — ответил он. — Травят байки и анекдоты, а все смеются. Ну, ты же их знаешь.

— Да уж, знаю. Рада, что вам хватило ума вернуться трезвыми.

На Джина, моего славного мальчика, всегда можно было положиться.

— Ну, мы с Полом перепили «Доктора Пеппера», да, Пол? — И он ткнул брата локтем под ребра.

Пол улыбнулся:

— Ага, но после него ведь не бывает похмелья, да?

— Это точно, — согласился Джин.

Я погнала Пола к лестнице.

— Марш спать, не то не разбужу завтра в церковь!

— Не хочу я в твою церковь, — надулся Пол.

— Мне все равно, чего ты хочешь. Сейчас же ступай к себе в комнату.

Он повернулся и ворча поплелся к себе.

Джин быстро обнял меня.

— Я тоже, пожалуй, пойду, не то Эвелин начнет пилить.

Я хмуро посмотрела ему вслед. До женитьбы он ни разу не пропускал воскресную службу, но мне не хотелось будить его рано утром. Мать Эвелин была баптисткой, и девчонка

отказывалась ходить в церковь вместе со мной, хотя и с матерью тоже не ходила. А раз не ходила Эвелин, то и Джин перестал. Все свободное время он предпочитал проводить с женой и дочкой.

Я чувствовала, что это Джордж виноват в том, что моя семья неуважительно относится к посещению церкви. Это он подал им дурной пример. И на сей раз я даже не попыталась подавить проснувшееся в душе негодование.

Я отправилась в постель, но лежала без сна, прислушиваясь в ожидании Джорджа и Бада. Было уже за полночь, когда я услышала, как они громко распевают песню и, спотыкаясь, поднимаются по лестнице. Я почти бросилась им навстречу.

Когда они вошли, я встала перед ними. Поддерживая друг друга, они не обращали на меня внимания; от них за версту несло пивом и сигаретами. Бад практически упал на диван и тут же заснул. Джордж снял с него ботинки и укрыл одеялом. Я вернулась в постель.

На другое утро я рано встала и оделась, чтобы идти в церковь. Пол отказывался вставать и отпихивал мою руку, когда я дергала его за ногу, чтобы разбудить. Наконец я сдалась, и мы с Бетти Сью пошли к соседям и отправились в церковь вместе с Бесси и ее семьей. Я была благодарна Бесси за то, что она не расспрашивала меня о мужчинах: наверняка слышала, как они вернулись.

В понедельник Джорджу нужно было на работу, поэтому в воскресенье вечером Бад ушел гулять один.

В понедельник вечером Джордж приехал с работы на грузовике Джона и привез с собой полный комплект постельного белья — купил подержанное у одного из рабочих завода.

— Зачем это, Джордж? — спросила я.

— Постелю Баду в подвале. Не хочу, чтобы он спал на этом диване — он ему слишком короток.

— Да ведь он пробудет здесь всего пару недель, к тому же все это время он будет пьянствовать. А потом куда мы это денем?

Джордж сердито зыркнул на меня:

— Он идет на войну, Мод! И если выпивка помогает ему расслабиться и забыть свой страх, я не против. Мне и самому страшно. Вот он уйдет, и мы, может быть, никогда больше не увидим нашего мальчика, поэтому, пока он с нами, я буду обращаться с ним как должно.

Всплеснув руками, я вернулась на кухню.

Каждую ночь Бад приходил домой пьяным. По пятницам и субботам Джордж уходил гулять вместе с ним.

Две недели пролетели, а Бад все не спешил возвращаться в часть.

— А тебе не влетит? — спросила я.

— Не-е. Мы со стариком друзья — я ему как-то жизнь спас.

— Это как?

— Собрал как-то новобранцев на стрелковом полигоне, а старик пришел нас проверить. У одного из новичков снесло крышу, он наставил ружье на старика и заявил, что сейчас его убьет. Тогда я встал между ними и сказал, что сперва придется застрелить меня.

— О, Бад! Какой ты храбрый!

— Да нет, я просто знал, что парень перепугался и не хотел идти на войну. Я побеседовал с ним, пока он не успокоился. Наконец он опустил ружье, и его отвели в санчасть. Больше мы его не видели. С тех пор старик все делает, чтобы облегчить мне жизнь. Потому мне и погоны вернули.

Однажды вечером, в конце третьей недели, в дверь постучали двое военных — пришли к Баду. Он еще спал, а когда я его позвала, спустился и поприветствовал их, словно старых друзей. Они хлопали друг друга по спине и шутили, как братья, которые давно не виделись. Я не верила своим глазам. Как и отец, Бад мог и птиц в лесу очаровать.

Потом все трое куда-то ушли и вернулись только под утро. Один спал на диване, Бад на полу, а третий — в постели Бада. На следующий вечер они отправились пить, а потом снова и снова.

Потом пришли еще двое, Бад поприветствовал и их так же сердечно, как и первых двух. «Он что, со всем лагерем подружился?» — невольно спрашивала я про себя. Поскольку за эти годы его не раз лишали погон, я сделал вывод, что у Бада сложились близкие отношения со многими рядовыми. Эти двое, должно быть, имели более строгие указания и от пива отказались. Наконец Бад собрал свои вещи, и все пятеро уехали. Перед этим Бад обнял всех членов семьи, пожал нам руки и пообещал писать.

Джордж стоял на крыльце и смотрел вслед машине, в которой его старший сын уезжал в Кентукки, а оттуда — на войну. Он долго не возвращался в дом, а когда вернулся, то пошел прямиком в подвал и не появлялся, пока не пришла пора ложиться спать, чтобы встать в понедельник утром. Я занималась своими делами. Я знала, что утешать его бесполезно, и пообещала себе, что буду поминать Бада в своих молитвах каждый вечер — не только ради Бада, но и ради Джорджа.

Глава 46

Однажды, спустя несколько недель после отъезда Бада в Форт-Нокс, я как раз собиралась пойти за покупками. Надела шляпу, Пол взял холщевые сумки, в которых мы обычно носили продукты.

— Скажи отцу, что я готова, — велела я ему. Пол выбежал на улицу. Джордж был в гараже Бесси и Джона — смотрел, как Джон возится с грузовиком.

Я вышла на крыльцо как раз в тот момент, когда к дому подъехала машина с гербом. Я застыла. Из автомобиля вышли двое людей в военной форме. Один из них, офицер, держал в руках конверт. Он посмотрел на него, затем — на дом. Мы встретились глазами, и мои ноги вдруг стали ватными, я прислонилась к дверному косяку.

— Скорее позови отца, — сказала я Полу.

— Зачем? Я думал, мы пойдем в магазин.

— Иди за отцом, я сказала! — повторила я сквозь зубы, крепко стиснув его плечо. — Живо!

Глаза у Пола расширились, и он побежал в соседний дом.

Двое мужчин подошли ко мне и остановились у ступенек. Я молча ждала.

Тут из-за дома вышел Джордж.

— Что такое, Мод? Пол сказал, чтобы я немедленно шел сюда. А я как раз рассказывал Джону… — Увидев форму, он умолк на полуслове, поднялся по ступенькам и обнял меня за талию. Мне показалось, что он скорее сам ищет поддержки, чем хочет дать ее мне. Впервые после отъезда Бада он до меня дотронулся.

Солдаты сняли шляпы, и офицер вышел вперед.

— Мистер и миссис Фоли?

Джордж наклонился ко мне.

— Да, это мы. Наверное, вам лучше войти.

Как раз в этот момент из-за гаража вышел Джон с гаечным ключом в руке. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, увидев машину и людей, снова закрыл его и побежал домой. Я знала: он сейчас приведет Бесси. Она была так нужна.

— Давайте пройдем в дом, — хрипло предложил Джордж, потом отступил и открыл дверь, чтобы пропустить меня и солдат.

Мы вошли в гостиную. Пол единственный не понимал, что происходит. Я сняла шляпу.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Могу я предложить вам выпить?

— Спасибо, мадам, не нужно.

Они оба сели на диван. Я присела на краешек стула, Джордж встал рядом. Я чувствовала, как его трясло. Молча вошли Бесси и Джон. Бесси сжала мою руку.

Один из мужчин прокашлялся.

— Мне очень жаль вам об этом сообщить, но ваш сын Уильям Джеймс Фоли погиб при исполнении служебных обязанностей.

— Как это случилось? — сдавленно всхлипнув, спросил Джордж.

— Они направлялись в порт, чтобы затем проследовать на фронт. Ехали на станцию вместе с другими солдатами. Грузовик наехал на яму, и он вывалился из него и попал под другой грузовик, шедший следом. Но вы все равно должны им гордиться. Пусть он и не погиб на фронте, но послужил своей стране, поэтому это все равно что погиб в бою.

Я не спросила их, но про себя подумала — интересно, пил ли Бад перед этим? Разумеется, они мне не ответили бы, даже если так и было.

Они еще что-то говорили — когда тело привезут домой и что нам полагается от государства. Когда встали, офицер вручил мне конверт, и они удалились. Джордж проводил их к машине. Я видела в окно, как он пожимает им обоим руки. Какое-то время он постоял, глядя вслед отъезжающему автомобилю, а потом вернулся в дом.

Бесси и Пол плакали. Джон с Джорджем сдерживали эмоции. Я сидела, уставившись в пространство, а когда Бесси попыталась меня утешить, отмахнулась.

Джон похлопал Джорджа по плечу.

— Соболезную, Джордж. Я знаю, как ты любил Бада.

Джордж кивнул, не в силах произнести ни слова.

Джон с Бесси ушли домой, а Джордж и Пол спустились в подвал. Я сидела на стуле и чувствовала себя грешницей.

Мой старший сын погиб, а я испытывала скорее чувство вины, чем горе. За то, что когда мать Джорджа впервые дала его мне, я не почувствовала к нему ни тени любви. За то, что всю его жизнь я не любила его так, как мать должна любить свое дитя. За то, что не старалась, не приложила усилий. Почему я не любила собственного сына? Неужели только оттого, что в самый первый день мать Джорджа отняла его у меня?

Когда вошел Джин с Донной на руках, я все еще сидела. Эвелин в то утро ушла к матери, и он вернулся с работы, чтобы их подвезти. Увидев меня, Джин тотчас же понял, что что-то случилось.

— В чем дело, мам? — Он опустился рядом с моим стулом на

одно колено.

Я протянула ему письмо, он посадил Донну мне на колени и раскрыл его. Донна, похоже, уловила его беспокойство — она прильнула к моей груди и смотрела, как отец читает. Дойдя до главного, он вскрикнул, и на глаза его навернулись слезы.

— Что такое? — спросила Эвелин.

Джин отдал ей письмо и спросил меня:

— Где отец?

— В подвале, с Полом, — ответила я.

Джин, оставив Донну со мной, ушел в подвал — к брату и отцу. Я слышала их рыдания и жалела, что сама не могу заплакать, — может, мне стало бы легче.

Вместе с Донной я прошла на кухню и посадила ее на высокий стул. Она молча смотрела на меня. Я принялась готовить ужин из остатков — нам предстояла печальная трапеза.

Когда все было готово, я позвала их. Пол с Джином пришли и сели за стол. Я не спросила, где Джордж, — это и так было ясно. Мы молча поели, и Джин взял Донну.

— Пойду к Мейсам, скажу им. Они должны знать.

Я кивнула.

В ту ночь Джордж спал в подвале на постели, которую соорудил для Бада. Всю неделю он не появлялся на работе, каждую ночь напивался и приходил домой поздно. Его в любой момент могли уволить, но это было надежное место. Должно быть, в военное время ни один работодатель не остался бы равнодушным к горю человека, который потерял сына.

В воскресенье я поехала в церковь вместе с Бесси. Она всегда знала о том, что происходит в доме ее брата, и спросила меня:

— Что Джордж, пока не показывает признаков улучшения?

— Я не заметила, — ответила я.

— Я с ним поговорю, — пообещала Бесси.

Вернувшись домой, я отправилась на кухню, а Бесси спустилась в подвал. Я открыла дверь и прильнула, чтобы лучше слышать, что происходит внизу.

— Просыпайся, Джордж! — громко сказала Бесси.

Тот в ответ что-то промычал.

— Вставай, — повторила она еще громче. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Я сына потерял, плевать на все, — пробормотал Джордж.

— У тебя была целая неделя — а теперь хватит, — сказала ему Бесси. — Пьянством ты Бада не вернешь. Давай-ка трезвей и возвращайся утром на работу.

Он еще что-то пробормотал, и голос Бесси внезапно стал таким, от которого мужчины бледнели:

— А не то!..

Затем Бесси вернулась на кухню и обняла меня.

— Теперь все будет нормально.

Джордж пробыл в подвале целый день и всю ночь воскресенья. В понедельник утром он встал, приготовил себе завтрак и ушел на работу. О Баде мы не говорили.

Теперь мне кажется, что о гибели сына я горевала не меньше, чем о том, как все сложилось, но держала все в себе. Мне хотелось, чтобы мы обнялись и нашли друг в друге утешение, но этого не произошло. Мне хотелось, чтобы Джордж поговорил со мной, но когда я заводила разговор, он уходил в подвал.

Я говорила с Бесси, но этого было мало. Эта потеря была общая для нас с Джорджем, пусть я не любила сына так, как он, однако нам нужно было это обсудить. Но я понятия не имела, с какой стороны зайти, чтобы разорвать это тягостное молчание.

Синяя звезда на нашей двери сменилась золотой в знак утраты. Прошло много времени, прежде чем привезли тело Бада. Сотрудник похоронного бюро установил у нас в гостиной платформу, на которой стоял гроб — деревянный, накрытый флагом. Затем рядами расставили стулья, и соседи и прихожане церкви принесли еду и выразили свои соболезнования. Брат Элс, пастор из моей церкви, провел службу, и гроб отвезли на кладбище Форест Лон, чтобы захоронить. Солдаты выстрелили в воздух. Потом все закончилось, и мы вернулись домой.

Глава 47

Мы думали, что война скоро закончится, но она все тянулась. 6 июня 1944 года союзные войска высадились в Европе. Наверное, это давно планировалось, и именно по этой причине Бада и других ребят отправляли за море. В газетах писали об успехе операции, а я гадала про себя, сколько матерей и отцов потеряли своих сыновей.

Все, кто остался дома, работали для поддержания фронта. В нашей семье уже давно привыкли к девизу «Не выбрасывай — используй, экономь, и будет польза!». Я всегда считала, что понапрасну переводить продукты — грех, но теперь даже я старалась экономить еще сильнее.

Когда ботинки Пола износились, кожи на заплатки не нашлось, и я вырезала стельки из куска картона и проложила ватой, чтобы ботинки послужили еще. Я носила плотные хлопковые чулки вместо нейлоновых, а когда изнашивались эластичные подвязки, я закатывала их и подвязывала веревкой. Чулки служили мне до тех пор, пока не протирались на мысках и пятках, и все ноги у меня были в мозолях. Вскоре все женщины в нашем доме перешли на белые носки — они были прочнее чулок.

Наливая молоко в чашку Полу, я выжимала из пакета все до последней капли, а разбивая яйцо, вычищала из скорлупы все без остатка. Джордж дразнил меня, но мне было все равно.

Джордж тоже отдал дань патриотизму: стал меньше курить и пить пиво. Теперь он больше не покупал сигареты, а делал самокрутки, как в Миссури.

Бетти Сью в конце июня закончила школу. Я приготовила праздничный ужин, заняв у Бесси талоны, чтобы хватило сахара на торт, и устроила вечеринку на две семьи.

Дружба между Бетти Сью и Эвелин теперь осталась в прошлом, но последняя все же улыбнулась ей и поздравила. Я невольно заметила в глазах Эвелин грусть: она думала о том, чего сама лишилась. Впервые за долгое время мне стало ее жаль.

Через неделю после окончания школы Бетти Сью устроилась на работу. Работа заключалась в том, чтобы стоять на конвейере по производству джипов на заводе «Виллис». По такому случаю мы купили ей пару новых брюк в качестве рабочей одежды. Бетти Сью никогда в жизни не носила брюк, но в платье ее бы не пустили на производство. Брюки, что мы купили, были темными — чтобы не видно было потертостей и грязи. Спереди у них были стрелки, а сбоку — молния.

В понедельник Бетти Сью отправилась на работу, завязав свои

длинные черные волосы платком. Вернувшись домой, она принялась с воодушевлением рассказывать о том, как делает свое дело: каждый раз, когда мимо нее проезжает джип, она вставляет в него маленькое лобовое стекло. Я ей завидовала. У Бетти Сью будет такая жизнь, о которой я не смела и мечтать, — она будет работать вместе с мужчинами и женщинами, а главное — не сидеть дома.

К осени 1944 года Донна уже вовсю бегала по дому. Когда отец приходил с работы, она со всех ног бежала к нему. Джин подхватывал ее на руки и крепко обнимал.

Потом они сидели на кухне, и он играл с ее пальчиками в «Маленького поросенка». Девочка весело смеялась, когда отец, допев песенку, дергал ее за большой пальчик. Еще они пели про паучка и играли в «ладушки». Я смотрела на них, и сердце мое радовалось. Джин был счастлив и окружал любовью и заботой Эвелин и Донну. Может быть, я зря опасалась, что Эвелин принесет нам горе?

Бетти Сью начала встречаться с рабочим своего завода — Эллисом Маршаллом из Кентукки. Это был высокий и ладный молодой человек со светлыми волнистыми волосами, ниспадавшими ему на лоб. На вид — истинный джентльмен. Немного прихрамывал, но в остальном, похоже, был здоров. Я спросила, почему он не на фронте. Бетти Сью объяснила, что он был в армии, но повредил колено, и его комиссовали.

Тут я задумалась: может, глядя на Джина, кто-то тоже думает, что он уклоняется от службы? На вид ему нельзя было дать категорию 4F.

Однажды Бетти Сью вернулась с работы в разорванной блузке и с исцарапанной рукой. Я обработала царапину меркурохромом и спросила:

— Что случилось?

— Мы были в столовой, и эта ведьма Марис Тэверс начала строить глазки Эллису. Когда я попросила прекратить, она набросилась на меня и сказала не совать нос не в свое дело. Ну, я и влепила ей. Она дала сдачи, и мы покатились по полу. Митч, бригадир, оттащил меня от нее. Когда я поднялась, то обнаружила у себя в руке клок ее мерзких волос.

— Теперь тебе влетит?

— Нет, все, кто там был, сказали, что она первая начала. Митч спросил, хочу ли я, чтобы ее уволили, я сказала — нет. К тому времени моя злость прошла. Я бы ей все волосы повыдирала, но не желаю, чтобы из-за меня ее выгнали с работы.

— А почему ты не ударила Эллиса?

— Ну, он-то ничего не сделал, даже пытался сам от нее

отделаться.

Я помнила ее вспышки гнева с самого детства. Этой Марис еще повезло, что она отделалась всего лишь клоком выдранных волос.

Глава 48

Война все продолжалась. Когда она только началась, все были уверены, что стоит вступить в войну американцам, и через несколько месяцев она закончится. Но к 1944 году все поняли, что это будет тяжелый и долгий бой.

В своем доме я никак не могла выиграть собственное сражение: Эвелин была вечно всем недовольна. То у нее нет новой одежды; то с Донной много хлопот; то Джина долго нет — работает сверхурочно, а ее бросил одну со своей семьей; то Джин отдает мне слишком много денег, а ей — мало; то ей не нравится, как я готовлю. При этом помочь она тоже не стремилась. Да и к порядку в доме я, по ее мнению, относилась чересчур щепетильно.

У меня и у самой были претензии. Она повсюду оставляла пустые стаканы и журналы; ее жакеты вечно висели на спинках стульев, а на крючке за дверью в ее комнате накопилось столько одежды, что она не закрывалась.

Однако я молчала. Я уже отчаялась подружиться с этой девушкой и просто старалась с ней не связываться. Мне очень хотелось выяснить наконец с ней отношения, но я не решалась — боялась даже подумать о том, что будет, если Джину придется выбирать между мной и ею.

Я знала: Джин до сих пор влюблен в Эвелин и встанет на ее сторону. Так и должно быть, правда? Она ведь его жена. Я обожала ребенка, как и все семейство Фоли, даже Пол, но не могла отделаться от желания, чтобы кто-нибудь положил глаз на ее красивую и соблазнительную маму.

Однажды утром я вышла из своей комнаты как раз в тот момент, когда Эвелин спускалась по лестнице. Я была всего в нескольких шагах от нее, и вдруг меня охватило тяжелое, холодное чувство. Я едва сдержалась, чтобы не столкнуть ее, как когда-то мать Джорджа столкнула меня. Но это было не в моем характере. От осознания того, что я ненавидела кого-то так сильно, чтобы желать ему смерти, мне стало очень плохо, даже затошнило. Я вернулась к себе в комнату и попросила у Бога прощения.

С того самого дня, как Джин женился на Эвелин, я неустанно молила о том, чтобы эта ситуация как-нибудь разрешилась. Но что толку в молитвах, если они не помогают? И все же я продолжала молиться.

Однажды, сняв с сушки белье, я несла корзину с заднего двора, как вдруг услышала из комнаты Джина какой-то жаркий

спор. Я остановилась на верхней ступеньке и прислушалась. Спорили Джин и Эвелин. В ее голосе слышались требовательные нотки. Я живо представила себе ее, с капризно оттопыренной нижней губой.

— Твоя мать забирает почти все деньги, а я себе даже платье купить не могу! — кричала Эвелин. — Скажи ей, что теперь ты будешь давать ей меньше!

— Мама не забирает мои деньги, я сам их ей отдаю, — пытался Джин урезонить ее. — Если мы собираемся жить в ее доме, то должны за это платить. Здесь есть еда, электричество, газовая плита и много чего еще, что стоит денег. К тому же в этот самый момент она снимает с веревки *нашу* одежду.

— Ну, если мы такая уж обуза, то давай подыщем собственное жилье. Я ненавижу этот дом. Она смотрит на меня так, будто терпеть меня не может. Даже Бетти Сью со мной больше не разговаривает.

— Никто тебя здесь не ненавидит, Эвелин. Может быть, если ты хоть немного помогала бы по дому, они бы и оттаяли?

— У меня ребенок, а ты ждешь, что я буду за ними убирать? К тому же твоя мать — просто помешанная! Уборка, уборка, уборка! Даже стакан в раковине оставить на ночь нельзя!

— Это часть ее религии, Эвелин. Она всегда считала, что чистоплотность приближает к добродетели.

— Ну, моя мама тоже верующая, но она не проводит все свое время, отскребая и отмывая дом.

Повисло молчание, и я поняла, что Джин с трудом удерживается, чтобы не сказать то, что думает. Миссис Мэйс была та еще «чистюля». В те редкие разы, что я бывала у нее дома, там стоял жуткий бардак, а Ола обычно сидела на крыльце дома Мейсов в Сент-Поле и болтала с соседкой.

Когда она в первый раз пригласила нас в дом, я была шокирована тем, какой там был беспорядок. Все спинки стульев были увешаны куртками и пальто, на столе разбросаны учебники, а сам стол, раковина и сливная полка были завалены грязной посудой. Мне стало понятно, с кого Эвелин брала пример. Так что Джину лучше было не затрагивать этот аргумент в споре с ней.

Я отошла от их двери и отправилась к себе в комнату, не желая больше это слушать. У меня возникло предчувствие, что Эвелин не успокоится, пока не уговорит Джина съехать.

Глава 49

Пол был без ума от Эвелин и повсюду ходил за ней. Он шутил и кривлялся, пытаясь ее рассмешить, пихал себе в рот сырое яйцо, пел глупые песенки, корчил рожи, — в общем, делал все, чтобы привлечь ее внимание. Однажды за завтраком Эвелин встала из-за стола, чтобы достать молоко из холодильника. Когда она вернулась, Пол поклонился, как истинный джентльмен, отодвинул перед ней стул и широко улыбнулся. Когда она уже садилась, он вдруг выдернул стул из-под нее. Эвелин плюхнулась на пол, широко раскинув ноги и раскрыв рот.

Пол явно ждал, что она рассмеется, но когда этого не произошло, понял, что совершил ужасную ошибку.

— Прости, прости, — заплакал он.

Я подбежала и помогла Эвелин подняться:

— Пол не нарочно, Эвелин! Он бы никогда не сделал тебе больно, он просто дурачился.

Эвелин не ответила, лишь повернулась, сердито посмотрела на меня и ушла наверх. Пол вышел в гостиную и сел на стуле у окна, неподвижно глядя на машины. Когда спустя несколько минут Джин пришел с работы, то сразу почувствовал неладное. Он взял Донну на руки, чмокнул и повернулся ко мне.

— Где Эвелин?

— Наверху, — вздохнула я.

Джин тут же ушел наверх и не спускался, пока я не позвала их к ужину. За обедом он положил свою руку на руку Эвелин и объявил:

— Мы с Эвелин решили переехать. Двум семьям сложно ужиться под одной крышей.

Я смотрела в тарелку, ожидая, что Джордж станет протестовать. Но он молчал и продолжал есть.

— Ну, если вам так будет лучше, — как ни в чем не бывало отозвался он. — Джон поможет. Можем взять его грузовик.

Мне вдруг захотелось взять миску с картофельным пюре и опрокинуть Джорджу на голову. Как мы будем жить без денег Джина? Но я знала, что мои слова ничего не изменят, и весь оставшийся обед промолчала.

Чуть позже, моя посуду, я подумала о том, что, быть может, теперь, когда Эвелин уедет из нашего дома, мои нехристианские чувства к ней улетучатся. Может быть, так будет лучше для всех.

Джин подыскал небольшую квартирку в нескольких милях от Джефферсон-авеню. Так он был ближе к работе, но дальше от семьи. Они увезли с собой мебель из комнаты Джина и то, что

подарили им Ола и Смит Мейсы. Эвелин была счастлива, что у нее наконец-то будет свой дом. Она так радовалась, что мне даже стало чуточку легче расставаться со своим мальчиком, которому уже исполнилось 23 года. Может быть, если она будет довольна, то и он тоже, а ведь именно этого желает любая мать.

Джин привозил девочку на несколько часов каждые выходные, чтобы у Эвелин могла уделить время себе. Сама она никогда не приезжала, что меня совсем не печалило. Мы по очереди играли с Донной, и я готовила для Джина и Донны их любимые блюда. Этот день был для меня самым желанным: Джин, Донна и Бетти Сью были со мной.

Перед уходом Джин давал мне несколько свернутых банкнот. Сначала я отказывалась их принимать, но он настаивал — знал, что после его переезда я едва свожу концы с концами. Джордж никогда не оставался на работе сверхурочно. Знала ли Эвелин, что Джин продолжает давать мне деньги? Наверное, нет. Если бы знала, то любым способом добилась бы, чтобы он прекратил.

12 апреля 1945 года скончался президент Рузвельт, и на его место пришел Гарри Трумэн. Я молилась, чтобы он оказался хорошим президентом. Знала я о нем немного, правда, читала, что он не прочь ругнуться. Мне это не нравилось, но я решила повременить с выводами.

9 мая немцы официально капитулировали, и война в Европе закончилась.

6 августа США сбросили на Хиросиму атомную бомбу. Это было ужасно, и я видела в этом проявление Гнева Господня. Но Япония продолжала воевать, и 9 августа сбросили еще одну бомбу, теперь — на Нагасаки. Только 2 сентября японцы наконец сдались, и установился мир. Скоро наши ребята вернутся домой!

20 сентября нашей маленькой Донне исполнилось три года.

Глава 50

Однажды в пятницу, как раз перед ужином, Джин пришел ко мне. Я всегда гордилась тем, как он следит за собой, но сейчас передо мной стоял совсем другой человек. Волосы не чесаны, на лице щетина, а судя по одежде, он спал, не раздеваясь. При виде его я едва не потеряла сознание.

— Что стряслось? Что-нибудь с Донной?

— Не знаю. Эвелин попросила Смита приехать за ней. Они забрали и ее, и всю ее одежду. Она ушла от меня, мам.

— Когда?

— Во вторник вечером. Я все надеялся, что она передумает и вернется. Сегодня поехал к Мейсам и попытался с ней поговорить, но она послала одну из сестер передать мне, что теперь уже поздно. Она даже ко мне не вышла!

— Из-за чего вы поссорились, Джин?

— Не из-за чего. Мы вообще не ссорились. Буквально вчера все было нормально, а на следующий день она заявила, что нас больше ничто не связывает. — Джин вдруг сморщился, и я подумала, что он вот-вот разрыдается. — Я надеялся: если дам ей то, что она хочет, то она полюбит меня так же, как я ее, но этого не случилось. Наверное, теперь она рада, что избавилась от меня.

Он плюхнулся на стул и всхлипнул. Меня вдруг охватила волна злости. Будь здесь Эвелин, я бы ее придушила. Именно этого я боялась с того самого момента, как она переступила порог нашего дома и у Джина на лице появилось влюбленное выражение.

Я погладила его по плечу, но не могла и слова вымолвить, пока не уляжется гнев внутри. Как посмел кто-то причинить боль такому парню, как Джин? Как она могла быть такой неблагодарной? Джин спас Эвелин, когда она была в отчаянии, беременная и одинокая. Он был ей хорошим мужем, любил ее, души в ней не чаял. Видя, как ему больно, я на минуту пожалела, что не столкнула ее тогда с лестницы.

— Вы вообще не ссорились перед тем, как она ушла?

— Ну, мы поспорили насчет денег, что я давал тебе. Она справилась о моей зарплате и, узнав, что я приношу в дом меньше, чем получаю, рассердилась.

Сердце мое разрывалась от боли за моего мальчика и мысли, что в этом есть и моя вина.

— Завтра вечером я поеду к ней и поговорю. Может быть, удастся ее переубедить.

— Бесполезно, — покачал он головой. — Она не вернется.

На другое утро я отправилась в дом к Мейсам на улице Сент-Пол. Вышла Ола. При виде меня на лице ее отобразилось сочувствие.

Я попыталась улыбнуться, но вышло не очень.

— Ола, я бы хотела поговорить с Эвелин, пожалуйста!

— Входи. Я и сама пыталась с ней поговорить вчера вечером, но ничего не получилось. Она уже все решила.

Она открыла дверь и указала мне на диван.

— Присаживайся. Я ее позову.

Я сдвинула одежду, чтобы сесть.

— Эвелин, тут к тебе миссис Фоли, — позвала Ола. — Она хочет с тобой поговорить.

— А я не хочу с ней разговаривать.

Пышная грудь Олы всколыхнулась от вздоха.

— Ты хотя бы спустись и выслушай ее!

Я услышала, как Эвелин громко топает по лестнице. Наконец она спустилась и встала передо мной, скрестив руки на груди и склонив голову набок. Взгляд упрямый, нижняя губа, как всегда, оттопырена.

Я не знала, с чего начать.

— Эвелин, пожалуйста, вернись к Джину. Он тебя так любит. Он без ума от горя оттого, что вы с малышкой ушли.

— Я не вернусь. Я подаю на развод.

На развод? Она уже и о разводе подумала?

— Неужели мы никак не можем заставить тебя передумать? Джин сказал, что ты рассердилась из-за того, что он давал мне деньги. Обещаю, я больше не возьму у него ни пенни.

— Мне все равно. Поздно.

— Но на что ты будешь жить?

— Папа уже нашел мне работу, буду вместе с ним в «Раббер Компани». Выхожу с понедельника.

Работать полный день?

— Но как же Донна?

— За нее не переживайте. Мама с ней посидит.

Я поняла, что это бесполезно. Эвелин, наверное, давно уже все продумала. Получить работу в «Раббер Компани» было не так-то просто, особенно теперь, когда мужчины возвращались с войны. Я снова вспомнила о том моменте, когда хотела столкнуть Эвелин с лестницы. Второй раз за день я пожалела, что не сделала этого.

— Но ведь ты позволишь нам видеться с ребенком? — спросила я.

Эвелин склонила голову, как будто обдумывая решение.

— Конечно, когда захотите.

Я встала и направилась к двери.

— Надеюсь, ты все-таки передумаешь, Эвелин. Ни один мужчина на свете не будет любить тебя больше, чем Джин.

Эвелин ничего не сказала, лишь ухмыльнулась, поэтому я попрощалась с Олой и ушла. Когда я вернулась домой, Джин уже стоял у двери — должно быть, увидел меня в окно.

— Что она сказала? Вернется?

Я покачала головой.

— Она настроена решительно, Джин. Не думаю, что вернется.

— А ребенок? Я могу с ней видеться?

— Я спросила об этом. Она сказала, можешь встречаться с ней, когда пожелаешь. Хоть что-то. Надеюсь, она насчет этого не передумает.

— Я буду проводить с Донной любую свободную минуту.

На следующий день Джин съехал со съемной квартиры и вернулся в свою комнату. Он сказал, что хозяин квартиры совсем не расстроился, узнав, что они съезжают, — теперь, когда мужчины возвращались с фронта, спрос на жилье был высок, как никогда: хозяин мог во много раз поднять арендную плату.

Джин вернулся в семью, будто в его жизни никогда и не было Эвелин. Единственная разница была в том, что он мог видеться с дочерью. Его обязали платить алименты, и он ни разу не пожаловался мне на это. Мало того, он платил даже больше, покупая Донне одежду и обувь.

Каждую пятницу вечером он заезжал к Мейсам по пути с работы и забирал Донну с собой, а в понедельник утром, по дороге на работу, отвозил обратно.

Даже когда решение о разводе было окончательно принято, он не терял надежды, что Эвелин передумает и вернется. Иногда она позволяла ему водить себя в кино или в ресторан.

Глава 51

Однажды, спустя приблизительно год после развода, подметая дорожку перед домом, я увидела Джина, идущего от автобусной остановки. Он остановился в нескольких домах от нашего, чтобы поболтать с соседом, Генри Уиллсом. Генри знал оба наших семейства.

Они беседовали, Джин улыбался, пока вдруг тот не сказал что-то такое, отчего Джин отступил назад и едва не упал. Лицо его переменилось, он быстро попрощался и побежал домой.

Прибежав, он со слезами на глазах схватил меня за руку.

— Мама, Эвелин снова вышла замуж. Теперь она никогда ко мне не вернется.

Сердце мое снова едва не разорвалось от боли за него. Сможет ли он когда-нибудь разлюбить Эвелин? Я обняла его.

— Мне так жаль, Джин. Но может быть, это и к лучшему.

Он сжал губы и кивнул:

— Да, наверное. — Затем на лице его отразился ужас. — О боже! А если они заберут Донну? Вдруг они не позволят мне с ней видеться?

Я сама была готова разрыдаться и никак не могла подобрать слова, чтобы его утешить. При одной мысли, что мы больше не увидим нашу маленькую девочку, становилось страшно. Если Эвелин захочет этого, мы ничем не сможем ей помешать. Суд всегда отдает ребенка матери.

Однако беспокоились мы зря. Эвелин не забрала Донну, когда уехала из родительского дома к новому мужу. Казалось, о Донне она думала в последнюю очередь.

Глава 52

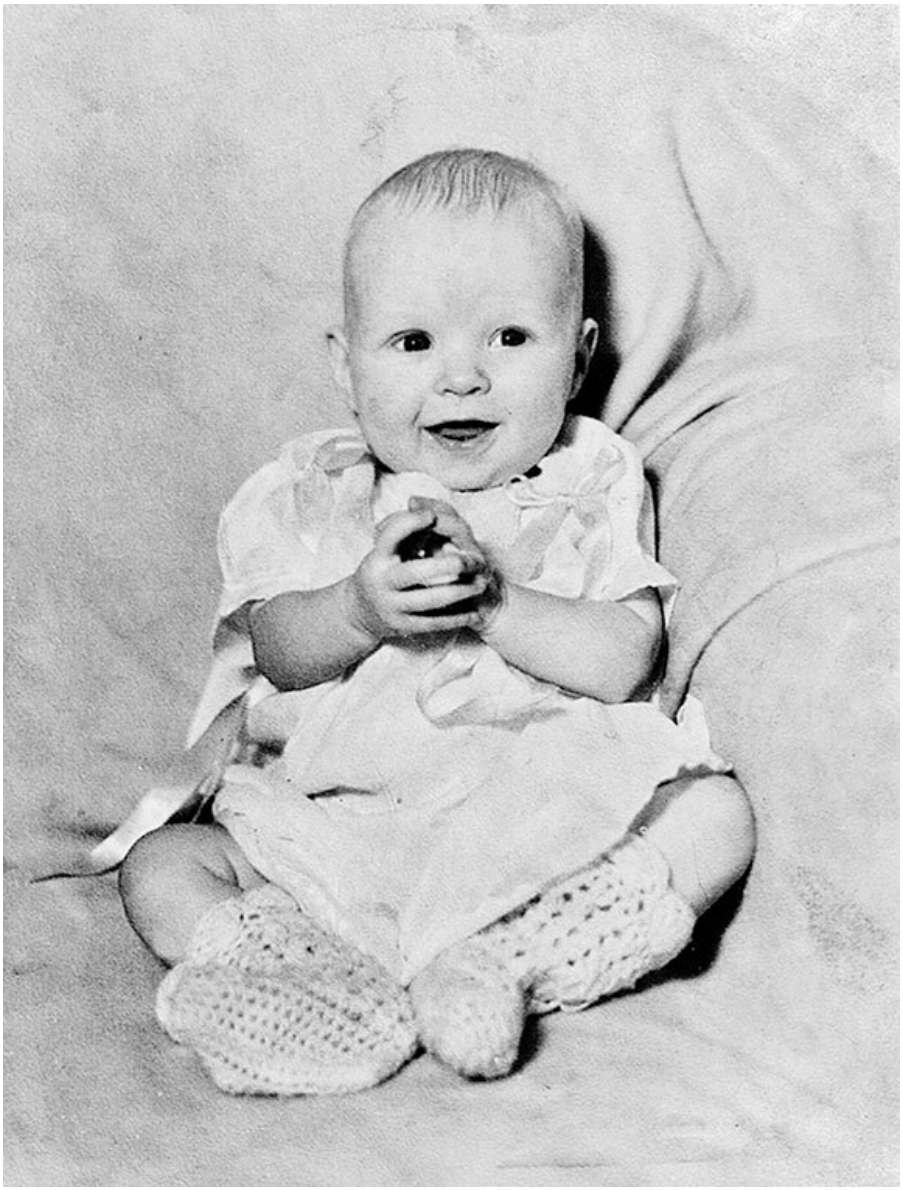
С уходом Эвелин в конце сороковых наша жизнь стала относительно спокойной. Бесси и Джон купили дом рядом с Джефферсон-авеню и улицей Сен-Жан. Мы скучали по ним, поэтому перебрались в соседний дом.

Джин и Джордж работали целый день, к тому же Джин всегда соглашался работать сверхурочно. Теперь денег на оплату счетов хватало, и мы могли позволить себе чуть больше, чем раньше.

Выходные Донна проводила у нас. По сути, она жила на два дома. В нашей семье все обожали Донну. Я беспокоилась, что Ола не уделяет внучке достаточно времени, ведь у нее помимо Донны было еще двое маленьких детей, на три и на пять лет старше.

У нас Донна забиралась к Джину в кровать, и они читали, пока Донна не засыпала. Поутру я частенько находила их со включенным ночником и книгой или журналом.

Почти каждые выходные они устраивали себе какое-нибудь приключение. Каждый сентябрь Джин возил Донну на ярмарку в Мичиган, а вернувшись, она без умолку рассказывала о корове, сделанной из масла, цыплятах, на которых как будто были надеты штанишки из перьев, и картошке фри длиной с линейку. Чуть ли не каждую неделю они ходили в кино — обычно в ближайший кинотеатр, «Синдерела Театр», но иногда ездили в центр, на какой-нибудь особенный фильм. После кино отправлялись ужинать в закусочную «Кресдж», на цокольном этаже.



Маленькая Донна

Мод и Донна

Когда Донне было восемь-девять лет, она впервые увидела «Унесенных ветром». Фильм произвел на нее такое сильное впечатление, что Джину впоследствии пришлось еще не раз водить ее на него.

Иногда сын водил ее и на живые представления. Так они увидели выступления Бетти Грэйбл и Гарри Джеймса, а позже — Дина Мартина и Джерри Льюиса в «Фокс Театр» на Вудвард-авеню. И Джин готов был поклясться, что на концертах Дюка Эллингтона и Эллы Фицджеральд Донна была самым юным зрителем.

Глава 53

Бетти Сью продолжала встречаться с Эллисом Маршаллом — молодым человеком, с которым она познакомилась на заводе. С начала войны они то и дело сходились и расходились. И вот в один прекрасный вечер она вернулась домой взволнованная: он наконец сделал ей предложение.

Я отнеслась к этой новости без особой радости.

— Ты уверена, что он тебе подходит? Не торопись с решением.

— Не торопиться? — переспросила Бетти Сью. — Да мы ведь встречаемся уже семь лет!

— Иногда, когда Эллис приходит, от него разит пивом. Ты такого мужа хочешь?

— От папы тоже пахнет пивом, — выпятив подбородок, ответила она.

— Вот и я о том.

— Я выйду за него, мам. Мне уже 28 лет, и больше никто пока не обратил на меня внимание. Я не хочу оставаться старой девой.

— Может быть, у них просто не было шанса — ты же все время с ним.

Бетти Сью выпятила челюсть, и выражение ее лица стало точь-в-точь как у Бесси.

— Я это сделаю, мама.

— Ну хорошо, — побежденно сказала я. — Похоже, мне тебя не остановить.

Бетти Сью побежала в соседний дом рассказать Бесси и Максин. Я сидела за кухонным столом, когда вошел Джордж. Я кивнула ему на стул на другом конце стола.

— Сядь, Джордж. Бетти Сью только что приходила. Они с Эллисом женятся.

Он взял яблоко из вазы на столе и откусил.

— Давно пора. Они ведь уже столько лет встречаются.

— А тебе не кажется, что с ним надо бы поговорить перед тем, как они это сделают?

— О чем поговорить?

— Ты знаешь *о чем*. Он должен знать о ее характере.

Джордж расхохотался.

— Он на шесть дюймов выше ее. Думаю, он и сам справится. Тем более, я давно не видел у нее вспышек гнева.

— Это лишь оттого, что все пока складывается, как она хочет.

Джордж встал и потрепал меня по голове, как ребенка.

— Ты слишком сильно беспокоишься. Может быть, Бетти Сью не так уж похожа на мою маму, как ты думаешь. — И он со смехом вышел из комнаты.

Мне было наплевать на Эллиса, но я не хотела, чтобы у моей девочки были неприятности, если она что-нибудь ему сделает.

Мы с Джорджем и Джином отправились в ратушу с Бетти Сью и Эллисом, где я стояла и смотрела, как моя девочка становится чьей-то женой. Я была уверена: он принесет ей лишь несчастье.

Они перевезли вещи Бетти Сью из нашего дома в маленькую квартирку в подвале, всего через несколько домов от нас. Однако осознание того, что моя дочь живет всего в минуте ходьбы от моего дома, не заполняло образовавшуюся в нем пустоту. Я знала, что это глупо, но как же мне хотелось, чтобы Бетти Сью пожила с нами еще несколько лет.

Глава 54

Когда на выходные приезжала Донна, я хоть ненадолго забывала беспокоиться о Бетти Сью. Уже с трех лет Донна становилась на стул и помогала мне готовить — совсем как я когда-то помогала своей маме и как мне помогала Бетти Сью. Теперь стул ей был не нужен, она уже выросла настолько, что могла стоять рядом со мной.

Я позволяла ей экспериментировать, печь торты и пироги и давала советы, лишь когда она о них просила.

В доме Олы Донне не разрешали готовить, а у меня была полная свобода. Она могла пойти спать, когда захочется, вставала, когда выспится, и носила все, что вздумается. На летних каникулах она могла принимать ванну хоть в середине недели и играть в ней, сколько душе угодно. В моем доме Донна не обязана была молча слушаться и не возражать — мы обращались с ней, как со взрослой.

Чем взрослее она становилась, тем больше походила на Лулу… Те же светлые волосы и синие глаза, тот же внимательный взгляд, когда она следила за взрослыми. Я как будто бы вернула свое утраченное сокровище.

Глава 55

Однажды вечером я развешивала одежду на заднем дворе, как вдруг подкравшаяся сзади Бетти Сью стиснула меня в объятиях.

— Угадай-ка! Ты скоро снова станешь бабушкой.

Я бросила рубашку, которую держала, обратно в корзину и обняла дочку. Бетти Сью выглядела такой счастливой, и я тоже была рада за нее. Как хорошо, что в доме снова появится ребенок.

— Когда?

— Думаю, в ноябре. Последние месячные у меня были в марте. У врача я пока не была, но знаю, что беременна. Правда, чудесно? Я уже начала беспокоиться, все ли со мной в порядке.

Бетти Сью взяла рубашку и прищепки и повесила ее.

— Уверена, все у тебя нормально. Иногда не сразу получается. Вы нашли квартиру побольше?

Я надеялась, что они не уедут далеко — мне нравилось, что нас разделяет всего несколько шагов.

— В следующем месяце освободится квартира на втором этаже. Платить всего на десять долларов в неделю больше, зато там две спальни. Я сказала хозяину, что мы ее возьмем.

Я с облегчением обняла ее снова.

— Нужно уже начать закупаться. Если понемного покупать что-нибудь малышу, расходы будут не так ощутимы. Сколько ты еще проработаешь на «Виллис»?

— Я не буду говорить им до последнего. Обычно они дают отпуск на шестом месяце.

— А справишься? Работа не очень тяжелая?

— Я сильная. Не думаю, что будут проблемы. У нас многие работают во время беременности.

Я уже начала строить планы:

— Надо накупить ему одежек желтых, зеленых и белых — тогда не важно, будет у нас мальчик или девочка. А когда родится, можно докупить синего или розового. Жаль, что я не могу больше ни шить, ни вязать. Я ведь шила тебе такие красивые платьица! Если бы знать, я бы их сберегла. — Я подумала о Лулу, но говорить не стала. — Кого ты хочешь — мальчика или девочку?

— Девочку, но Эллис уверен, что будет мальчик.

Я рассмеялась.

— Все мужчины одинаковые. Будь на то их воля, девочек бы вообще не рождалось. Сами-то они, небось, об этом не задумываются — пусть кто-то другой делает дочерей, на которых потом женятся их сыновья.

Бетти Сью улыбнулась, и взгляд ее сделался мечтательным.

— Да мы особо и не переживаем. Мальчик — так мальчик. Девочку родим в следующий раз.

Мы продолжили развешивать белье, пока корзина не опустела, потом пошли в дом, сели за кухонный стол с карандашом и бумагой и принялись составлять список вещей, которые понадобятся малышу. По дороге за продуктами мы зашли в «Сирс», и Бетти Сью купила маленькую белую сорочку. Я взяла ей дюжину пеленок. Так мы делали каждую неделю, отправляясь за покупками: Бетти Сью покупала что-нибудь красивое, а я — что-нибудь полезное, оставляя ей удовольствие выбирать то, что ей больше нравится.

Всякий раз, покупая, мы вычеркивали вещь из списка. И когда подошло время уходить в декретный отпуск, к концу августа, мы уже почти все купили, кроме самых дорогих вещей, вроде люльки или детского стульчика.

Теперь я жалела о том, что не научила Бетти Сью шить, когда она была маленькой — теперь она не проявляла к шитью ни малейшего интереса. Раньше я думала, что еще успею ее научить, но к тому времени, как Бетти Сью забеременела, мои глаза были уже слишком слабы.

Она довольно прилично набрала вес, но не так, как Эвелин. Чувствовала она себя хорошо и собиралась работать до седьмого месяца — то есть до конца сентября.

Был еще только август, когда однажды ночью громкий стук в дверь разбудил всю семью. Джин вскочил с постели, натянул брюки и сбежал по лестнице. Я стояла наверху и ждала, завернувшись в халат. Пол выбежал из комнаты и встал рядом со мной. Из подвала в своих длинных кальсонах вышел Джордж. Джин открыл дверь.

Это был Эллис. Он посмотрел на меня:

— Мама, Бетти Сью вся в крови, и у нее жуткие боли. Кажется, ребенок вот-вот появится.

Я схватилась за перила: слишком рано!

— Скажи ей, что мы сейчас же будем. Джин, разбуди Бесси и скажи Джону, чтобы взял грузовик, — мы отвезем Бетти Сью в больницу.

Эллис бегом вернулся к себе. Джин пошел к Бесси и Джону, а мы с Джорджем оделись. Я сбегала к Джину в комнату и схватила его рубашку, ботинки и носки. Всего через несколько минут мы уже были у Бетти Сью. Она лежала на постели, свернувшись в калачик и подтянув колени. Сердце мое едва не перестало биться: вся постель была в крови.

— Джон, отнесите ее в грузовик и отвезите в больницу. Джин,

вы с Эллисом тоже езжайте с ними. А мы пойдем на Джефферсон и поймаем такси. Так будет быстрее, чем вызывать.

Эллис и Джин сцепили руки на манер носилок и вместе подняли Бетти Сью и отнесли в грузовик. Они уложили ее на сиденье, а сами сели в кузов. Я протянула Джину его одежду, а Джордж завел грузовик и поехал на Джефферсон-авеню.

Остальные, включая Бесси и Максин, остались на обочине. Я была в шоке: как я буду жить, если потеряю свою девочку?

Тут заговорила Бесси:

— Мод, вы с Джорджем поезжайте в больницу. Пол, переночуешь у нас.

Я кивнула, вернулась в дом и взяла сумочку. Мы с Джорджем прошли один квартал до Джефферсона. Всего через пару минут мы нашли такси и спустя 10 минут уже были в больнице на Сант-Антуан-стрит. Это была моя первая поездка на такси.

Эллис сидел в комнате ожидания с видом перепуганного ребенка. Раньше я не замечала этого, а ведь он и вправду любит Бетти Сью. Я села рядом и похлопала его по плечу. Он прильнул ко мне, всхлипывая.

— Я не могу потерять ее, мама. Она — все, что есть у меня в этом мире.

Вся моя неприязнь к нему улетучилась. Мне раньше и в голову не приходило, как много для него значила Бетти Сью.

Шли часы, а мы все сидели и ждали. Время от времени Джин вставал и спрашивал у медсестры в приемной, но новостей не было. Сквозь стекла дверей уже начало пробиваться солнце, когда наконец вышел врач и позвал мистера Маршалла.

Эллис подскочил и всех представил. Джин и Джордж тоже встали, а у меня ноги были как ватные. Я сидела и смотрела на доктора, и, должно быть, страх был написан у меня на лице.

Врач похлопал Эллиса по плечу, при этом глядя мне прямо в глаза.

— С ней все будет в порядке. Она потеряла много крови, и нам пришлось сделать переливание, но через несколько дней будет как новенькая.

Я закрыла глаза и про себя поблагодарила Бога. Эллис вцепился доктору в руку.

— А ребенок?

Врач покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Маршалл, ребенка спасти не удалось. Плацента отошла, и к тому времени, как вашу жену привезли, мы уже ничего не могли поделать.

Эллис взвыл:

— Это я виноват! Надо было вызвать «скорую»!

Врач встряхнул его за плечи:

— Нет, вы не виноваты. Кто знает, сколько времени «скорая» добиралась бы до вас, да и что бы они могли сделать? Такое иногда случается, но она здорова, и у нее еще будут дети.

Эллис посмотрел на врача:

— А это был мальчик или девочка?

— Мальчик.

Эллис снова взвыл и плюхнулся на стул, уронив голову на руки.

— А к ней можно? — спросила я.

— Она спит, ей сейчас нужен покой. Лучше вам всем поехать домой, а когда к ней можно будет пускать посетителей, сестра вам позвонит.

Я дала ему номер Бесси, и мы ушли.

Джин и Эллис поехали в грузовике с Джоном, а мы с Джорджем остались ждать автобус.

Лишь после полудня Бесси пришла ко мне с новостью: звонили из больницы и сказали, что к Бетти Сью можно приехать. Мужчины уехали на работу, поэтому я пошла к Эллису, и мы вместе вышли на Джефферсон, чтобы сесть в автобус до центра.

Эллис вошел в палату первым, и через полчаса ожидания в коридоре вошла и я. Бетти Сью сидела на постели, и вид у нее был изможденный и бледный. Мне захотелось заплакать, но я сдержалась.

Увидев меня, Бетти Сью сморщилась и протянула ко мне руки, совсем как в детстве, когда ей случалось пораниться. Я села на краешек ее кровати, обняла ее и принялась баюкать, оплакивая вместе с ней потерянного ребенка.

Глава 56

Через два года после свадьбы с Хершеллом Эвелин снова развелась. Джин узнал новость от коллеги и прибежал рассказать мне. Он был так взволнован:

— Мам, Бадди на работе сказал, что Эвелин развелась. — В голосе его слышались нотки надежды.

— А Бадди сказал, почему?

— Нет, он не знает. Парни просто шутили, что они так недолго были женаты. Но главное, что у меня снова есть шанс. Она работает в «Раббер Компани» в первую смену — наверное, скоро придет домой. Я пойду к ней и спрошу, хочет ли она со мной встречаться.

— Откуда ты знаешь, где она живет?

Джин покраснел.

— Спросил у одного из ее младших братьев. Как-то шел мимо дома Мейсов, а он был во дворе. Эвелин живет всего через несколько домов от них.

Я быстро обняла его и пригладила волосы.

— Ну, раз это принесет тебе счастье.

Он обнял меня в ответ и вышел. Все время, пока его не было, меня переполняли смешанные чувства. Если с Эвелин он будет счастлив, то я сделаю все, что смогу, чтобы не вмешиваться в их жизнь. Но в глубине души я знала, что ничем хорошим это не кончится.

Через несколько часов он вернулся, улыбаясь от уха до уха.

— Она согласилась пойти со мной в кино в субботу!

И хотя вид у него был счастливый, я испугалась. Что страшнее: вернуть Эвелин или снова ее потерять?

Время шло, и по выражению лица Джина я могла понять, как продвигаются их отношения. Если в выходные у него намечалось свидание с Эвелин, он всю неделю ходил улыбаясь в предвкушении этого события. Однако кроме него она встречалась и с другими мужчинами, и от этого Джин был несчастен.

Спустя несколько месяцев она прекратила свидания с Джином и вышла замуж за человека по имени Делмоус Ньюланд (Джуниор)[16], из Теннесси.

Однажды я встретилась на улице с миссис Мейс, и она рассказала мне о них и показала фотографию. Должна признать, они с Эвелин были красивой парой. Он был симпатичным, а она просто красавицей. Они жили в квартире через несколько домов от ее матери, и она даже рассказала, что иногда они брали с собой Донну. Насколько знаю, пока Эвелин была замужем за

Хершеллом, такого ни разу не случалось.

Делмоус возил на грузовике разные грузы для «Сибли Ламбер Компани». Друзья звали его Джуниор. В отличие от Хершелла, который не выносил ребенка, Джуниор, по словам миссис Мейс, был всегда добр к Донне, и она тоже относилась к нему хорошо.

Слава богу, Эвелин никогда не говорила о том, чтобы забрать Донну к себе, и Джин вздыхал с облегчением. Теперь он был счастлив только рядом с Донной. Вместе они ходили в кино или за покупками. В такие минуты он почти забывал об Эвелин. Он надеялся, что с Джуниором ей будет не лучше, чем с Хершеллом, и когда они разведутся, он снова получит шанс ее вернуть.

Через несколько лет Эвелин забеременела, но на четвертом месяце у нее случился выкидыш. Донна очень ждала сестренку и так расстроилась, что разрыдалась. А что такое «выкидыш», ей никто не объяснил.

Я узнала об этом, когда на выходные она приехала к нам. Донна была сама не своя. Я села на диван рядом с внучкой и обняла ее:

— Все хорошо, детка?

Донна выпятила губу, совсем как мать:

— Моя мама хотела родить мне сестричку, а потом передумала.

Я знала, что Эвелин в положении, и догадалась, что у нее случился выкидыш. (Те, кто был знаком с обеими нашими семьями, с радостью передавали сплетни.)

— Когда она тебе об этом сказала?

— Бабушка Мейс сказала мне.

— Родная, Эвелин не передумала. Просто ребеночек внутри нее заболел и умер. Но она родит еще.

— Почему же она так мне не сказала?

— Некоторые думают, что дети не понимают. Она просто не хотела тебя тревожить.

— Я понимаю намного больше, чем они думают.

Я была поражена этим замечанием и почувствовала, что оно искреннее. Никогда не видела ребенка, который так же внимательно наблюдал бы за взрослыми.

Через несколько месяцев Донна была дома, когда у Бетти Сью случился второй выкидыш. Она смотрела, как ее тетю везли на каталке к карете скорой помощи. Срок у нее был всего четыре месяца, поэтому вышло легче, чем в прошлый раз. Донна, испугавшись вида крови и расстроившись за взрослых, прильнула ко мне:

— Она поправится?

Я похлопала ее по спине, утешая скорее себя саму:

— С ней все будет в порядке. Врачи поставят ее на ноги, и она станет как новенькая.

Глава 57

Следующие несколько лет прошли как в тумане. Каждые полгода у Бетти Сью случался выкидыш, но врачи твердили, что с ней все в порядке.

Донна хорошо училась и много времени проводила у нас дома. Джордж души в ней не чаял. Они играли в шашки и покер на спички. Он даже научил ее делать самокрутки, но я уверена — никогда не давал ей пробовать курить. На это даже у Джорджа хватало мозгов. Поднявшись вечером на второй этаж послушать радио, она садилась между Джином и Джорджем и по очереди обнимала их. Меня она никогда не называла бабушкой: поскольку все в доме, кроме Джорджа, звали меня мамой, то и она звала так же. Я была не против.

До шести лет она спала в кровати Джина, а после начала приходить ко мне. Забравшись ко мне в постель в первый раз, она заявила, что ей у меня очень нравится: тепло и мягко. Я легла рядом с ней и потянулась, чтобы выключить свет, но Донне совсем не хотелось спать. Несколько минут она полежала, потом вздохнула.

— Спать не хочется. Я привыкла читать. Расскажи, как вы жили, когда тебе было столько, сколько мне?

Я на минуту задумалась.

— Ну хорошо, расскажу тебе о том времени, когда я была маленькой девочкой.

Я говорила долго. В какой-то момент я включила свет и показала Донне свои сокровища в глубине ящика. Достала ночную сорочку, что сшила на свадьбу с Джеймсом. Стоило мне взять ее в руки, как от нахлынувших воспоминаний слезы покатились из глаз. Она была обернута желтой бумагой и перевязана лентой. Я развязала ее и развернула, чтобы показать Донне.

Она пробежалась пальцами по мягкой ткани.

— Как красиво. Тетя Дороти помогает мне с шитьем. Надеюсь, когда-нибудь я смогу сделать что-нибудь подобное.

Джин купил Донне маленькую швейную машинку «Зингер», красную с белым, с поворотным колесом. С тех пор куклы ей были нужны только для того, чтобы шить им платья. Мне нравилось думать, что в этом она пошла в меня, потому что ее бабушка Ола совсем не шила. Зато Дороти, младшая сестра Эвелин, шила очень хорошо. Я видела некоторые ее работы, они были довольно милыми. Я была рада, что кто-то учит Донну шить, ведь мои глаза уже были слишком слабыми.

В следующую ночь я рассказала ей о Лулу. Я не собиралась рассказывать о ее ужасной смерти, но любопытство девочки не ослабевало, и наконец я сдалась. Я показала ей фотографию своей первой дочки.

— Мам, — ахнула Донна. — Да она же вылитая я!

Это была правда. Донна очень сильно походила на Лулу. Когда я рассказывала, как мы ее хоронили, она плакала вместе со мной.

Часто истории затягивались надолго, и иногда она, наверное, засыпала раньше, чем я умолкала. Мне нравилось рассказывать кому-то о своей жизни.

Глава 58

С ростом инфляции мне стало все труднее платить по счетам. Едва Джорджу исполнилось 65 лет, как он ушел на пенсию, и пенсионное пособие составляло меньше половины его обычного жалованья на фабрике. Одна из моих подруг по церкви рассказала, что приняла к себе жильцов, чтобы легче было сводить концы с концами. Мне эта идея понравилась. Я и так готовила и убирала за четырьмя-пятью людьми, и еще двое не сильно изменили бы ситуацию.

Мы сняли дом побольше в нескольких дворах от нашего. Две свободные спальни сдавали молодым людям, приехавшим с юга работать на фабриках. По будням я готовила им завтрак и ужин и собирала на работу корзинки с едой. По субботам и воскресеньям они были предоставлены сами себе. Раз в неделю я стирала их белье.

Пол стал совсем взрослым, но помощи от него по-прежнему не было. Долго на одной работе он не задерживался. Обычно работал два-три дня, а потом жаловался, что начальник его не любит, что работа тяжелая или он недостаточно владеет чтением и письмом, чтобы делать то, что от него требуется.

Джордж сказал, что, если он не хочет работать, пусть не работает. Мы постоянно ругались из-за этого, и я все думала: как же он будет жить, когда нас с Джорджем не станет?

Глава 59

В 1954 году, когда Донне исполнилось двенадцать, я узнала, что Эвелин снова беременна. На этот раз шестой месяц миновал без происшествий.

Однажды Донна неожиданно приехала среди недели. Днем входная дверь у нас была всегда открыта. Она вернулась из школы и прошла на кухню: знала, что в это время я обычно готовлю полдник. Когда Донна вошла, мы с Джином и Полом сидели за столом. Она поцеловала отца и меня. Джин обнял ее:

— Как ты добралась? Кто-то подвез?

— Пешком. Я теперь буду жить с мамой на Фейрвью и могу приходить сюда, когда захочу. Правда, здорово?

Джин нахмурился.

— Жить с мамой? И кто же это решил?

— Она, наверное. В феврале у нее родится ребенок, и я нужна ей, чтобы помогать. Надеюсь, будет девочка.

— Ты рада, что будешь с ней жить, Донна?

— Думаю, да, раз мне разрешат быть с маленьким.

Джин открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Позже, когда Донна в подвале играла в шашки с Джорджем, Джин решил обсудить это со мной:

— Мам, что ты думаешь о том, чтобы Донне жить с Эвелин? Она ведь ее почти не знает.

Я покачала головой.

— Если этого хочет сама Эвелин, думаю, возразить мы все равно не сможем. Да и Донна, похоже, рада. Многие девочки любят возиться с маленькими детьми.

— А как же ее муж? Откуда мне знать, что он будет вести себя хорошо?

— Она уже большая, и скажет нам, если что-то не так.

В конце концов Донна стала приходить к нам после школы почти каждый день, до самого рождения ребенка.

В тот день она прибежала взволнованная, чтобы рассказать нам, что, как она и мечтала, Эвелин родила прекрасную здоровую девочку. Ее назвали Нэнси. Она была копией своего отца — те же густые волосы и круглое ярко-розовое лицо. Как и у Джина, в жилах у Джуниора была доля индейской крови, и это проявилось в ребенке. Донна сказала, что Эвелин зовет малышку «моя индианочка». Как только стало можно, Эвелин вернулась на работу — она стояла на конвейере по производству шин на «Раббер Компани».

Донна приходила домой из школы «Фох Джуниор Хай» и

отпускала дневную няню. Она сама заботилась о малышке до тех пор, пока мать не придет с работы. Нэнси родилась в середине февраля, и холод стоял так долго, что мы увидели малышку, лишь когда ей исполнилось три месяца. Как только потеплело, Донна уложила ее в коляску и привезла к нам. Это был красивый ребенок, и мы сразу же полюбили ее, — все, кроме Джина. Он взял девочку на руки и пристально на нее посмотрел. Затем передал мне и вышел из комнаты, смахивая слезы.

Донна носилась с ребенком как сумасшедшая, всюду брала с собой после школы — то к нам, то к подружкам, то в кондитерскую. Более послушного ребенка нельзя было себе и представить. Донна рассказала, что Нэнси не капризничала, даже когда та брала ее с собой в школу — только тихонько сидела и смотрела, как Донна репетирует школьные спектакли.

Деньги, что я получала от сдачи комнаты, были подарком с Небес. Я чувствовала, что осилю и больше, поэтому сняла большой трехэтажный дом на углу улиц Керчвэл и Лакаст, где было девять спален на верхних этажах и две внизу.

Теперь я готовила, стирала и убирала за одиннадцатью постояльцами. Впервые после переезда Бетти Сью денег хватало на все семейные расходы, и каждый месяц я понемногу откладывала. Я даже купила телевизор в гостиную и подключила телефон. Это был наш первый в жизни телефон, но в Детройте я звонила лишь Бесси и Бетти Сью. Впрочем, иногда я звонила даже своей сестре Хелен и подруге по Миссури — Кларе, но только пару раз в год: боялась, что не потяну междугородние переговоры. К тому же время от времени я писала им обеим, а они отвечали мне. Мне нравилось получать письма. Я хранила их стопками, перевязанными лентой, в нижнем ящике буфета.

В один год у Бетти Сью случилось два выкидыша подряд. Она плакала навзрыд:

— У меня никогда не будет ребенка! Скоро я стану слишком старой!

Эллис неуклюже пытался ее утешить, но это ему не особенно удавалось. Врач сказал, что, возможно, работа на заводе для нее чересчур тяжела, поэтому при следующей беременности лучше сразу взять декретный отпуск.

Я стала платить ей за то, чтобы она помогала мне с несложной работой по дому и готовкой. Мне было уже 63, и хлопоты по хозяйству становились почти непосильными, но зато впервые с момента переезда в Детройт я не переживала о деньгах. Джордж совершенно не помогал по дому — для него это была женская работа. Он либо болтал с соседом, шутил и смеялся, как обычно, смотрел телевизор в гостиной, попивая пиво, либо спал в

подвале.

Вскоре после рождения Нэнси умер отец Эвелин. Я знала, как они с Донной любили его, и сочувствовала их горю. Мы с Джином поехали на похороны, но стояли в стороне. Нам хотелось отдать ему дань уважения, но при этом не привлекать к себе внимание. Джин не мог видеть Эвелин рядом с Джуниором, поэтому мы уехали сразу после службы.

Глава 60

Донне исполнилось пятнадцать, и она пошла в десятый класс Юго-Восточной старшей школы. Однажды после обеда она пришла к нам с большим мешком вещей и осталась, не объяснив, почему ушла из дома матери.

Мы все были рады, что она переехала к нам. Всю свою жизнь Донна жила на два дома и привыкла приходить и уходить, когда считала нужным, поэтому никто не спрашивал, куда она идет и когда вернется.

Вскоре после этого Эвелин ушла от Джуниора, подала на развод и переехала в квартиру несколькими домами к востоку от нас. Я невольно задавалась вопросом, не связан ли переезд к нам Донны с разводом Эвелин. Но Донна ничего не говорила, а я не спрашивала.

Когда Джуниор ушел, Донна стала чаще навещать сестренку. Она приводила ее к нам, и все семейство Фоли радовалось этой малютке. А спустя некоторое время Джин и Эвелин вновь начали встречаться.

Глава 61

В 1956 году Бетти Сью снова забеременела и доходила до шестого месяца — дольше, чем когда-либо. Однажды в субботу они с Элисом пришли к нам на обед. Донна с мужчинами сидели за столом на кухне, а мы с Бетти Сью готовили: большая кастрюля свиных шеек, белый кукурузный хлеб, который мы обжаривали на чугунной сковороде, картошка по-ирландски и стручковая фасоль. Джордж взял Бетти Сью за руку.

— Как моя девочка? Все хорошо?

Бетти Сью поставила перед ним тарелку и поцеловала отца в лоб.

— Я в порядке, пап. Отлично себя чувствую.

Эллис взял вилку и отправил в рот кусок.

— В этот раз лучше бы ей быть аккуратнее, не то опять все испортит, — сказал он.

Стало так тихо, что слышно было, как муха жужжит. Суровое выражение лица Бетти Сью живо напомнило мне одновременно ее бабушку Фоли и Бесси, и желудок сжался.

— Эллис? — прошептала она.

Он посмотрел на нее. Внезапно она ударила ему кулаком промеж глаз, да так, что стул его опрокинулся, и он ошарашенно упал на пол, не меняя сидячего положения.

Бетти Сью пнула его в бок и уже занесла было ногу для второго пинка, когда подбежала я и оттащила ее.

— Все, медовый месяц кончился, — заметил Джордж.

Эллис поднялся на ноги без посторонней помощи, поднял стул, поставил его и снова сел за стол. Джордж дожевал сандвич и встал.

— Все нормально, Эллис?

— Кажется, да. Только вот под глазами будут два синяка.

— Похоже на то. Пойдем-ка на крыльцо, я тебе кое-что скажу.

Эллис встал неуверенно, держась за спинку стула, затем восстановил равновесие и вышел вслед за Джорджем. Бетти Сью села и стала есть как ни в чем не бывало.

Когда в тот вечер мы отправились спать, Донна спросила меня, что дедушка хотел сказать Эллису. Я рассказала о суровости матери Джорджа и горячности Бесси, и что Бетти Сью в этом на них похожа.

Глава 62

Эллису удалось уговорить начальство, и Полу разрешили попробовать поработать вместе с ним. Эллис заверил, что прикроет Пола и будет внимательно следить за ним.

В понедельник утром они вместе пошли на работу. Я приготовила Полу на обед его любимый болонский сандвич и шоколадное печенье. Когда он вышел, я еще раз помолилась Богу, чтобы его оставили на этой работе. Но когда в тот вечер Пол вернулся домой, лицо у него было недовольное.

— Ну как, Пол? — спросила я, похлопав его по спине. — Получается?

Он сморщился, как будто учуяв скунса.

— Вроде да, но работенка не из легких. Надо целый день стоять, держа бампер машины, пока гигантская вращающаяся щетка его полирует. Руки просто отваливаются!

— Это потому что мышцы не привыкли. Вот поработаешь недельки три — и вообще перестанешь обращать внимание. Давай я помажу тебе руки «Абсорбином», которым пользуется Джин. Вот увидишь, сразу полегчает.

Он кивнул.

На следующее утро я разбудила его и приготовила обед на работу, про себя задержав дыхание: хватит ли его на второй день? Но он спустился вниз одетый, позавтракал и побежал догонять Эллиса, — и я вздохнула с облегчением.

Всю оставшуюся неделю я каждый вечер втирала ему в руки мазь, а каждое утро успокаивалась, лишь проводив его на работу. На вторую неделю, вечером в пятницу, он получил свое первое жалованье, но в обычное время домой не явился. Сначала я не волновалась — решила, что он задержался у Эллиса и к ужину будет дома.

Бетти Сью должна была рожать через четыре недели, она сильно прибавила в весе и с трудом передвигалась, но все еще работала по мере сил и в тот вечер как раз помогала мне готовить еду для жильцов. (Обычно Бетти Сью готовила двойную порцию, чтобы отнести домой и поужинать вместе с мужем.) Когда они поели, она помогла убрать со стола и вымыть посуду.

В девять вечера Бетти Сью, страшно обеспокоенная, вернулась ко мне:

— Пол еще не дома?

— Нет, я думала, он у вас.

— Нет ни того, ни другого, мам! Думаешь, что-то случилось?

Джордж сидел на диване и смотрел «Дымок из ствола».

— Наверное, зашли пивка попить, — сказал он, не отрываясь от экрана. — У Пола ведь первая зарплата — видимо, празднуют. Вот нагуляются — и придут домой. Пусть отдохнут.

Сердце мое упало, когда я поняла, что, должно быть, так и есть. Но если Джордж относился к такому легко, то для дочери, которая вот-вот родит, это был лишний повод для волнений.

Больше всего я боялась, что Пол начнет вести себя как Бад, напивавшийся по поводу и без. Ну почему все мои сыновья не могут быть такими, как Джин?

Когда Пол продержался на работе две недели подряд, у меня появилась надежда, что для него еще не все потеряно. Теперь эта надежда начала таять.

Я обняла Бетти Сью за плечи и проводила до дверей.

— Иди домой и успокойся. Не переживай за них, они уже взрослые и сами о себе позаботятся.

Вместе мы дошли до их дома, и я проследила, чтобы она вошла внутрь.

Теперь, при таком количестве постояльцев, дверь моего дома не закрывалась. Едва миновала полночь, как в спальню кто-то постучал. Я уже заперлась на ночь, поэтому теперь встала и спросила, кто там.

— Это я, мам! — сказала Бетти Сью, и в ее голосе слышались слезы. Я открыла дверь, она прошла и села на краешек кровати. — Его все нет, мам, и я так больше не могу! Что, если с ним что-то стряслось?

Я села рядом и положила ее голову себе на плечо.

— Что я буду делать, если его не станет? Что будет со мной и ребенком?

— С ним все нормально. Я сейчас разбужу отца и скажу, чтобы нашел Эллиса и привел домой.

Я спустилась в подвал, где спал Джордж. У него там была маленькая спальня — комод, стол с шахматной доской и кровать. Когда я вошла, он крепко спал и храпел. Я потрясла его за плечо.

— Джордж, просыпайся! Ступай и найди Эллиса. Бетти Сью ужасно расстроена, а ей нельзя волноваться. Вдруг что-то случится с ребенком? Это ее убьет!

— Да что на вас обеих нашло? Все с ним в порядке! Вот нагуляется и сам придет. Оставь меня в покое.

— Я сказала, вставай и найди его!

Джордж проснулся и посмотрел на меня:

— А я сказал: нет. И все, отстань!

И он повернулся ко мне спиной.

Мне захотелось его стукнуть, но я знала, что это бесполезно, поэтому вернулась в спальню, где меня ждала Бетти Сью.

— Не хочет вставать. Давай ты останешься у меня? А к утру Эллис вернется домой.

Бетти Сью выпятила челюсть, всем своим видом показывая, что настроена решительно.

— Если папа не пойдет, я пойду сама. В районе между домом и заводом всего два-три бара. Он, наверное, где-то там.

Она повернулась и направилась к выходу.

— Подожди! Я с тобой. Я не позволю тебе бродить по ночам одной.

Я надела домашний халат, свитер и туфли. Когда мы вышли, я взяла Бетти Сью за руку — не только чтобы она шла рядом, но и чтобы немного замедлить ее шаг.

Мы прошли целый район до Джефферсон-авеню и зашли в первый бар. До этого момента я никогда не была в подобных заведениях. Моя дочь тоже. Свет был приглушен. Большинство мужчин, похоже, зашли туда сразу после работы — они сидели в рабочей одежде. Женщин было немного, и все они сидели с мужчинами в кабинках. В помещении стоял душный и тошнотворный пивной дух. Мне было неловко, я чувствовала себя не в своей тарелке. Про себя я помолилась Господу, чтобы поскорее оттуда уйти.

Бетти Сью достала из сумочки кошелек и показала всем фотографию Эллиса.

— Вы сегодня видели этого человека? Возможно, вместе с высоким темноволосым парнем.

Бармен быстро посмотрел на фотографию и кивнул:

— Конечно, они заходили. Только сильно шумели, так что часа два назад я их выставил.

— А не заметили, куда они пошли?

— Поищите в «Смитти», — пожал плечами тот. — Может, они там.

Мы с Бетти Сью отправились в бар «Смитти», но и там бармен сказал Бетти Сью, что Пол с Эллисом уже ушли.

Мы отправились вдоль по Джефферсон-авеню, к Сен-Жану, в последний бар в районе. В окошко мы заметили Эллиса и Пола у барной стойки, сбоку от двери, — они смеялись и пили пиво из больших кружек.

Мы открыли дверь и вошли. Увидев меня, Пол так удивился, что схватился за стойку, чтобы не упасть. Бетти Сью подошла к Эллису и вмазала ему кулаком прямо по носу. Послышался громкий хруст, голова его запрокинулась, и из ноздрей хлынула кровь. Он схватился за нос обеими руками и закричал:

— Боже правый, женщина! Что на тебя нашло! Ты мне нос сломала!

— Я с ума схожу от беспокойства, вдруг тебя ранили или еще что-нибудь, а ты тут пьянствуешь!

Она занесла руку и снова ударила в то же самое место. На этот раз Эллис свалился со стула и кубарем покатился по полу. Кровь сочилась меж его пальцев.

— Прекрати! — закричал Пол. Насколько знаю, он никогда прежде не пил пива. Когда же он подскочил, то все выпитое, должно быть, ударило ему в голову, он потерял сознание и рухнул на пол.

Я посмотрела на них. Пол лежал в отключке, Эллис завывал, раскачиваясь и держась за нос, из которого хлестала кровь.

— Боже, помоги мне! — сказала я вслух.

Но на этом Бетти Сью не закончила. Она с силой пнула Эллиса в живот, и он свернулся.

— Живо иди домой! — рыкнула на него Бетти Сью. Затем посмотрела на бармена и погрозила ему пальцем: — Еще хоть каплю ему нальешь — будешь иметь дело со мной!

Тот поднял руки вверх:

— Леди, обещаю, он здесь больше ничего не получит!

Бетти Сью развернулась, еще раз пнула Эллиса, схватила меня за руку и вылетела из бара, буквально таща меня за собой.

По дороге домой она всхлипывала. Я чувствовала, как ее трясет, и знала, что это не от горя, но от гнева и еще от облегчения, что с Эллисом все в порядке.

Я молчала, зная: что бы я ни сказала, сделаю только хуже. Я сидела с Бетти Сью до тех пор, пока в дом не ввалились Эллис и Пол. Вся рубашка и брюки Эллиса были залиты кровью, его шатало, и голова моталась из стороны в сторону.

— Марш в кровать! — велела ему Бетти Сью, из глаз которой летели искры. Эллис послушно пошел через холл в спальню, держась то за одну стену, то за другую. Затем плюхнулся на кровать, отчего она громко заскрипела. Пол привалился к дверному косяку.

Я с отвращением посмотрела на него.

— Я тебя под свою крышу пьяным не пущу. Ищи себе другой ночлег.

— Пол может поспать у нас, на диване, — предложила Бетти Сью.

Она отправилась в спальню, но я испугалась, что она сделает Эллису что-нибудь еще, и поймала ее за руку. Ее все еще трясло от злости. Я успокаивающе погладила ее:

— Пойдем, переночуешь у нас. — Бетти Сью рассказывала, что иногда Эллиса по ночам мучают кошмары. — А то еще он, пьяный, навалится на тебя, а тебе рожать скоро.

Про себя я подумала об агрессивных замашках женщин рода Фоли и о том, что Бетти Сью, чего доброго, убьет Эллиса во сне.

Бетти Сью глубоко вздохнула и кивнула. Я видела, что ей с трудом удается держать себя в руках. Она ушла к себе в комнату и через минуту вернулась с бумажным пакетом, где были ее вещи. Пол уже храпел на диване.

Легли мы, когда на часах было уже почти два ночи. Я лежала рядом с ней и не могла сомкнуть глаз. Когда я предложила Бетти Сью остаться у нас на ночь, то беспокоилась совсем не за малыша. За все годы совместной жизни Джордж ни разу не поднял на меня руку и даже не шлепнул кого-то из детей. Он даже голос редко повышал. Меня немало занимала характерная жестокость женщин в их семье. Как знать, может быть, таинственно исчезнувший отец Джорджа вот так же слишком часто являлся домой пьяным?

Пол пришел домой только под вечер следующего дня. Глаза у него были красными и опухли — налицо все признаки похмелья. Мы как раз ели, когда он вошел. Джин посмотрел на него и покачал головой.

— Тебе выдали зарплату? — спросила я.

Он что-то пробормотал, глядя в пол.

— Я не расслышала.

— Я оставил ее в баре.

— Сколько тебе дали?

— Пятьдесят пять долларов, чистыми.

— Ты должен отдавать маме двадцать долларов за комнату и содержание, — вставил Джин. — Так будет честно.

— У меня их нет, — ответил Пол и посмотрел так, будто это выводило его из себя.

— Как это — нет?

— Я их вчера потратил.

Джин встал.

— То есть ты потратил всю свою зарплату? Впервые в жизни ты проработал целых пять дней подряд и сразу все спустил в баре?

Пол выпятил подбородок.

— Мои деньги — как хочу, так и трачу.

Джин побагровел, я увидела, как сжались его кулаки, и встала между ними.

— Полу скоро снова выдадут зарплату. Теперь у него есть постоянная работа, и он может сам за себя платить. И он не будет напиваться каждую неделю, да, Пол?

Пол мрачно посмотрел на Джина.

— Не буду.

На следующей неделе он принес зарплату домой. Мы вместе

пошли обналичить чек, и он выдал мне двадцать долларов. А в понедельник уволился.

Глава 63

У Бетти Сью родился чудесный здоровый мальчик — хорошенький и белокурый, как Эллис. Роды были быстрыми — такси едва успело доехать до больницы. Я чувствовала безмерную благодарность Богу за то, что им обоим ничего не грозит, и очень надеялась, что теперь-то у Бетти Сью все будет хорошо.

На свете не было малыша, которого любили бы больше, чем маленького Томми. Все, включая Донну, обожали его. Я молилась о том, чтобы Эллис, с появлением малыша, перестал ходить по барам, — и какое-то время так и было.

Через 11 месяцев у Бетти Сью родился еще один мальчик, Терри. Год спустя — девочка, которую назвали Патрисией, а еще через несколько лет — снова девочка, Линда. Бетти Сью спросила у врача, как выключить этот конвейер — то он никак не заводился, а тут наконец его прорвало. Тот поставил ей штуку под названием «диафрагма».

Наконец у Бетти Сью появилась семья, о которой она всегда мечтала, четверо детей. У нее была уютная квартира, у мужа хорошая работа. Жить бы и радоваться — и все же она была несчастна. С каждой беременностью она полнела, и теперь тело у нее стало как у меня, и это ее расстраивало. В магазинах одежды такой фасон называли «для солидных женщин».

И еще ей не нравилось, что раз в несколько месяцев Эллис уходил в запой. К понедельнику он успевал протрезветь, поэтому угрозы увольнения не было.

Иногда он брал с собой Пола. Пол не работал, поэтому, скорее всего, деньги ему давал Джордж. Видит бог, от меня он ничего не получил бы — я не давала ему ни цента.

Пол знал, что пьяным я его домой не пущу, поэтому оставался спать на диване у Бетти Сью. Если Эллис задерживался допоздна, Бетти Сью ждала полуночи, а потом шла его искать, а в это время с детьми оставалась я.

Однажды утром мы развешивали белье, и я спросила Бетти Сью:

— Ты бьешь Эллиса всякий раз, как он приходит домой пьяным?

— Не всегда, — покраснела она в ответ. — Я стараюсь вообще не бить его, мам, правда!.. Но иногда это сильнее меня. Меня так бесит, когда он приходит поздно, что не могу сдержаться!

Тогда я спросила, стараясь, чтобы мой голос был как можно спокойнее:

— Но я ни разу не видела, чтобы он давал тебе сдачи. Дает?

— Нет, и хорошо. Он такой большой, что если бы мог, сделал бы мне очень больно. Он просто старается держать меня на расстоянии, пока не остыну. Говорит, что пока он дотягивается, а я нет — он в безопасности. Радуется, что я не хватаюсь за биту или еще что-нибудь.

Я повесила рубашку и положила руку на плечо Бетти Сью:

— Прошу тебя, не делай так больше, Бетти Сью. Это не по-христиански, и нехорошо, что дети это видят. Его ты не изменишь — только им навредишь.

Уверена, Бетти Сью поняла, что мои слова искренни. Она тяжело посмотрела на меня.

— Это нелегко, мам. Когда я злюсь, то сама не соображаю, что творю. Это чувство как будто захлестывает меня, я почти готова его убить.

— Теперь у тебя есть дети, подумай о них. Что, если однажды ты что-нибудь ему повредишь, и тебя посадят в тюрьму? Что станет с ними? Я слишком стара, чтобы воспитывать четверых детей.

Глаза у нее расширились.

— Я больше пальцем его не трону, мам! Если опять разозлюсь, приду к тебе и расскажу все, как на духу, и не вернусь домой, пока злость не пройдет.

— Я буду молиться, чтобы так и было, детка.

Глава 64

Бесси и Джон купили дом в Сент-Клер Шорс, в десяти милях от нас. Теперь мы виделись редко и в основном общались по телефону.

Маленькая церковь в помещении бывшего магазина теперь была далеко от нашего большого дома на Лайкасте, пешком не дойти, а такси стоило дорого.

Я пробовала ездить в церковь на автобусе, но по воскресеньям он ездил очень редко, и на путешествие туда и обратно вместе со службой у меня уходило четыре часа. Нужно было подыскать что-то поближе к дому.

Я разговорилась со Стеллой, женщиной, жившей за углом, и спросила, куда она ходит в церковь. Она ответила, что вообще не ходит и понятия не имеет, где можно найти Церковь Святости. Я поискала в большом желтом справочнике, что оставила мне телефонная компания, но ничего не нашла.

В следующее воскресенье я решила пойти в маленькую Баптистскую церковь Эбенезера в нескольких кварталах от дома. Я оделась и встала перед зеркалом, чтобы приколоть шляпу. Каждый день я причесывалась перед зеркалом, но лишь в тот день с удивлением обнаружила, как сильно постарела.

С того момента, как я впервые обрезала волосы по дороге из Миссури в Детройт, я стала регулярно делать каре. В молодости волосы у меня были темно-каштановые. Теперь же вид у них был изможденный, а цвет — помесь нескольких оттенков серого и вкраплением каштанового на затылке. Талия раздалась, плечи ссутулились, тело избороздили морщины. Я натянула шляпу и отвернулась от собственного отражения.

Донна пошла вместе со мной. Всю свою жизнь она ходила и в Баптистскую церковь, и в Церковь Святости, поэтому привыкла к обеим.

За службой я наблюдала критически. По сравнению с моей церковью, баптисты казались слишком сухими. Священник читал проповедь так, будто это был урок в школе, абсолютно бесцветным голосом. Я привыкла к более прочувствованной речи, когда священник расхаживает из стороны в сторону, стучит по кафедре.

Еще мне не хватало музыки, с ней было намного радостнее. Здесь прихожане пели медленно и тихо, словно боялись кого-то разбудить.

Никто не вставал и не рассказывал о том, как помог ему Бог, не признавался в скрытых грехах, и, насколько я могла понять,

никто не наслаждался атмосферой. Когда мы с Донной выходили после службы, всего несколько человек улыбнулись и пожали мне руку. Никто даже не пытался со мной заговорить и пригласить на следующее собрание.

Больше я туда не пошла.

Глава 65

День и ночь я молилась о том, чтобы в доме у нас все наладилось. Пол по-прежнему прыгал с места на место, а заработанные гроши тратил с Эллисом в пивной. Когда они долго не возвращались, Бетти Сью отправлялась искать Эллиса по барам.

А Джорджу казалось, что все нормально.

Однажды в 1957 году, в пятницу вечером, Эллис пришел к нам. Видно было, что домой он не заходил, потому что нес с собой корзину из-под ланча.

— Позовите Пола, пожалуйста, — попросил он.

Я вернулась на кухню и велела Полу выйти. Эллис сказал ему пару слов, Пол открыл дверь и вышел, а когда они спускались по ступенькам, Эллис поставил корзину за перилами крыльца.

К полуночи они не вернулись, и Бетти Сью пришла ко мне, чтобы попросить посидеть с детьми, пока она сходит за Эллисом. Я знала: спорить с ней бесполезно, поэтому пошла к ним и легла спать на диване. Через час Бетти Сью вернулась, втолкнув в дверной проем Эллиса и Пола. Я ничего не сказала, лишь уступила диван младшему сыну и ушла домой.

На следующий день Пол не вернулся домой. Бетти Сью пришла вместе с детьми помогать мне готовить ужин.

— Пол у тебя? — спросила я ее.

— Нет. Эллис сегодня не работает — на заводе меняют оборудование. Они вышли часов в десять утра. Я слышала, как они перешептывались. Кто знает, что они задумали.

Позже она вернулась. Ни Эллис, ни Пол так и не пришли домой.

Джин ушел в подвал играть в шашки с Джорджем. Мы с Донной сели смотреть передачу с Биллом Кеннеди — голливудским актером, который переехал в Детройт и рассказывал зрителям о кинозвездах, игравших в тех фильмах, что он показывал.

Пол, шатаясь, ввалился в входную дверь около четырех дня. Я видела Эллиса снаружи, на тротуаре.

— Дай денег! — потребовал Пол. — Мы с Эллисом хотим пойти выпить пива.

Я скрестила руки на груди, не отрываясь от телевизора.

— Убирайся. Ничего я тебе не дам.

Держась одной рукой за стену, он направился в мою спальню, в самом конце коридора. Вернувшись с моей сумкой, он бросил ее мне на колени.

— Всего пару долларов.

Я сжала сумку:

— Я сказала, вон отсюда!

Пол выхватил у меня сумку и принялся в ней шарить. Наконец, нашел мой кошелек. Я попыталась вырвать его, но он оттолкнул меня, и я упала на диван.

Донна соскочила с дивана, схватила кошелек и вернула его мне, затем повернулась к Полу:

— Пол, ты знаешь, что она не даст тебе денег на выпивку. Может, лучше пойдете с Эллисом домой и проспитесь?

Пол покраснел.

— Ну всего пару долларов!

Он смахнул одну из моих статуэток со стола. Я попыталась ее ухватить, но она упала на пол и разбилась. Затем он принялся сдергивать подушки с дивана и стульев и разбрасывать по комнате. Я схватила его правую руку и стиснула что есть сил, но он взял маленькую металлическую корзину для бумаг, стоявшую рядом с моим стулом, и бросил ее.

Корзина угодила Донне прямо между глаз. Ошарашенная, она переводила взгляд с меня на Пола, брызнула кровь, попав на всех троих. Лицо у Пола побелело, он повернулся и выбежал из дома, хлопнув дверью.

Джин и Джордж в подвале услышали крики. В доме, где никто не повышал голоса, это было в диковинку. Они побежали наверх, чтобы посмотреть, в чем дело. Первым в комнату вбежал Джин. Увидев кавардак и свою дочь, стоявшую посреди всего этого и зажимавшую нос, и кровь у нее между пальцев, он взревел так, как будто ударили его.

— Что случилось? — закричал он.

— Приходил Пол, просил денег. Я ему отказала, и он вышел из себя.

— Он ее ударил? — спросил Джин, сжав кулаки.

— Нет, он бросил корзину, попав ей в лицо. Не нарочно, просто так получилось.

Джин вылетел из дома. Я подскочила и дернула Джорджа за руку.

— Беги останови его, Джордж, не то он убьет Пола!

Кто бы мог подумать, что в свои годы Джордж еще может так бегать? Я с трудом за ним поспевала. Пробежав полквартала, Джин настиг Пола и Эллиса. Он схватил Пола за плечо, развернул его и врезал кулаком в челюсть. Пол отлетел к телефонному столбу.

Эллис попытался оттащить Джина, но тот сбил его с ног — прямо на траву. Тому хватило ума не вставать. Джин повернулся

к брату и принялся колошматить его правой рукой, придерживая левой. Джордж подбежал и поймал руку Джина. Ему стоило невероятных усилий ее удержать.

— Джин, прекрати! — проорал он ему в самое ухо. — Если ты его убьешь, никому от этого лучше не станет!

Джин успокоился, но Джордж все еще держал его.

— Эллис, уведи-ка отсюда Пола, — сказал он. — И пусть несколько дней не показывается дома.

Эллис встал, не сводя глаз с Джина, и отвел истекающего кровью Пола от телефонного столба. Одной рукой он поддерживал его, не давая упасть. По дороге к их дому Эллис несколько раз оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что Джин не идет за ними.

Джин с Джорджем постояли немного, при этом Джин продолжал сердито смотреть вслед Полу и Эллису. Наконец дыхание его стало ровным, а лицо приняло естественный оттенок. Джордж повел его к дому.

— Давай-ка вернемся и посмотрим, как там Донна. Возможно, ее придется отвезти к врачу.

Слова эти потрясли Джина. Он бегом помчался домой, мы с его отцом — следом. На всех парах мы влетели в гостиную.

Я дала Донне холодное полотенце, чтобы она приложила его к лицу, и попыталась немного прибрать в комнате.

Джин обнял ее:

— Дай-ка посмотрю?

Донна отняла полотенце, и из пореза над переносицей опять потекла кровь. Джин взял ее руку и снова прижал полотенце к лицу.

— Вызови такси, мам, я отвезу ее в больницу.

Я позвонила, и пока мы ждали, помогла Донне переодеться, ведь ее одежда была забрызгана кровью. Затем и сама надела чистое платье. Такси прибыло минут через двадцать. Уже выходя, я велела Джорджу оставаться дома.

— Если Пол явится, скажи, чтобы убирался. Я серьезно. Мне он тут не нужен. Не хочу даже думать о том, что сделает Джин, если его здесь увидит.

Мы отправились в отделение скорой помощи и зарегистрировались. Медсестра в приемной сказала, что первый же освободившийся врач ее осмотрит. Так мы и сидели — Джин, я и Донна, все еще прижимающая к лицу полотенце, — три часа кряду. Больше никого в приемной не было.

Джин несколько раз вставал и подходил к стойке, спрашивал, скоро ли Донну посмотрит врач. Медсестра отвечала, что ее осмотрит первый же свободный врач.

К полуночи Донна устала. Мы пошли в туалет и встали перед зеркалом. Она отняла полотенце от лица и взглянула. Кровотечение остановилось, и ранка, похоже, закрылась. Под обоими глазами залегли черно-фиолетовые круги, левый почти заплыл.

Так она стояла несколько минут, но кровотечение не возобновилось. Мы вернулись в приемную, и она сказала Джину:

— Мне здесь надоело. Поехали домой.

Джин еще раз спросил у медсестры, не идет ли врач. Та в ответ лишь ухмыльнулась:

— Я не знаю, когда он придет. Сидите и ждите.

— Уже не надо, — ответил Джин.

Мы вышли, сели в такси и, совершенно измотанные, вернулись домой.

Глава 66

На другое утро после того, как Пол кинул в Донну корзину для бумаг, она собрала свои вещи и перевезла в дом бабушки Мейс. После этого она часто к нам приходила, но лишь через несколько лет снова осталась на ночь, и никогда больше не приводила с собой сестру.

Боясь вернуться домой, Пол несколько ночей подряд спал на диване в доме Бетти Сью. Наконец она сказал мне:

— Надо как-то выпроводить Пола из моего дома. У нас нет для него места, и он мне там не нужен. Когда Эллис приходит домой с работы, они только и делают, что сидят, как двое детей, и соревнуются, кто громче пукнет. Думают, это смешно.

— Пусть возвращается, Мод, — вставил Джордж. — Она за него не в ответе.

— А я, значит, в ответе? — вспыхнула я. — Это не я разрешала ему не ходить в школу и увольняться с любой работы, куда его брали. Он уже взрослый — пора научиться жить самостоятельно и найти собственный дом.

Джордж поскреб подбородок.

— Может, ему в армию пойти? Там ему мозги вправят.

«С Бадом они не очень преуспели, — подумала я, — но если Пола все-таки возьмут, хотя бы я от него избавлюсь».

— Ну хорошо, ступай к Бетти Сью и поговори с ним. Если он запишется в армию, может пожить здесь до своего ухода.

Итак, Пол вернулся домой. Когда приходила пора Джину возвращаться с работы, Пол шел к себе в комнату и не показывался ему на глаза.

В следующий понедельник они с Джорджем отправились в военкомат. Я чувствовала, что с моих плеч вот-вот свалится ноша. Но они вернулись с плохой новостью: ему присвоили категорию 4F.

Эллис сказал Джорджу, что в береговой охране, возможно, требования пониже, и они с Полом поехали туда. Но и там он не подошел. Потом — в Национальную гвардию, — и с тем же результатом. Я почувствовала себя в ловушке. Похоже, придется тащить Пола на себе до конца своих дней.

Теперь я стирала три раза в неделю, ведь на мне было еще постельное и личное белье моих постояльцев. Мне уже было за семьдесят, и несмотря на помощь Бетти Сью, я все быстрее уставала.

Однажды вечером я развешивала белье, когда Стелла пришла ко мне поболтать. Она взяла простыню из корзины и принялась

закреплять прищепки на веревке, рядом с той, куда вешала я.

— Ну как, Пола взяли в армию? — спросила она.

Я покачала головой.

— Нет, похоже, он им не нужен. Не может пройти их тесты.

— Что, везде попытался?

— В армию и в Национальную гвардию. Во флот и в ВВС его бы точно не взяли, так что туда мы даже не пошли.

— Может, ему в Торговый флот попробовать?

Я замерла, одной рука все еще держа край простыни, которую начала вешать:

— Об этом я как-то не подумала. Думаешь, они меньше спрашивают?

— Я слышала, что они постоянно ищут добровольцев. Сотрудничают с флотом, но это отдельная организация. Они занимаются поставкой грузов, чтобы флот мог существовать. Мой племянник несколько лет назад ушел туда служить, а он тоже не семи пядей во лбу.

— Я уж и не знаю, куда его отправить.

— Я спрошу у сестры.

Я обсудила это с Полом и Джорджем, и Пол согласился попробовать. Про себя я с надеждой подумала, что, возможно, у него наконец будет шанс повзрослеть. Быть может, вдалеке от дома и от отца он наконец найдет свой путь в жизни.

На следующее утро Стелла дала мне листок с адресом:

— Пусть сходит туда, и ему сразу скажут, подходит он или нет.

Джордж с Полом отправились на автобусе в центр Детройта. Их не было целый вечер, и я надеялась, что они вернутся с хорошей новостью.

Мы с Бетти Сью готовили и по очереди подходили к входной двери, вглядываясь, не идут ли они. На часах было уже пять вечера, когда они наконец вернулись. Увидев, как они идут по улице, я вышла на переднее крыльцо, им навстречу. Но по лицу Джорджа поняла: то, что он готовится сказать, мне не понравится.

— Что они ответили?

Пол стоял на ступеньке, позади отца. Джордж склонил голову вбок и вытянул руки.

— Похоже, я не совсем им подхожу.

— Значит, отказали?

— Не совсем, — пожал плечами Джордж.

Я почувствовала, как багровеет лицо, и сердце забилось чаще. Давление, наверное, подскочило.

— Что значит — не совсем?

— Работа очень тяжелая, и он должен будет уезжать из дома

месяцев на шесть подряд. Они работают по всему миру.

Я посмотрела через плечо Джорджа на Пола.

— Так ты сказал, что не сможешь?

Пол выпятил подбородок.

— Папа сказал, что я могу отказаться, если не хочу.

Я так рассердилась, что чуть не потеряла сознание. В молодости я бы безропотно приняла это и постаралась сделать все от меня зависящее. Теперь я стала старше и познала разочарования в жизни. Я повернулась к Джорджу с таким видом, что он моргнул.

— Так значит, ему предложили работу, а ты сказал, что он может от нее отказаться? Ты подумал, что с ним будет, когда я умру? Кто о нем позаботится?

— Все с ним будет нормально. Джин не даст ему пропасть.

От этих слов я разозлилась еще больше.

— Ты держишь его дома, что тех собак в Миссури. Зачем взваливать эту обузу на Джина? У него своя жизнь. К чему ему еще беспокоиться о взрослом человеке, которому лень самому работать.

Джордж подошел к Полу.

— Не говори о нем так в его присутствии. Что ему делать, если другой работы нет? Он ведь не виноват.

— Да, не виноват, Джордж, — огрызнулась я. — Это ты виноват.

— Я?

— Ты запрещал мне заставлять его учиться. Сейчас у него было бы хотя бы среднее образование. Когда он пошел в школу, ты потакал ему и разрешал прогуливать уроки. Теперь он взрослый мужчина, и едва может читать и писать. И на работе не задерживается, потому что берет пример с тебя.

— Что еще за пример?

— Ты целыми днями сидишь на крыльце или в подвале, играешь в шашки или сплетничаешь с соседями через забор. Он не видит, чтобы ты работал, и не понимает, зачем это ему самому.

Джордж насупился: ответить на мои обвинения ему было нечем. Мужчины прошли мимо меня в дом, а у меня звенело в ушах, и я на минуточку присела на качели, висевшие на крыльце. В глубине души я уже смирилась с тем, что из Пола не выйдет ничего путного.

Хотелось бы посидеть подольше, но пора бы накрывать стол к ужину. Скоро должны были прийти мои тринадцать жильцов, и все голодные. Дождавшись, когда сердце перестанет колотиться, я встала и вернулась к своим делам.

Когда ужин был окончен, посуда вымыта, а кухня прибрана, я поднялась к себе в спальню и заперла дверь. Голова раскалывалась, поэтому я сразу надела сорочку и легла в постель. Молиться в тот вечер у меня не получалось, вместо этого я прокручивала в голове собственные ошибки. Лежа в темноте, я начала обратный отсчет.

Сначала подумала о своем браке с Джорджем. С Джеймсом мы были так счастливы, и мне хотелось вновь обрести ту духовную связь, но даже теперь, после стольких лет брака и четверых детей, мы с Джорджем были не ближе, чем в первый день знакомства. Я дала клятву любить его, но не выполнила ее. Я никогда его не любила. Не вышло из меня хорошей жены.

Во-вторых, я столько лет надеялась достичь состояния благости, в котором, как мне казалось, уже пребывали многие прихожане моей церкви; того момента, когда я не буду больше грешить. Я просила Бога простить мне мои греховные чувства к Эвелин и Эллису, к Полу и Джорджу. Мне хотелось измениться, стать лучше, но с каждым днем неприязнь к ним только росла. Я просила Господа сделать меня добрее. Я верила в то, что Он простил меня, но сама не могла себя простить, а теперь я даже не ходила в церковь. Доброй христианки из меня тоже не получилось.

Не была я и хорошей матерью ни Баду, ни Полу. Последний был безнадежен, и как бы мне ни хотелось свалить все на Джорджа, в этом была и моя вина. Если бы я настойчивее заставляла Пола учиться, может быть, Джордж в конце концов и сдался бы. Нужно было топнуть и настоять на своем, но я не знала, как.

По крайней мере, у меня были Джин и Бетти Сью — оба любящие, заботливые, изо всех сил старающиеся выбиться в люди. Они — мое оправдание. Если не считать вспышек гнева, Бетти Сью была чудесной женщиной, жизнерадостной и счастливой, и хорошей матерью. Дети ее росли в любви и заботе, в доме всегда был порядок, и она изо всех сил старалась поддерживать мужа, каким бы он ни был грешником. Она искренне любила его. Иногда мне даже казалось, что слишком.

Джин был хорошим человеком. Он упорно трудился, всем сердцем любил свою дочь, хотя она не была ему родной, относился ко всем с уважением и делал все, чтобы я им гордилась. Я надеялась, что когда-нибудь он оставит мечту вернуть Эвелин и найдет себе другую спутницу жизни.

И еще была Донна. Она росла странным, независимым ребенком, приходила и уходила, когда вздумается, жила, где захочется, но я гордилась ею и безмерно любила.

Итак, я подсчитала свои промахи и удачи. На молитву было непохоже, но в конце концов мне удалось заснуть, чтобы встретить новый день.

Глава 67

Джордж все больше времени проводил на заднем дворе, болтая со Стеллой через изгородь. Я не обращала на это внимание. Ему уже было под восемьдесят, и по ночам он меня не беспокоил, к моему облегчению.

Однажды во вторник, в 1958 году, выйдя из подвала с корзиной белья, я увидела Джорджа и Стеллу. Держа в руках ее лицо, он целовал ее в щеку, она прильнула к нему. Я застыла. Они не видели, что я за ними наблюдаю.

Я вдруг почувствовала себя невероятно одинокой.

Однажды утром, две недели спустя, в дверь нашего дома постучали. В окошко я увидела человека в костюме.

— Могу я поговорить с Джорджем Фоли? — спросил он.

Я открыла дверь и пригласила его войти.

— Минутку, я его позову.

Пройдя через кухню, я спустилась в подвал.

— Джордж, к тебе пришли.

Он с озадаченным видом поднялся наверх: с момента выхода на пенсию к нему никто не приходил.

— Вы — Джордж Уильям Фоли? — спросил мужчина.

— Да, это я, — ответил Джордж.

— Это вам. — Мужчина протянул ему конверт, затем кивнул мне, сказал: — Спасибо, мэм, — и ушел.

Джордж стоял, сжимая конверт, все с тем же озадаченным лицом. Потом вскрыл его и развернул документы, что были внутри. Прочел, потом вернулся в начало и перечитал. Я ушла на кухню и принялась помешивать картошку, мыча себе под нос песенку.

Он подошел ко мне.

— Ты не можешь этого сделать, Мод.

— Еще как могу. Уже сделала. Я приняла решение.

— Мы женаты сорок лет, что на тебя нашло?

Тут я повернулась.

— Я сейчас тебе скажу, что на меня нашло. Я видела тебя во дворе со Стеллой. За десять секунд ты проявил к ней больше любви, чем ко мне со дня нашей свадьбы. Иногда у меня сердце разрывалось — так я хотела, чтобы ты просто взял меня за руку или обнял, но ты никогда этого не делал, никогда!

Рот его сам собой раскрылся.

— И как же я должен был понять, что ты ждала от меня этого?

— А что, об этом нужно просить? Я никогда не отказывала

тебе в постели, родила тебе детей, готовила для тебя и убирала твой дом. Я была тебе хорошей женой.

Он покраснел.

— А тебе никогда не приходило в голову, что и мне нужно было то же самое?

Я стояла, как громом пораженная, и по щекам катились слезы.

— Нет, Джордж, не приходило. По твоему лицу трудно было сказать, что я тебе вообще нужна.

— Прости, Мод. Давай просто забудем это. Хочешь, я вообще больше не буду разговаривать со Стеллой. Я с ней ни разу не спал, ничего такого вообще не было.

— Дело не в том, спал ты с ней или нет. Если бы вы переспали, мне бы, может быть, даже легче было бы это принять. Но ты дал ей то, чего никогда не давал мне. И это стало последней каплей, Джордж.

— Последней каплей? О чем это ты?

— Последним, в довершение ко всему, что накопилось.

— Что еще накопилось?

— Начать с того, как ты позволил своей матери обращаться со мной. Ты помнишь, что однажды она даже пыталась меня убить? А ты это так и оставил. Мне пришлось жить в твоем доме, боясь за собственную жизнь.

— Я бы не позволил ей причинить тебе вред.

— Ты целыми днями был в городе и играл в шерифа. Как бы ты ей помешал?

— Я не думал, что она и в самом деле способна что-нибудь тебе сделать.

— Ты так ее боялся, что даже не решился поговорить с ней об этом. — Я перевела дух и продолжила: — И это не все. Это ты испортил Бада и Пола, позволяя им пить и шататься без дела, как делал сам; страшась лишний раз перетрудиться, заставляя меня делать в Кеннете всю мужскую работу по дому, а потом и вовсе оставшись без работы.

— Так это ведь из-за Депрессии.

— А теперь-то что? Ты ушел с работы, как только получил право на пенсию, а теперь все деньги тратишь на пиво и сигареты. Я работаю по 14 часов в день в этом доме, а иногда и больше, готовлю и убираю, а ты, наверное, этого и не замечаешь. Поднимаешься только для того, чтобы поесть и посмотреть телевизор. Когда я-то выйду на пенсию? Когда умру?

Он насупился.

— И что мне, по-твоему, делать, Мод?

— Я хочу, чтобы ты собрал вещи — свои и Пола, — съехал

отсюда и его забрал с собой. Я не собираюсь больше с вами возиться. Можете жить у Стеллы. Посмотрим, захочет ли она после того с тобой целоваться.

— Но это же смешно! Мы едва знакомы!

— А мне показалось, вы достаточно близки.

— Посмотрим, что на это скажет Джин, когда придет с работы.

— Я не передумаю, Джордж. Уже все решено. Я от тебя устала.

В половине четвертого Джордж снова поднялся из подвала вместе с документами, вышел на крыльцо и стал ждать Джина с работы. Я видела, что он там сидит, но ничего не сказала.

Когда на тротуаре появился Джин, Джордж встал и пошел ему навстречу. Они остановились, и Джин стал читать бумаги. Наконец он ворвался в кухню, размахивая документами. Джордж остался ждать снаружи.

— Мама, что это на тебя нашло? Ты не можешь этого сделать!

— Я уже все сделала и назад не поверну. Я хочу, чтобы ни его, ни Пола больше здесь не было.

— И что ему делать? Его пенсии не хватит на двоих!

— Надо было думать об этом до того, как крутить шашни со Стеллой.

— Что? — Джин отшатнулся, как будто его ударили.

— Спроси его сам, — только и ответила я.

Джин вылетел из комнаты на крыльцо. Через открытое окно я слышала, как они разговаривают: Джин — громко и возбужденно, Джордж — тихо и смущенно.

Спустя некоторое время Джин вновь вошел и поднялся в свою комнату. Джордж молча прошел мимо меня и спустился в подвал.

Глава 68

Бетти Сью пришла помочь мне готовить ужин, и мы обе принялись выполнять привычные обязанности. Я ничего не говорила ей о разводе.

Джин ушел, не поужинав, и его не было до самой темноты. Когда наконец он вернулся, мы уже поели. Я поставила перед ним тарелку и подогрела еду в духовке. Джин дождался, пока Бетти Сью закончит помогать мне убирать со стола и мыть посуду и уйдет домой, и лишь потом заговорил со мной:

— Я подыскал нам с отцом квартиру. Если ты не передумаешь, завтра мы съедем.

Я ответила не сразу, хотя была и не удивлена. В глубине души я знала, что он так поступит. Он был моим сыночком, с самого начала, но и отца он тоже любил.

— А как же Пол? — спросила я.

— Мне все равно, что с ним будет. С нами он не поедет.

Слеза скатилась по моей щеке: никуда мне не деться от Пола.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, Джин, но знаю, что ты любишь отца. Я не стану тебя отговаривать.

— Мам, ему семьдесят шесть лет, неужели нельзя просто забыть о том, что случилось? Он сказал, что больше к ней не пойдет.

— Если бы дело было только в этом, я бы забыла, но есть и другое. Есть то, о чем ты даже не знаешь.

— Что еще?

— То, что между мужем и женой. То, что тебя не касается. И я не передумаю, что бы ты ни сказал.

Джин ненадолго спустился в подвал поговорить с Джорджем, затем поднялся к себе в комнату. На следующее утро они с Джорджем перевезли свои вещи в маленькую квартирку в нескольких кварталах от нашего дома.

Иногда я плакала по Джину. Он сердился на меня и долго не приходил. По Джорджу я не тосковала и вообще редко о нем думала.

Однажды вечером ко мне пришла Донна, и мы начали обсуждать семейные дела. Когда Джин позвонил ей, рассказал о разводе и сообщил новый адрес, она приняла это как должное. К разводам ей было не привыкать. С тех пор Донна по очереди ходила в гости то к Джину с дедушкой, то ко мне.

Так продолжалось несколько месяцев, пока наконец она не рассказала, что накануне заходила к отцу. Они сыграли несколько конов в шашки с Джорджем, и Джин приготовил ужин в

маленькой кухне — консервированная индейка и рис по-испански. За ужином Донна сказала:

— Бабушка по тебе скучает, пап. Давай завтра сходим к ней вместе?

Джин посмотрел на Джорджа, тот кивнул.

— Хорошо, — согласился Джин.

На следующий день она зашла к отцу, и они вместе пришли ко мне. Вместо того чтобы просто войти, Донна встала позади Джина, и он постучал в дверь. Увидев его, я остановилась на полдороге. Так мы и стояли, не делая шага вперед, пока Донна не отодвинула ширму и не придержала ее, чтобы он вошел.

Мы обнялись и простояли так несколько минут. Потом весь вечер проговорили на кухне. С тех пор Джин стал заходить ко мне раз или два в неделю.

Глава 69

Несмотря на то что Джин и Эвелин снова возобновили отношения, через некоторое время она его бросила и в очередной раз вышла замуж, за некоего Джина Фредетта, который служил во флоте и воевал в Корее. Он был барменом в баре на углу, куда Эвелин иногда ходила с подругами, там они и познакомились.

Через несколько месяцев Джин и сам начал встречаться с симпатичной соседкой по имени Хелен. Она была в разводе и воспитывала маленького сына. Я надеялась, что он наконец нашел себе спутницу и скоро забудет о своей мечте вернуть Эвелин.

Глава 70

Однажды вечером, в августе 1962 года, Джин пришел ко мне с плохими вестями: он целую ночь провел вместе с отцом в больнице.

По его словам, Джордж решил сходить в магазин на углу, рядом с их квартирой, пока сын был на работе. Не рассчитав высоты ступенек, он упал с лестницы и не смог подняться, пролежав два часа. Так его и нашел Джин, придя с работы.

Машины у них не было, поэтому пришлось вызывать «скорую». Когда они позвонили в первый раз, было около четырех дня, и им ответили, что приедут, как только смогут. Так он звонил каждые полчаса, и каждый раз отвечали то же самое. Миновало восемь вечера, когда «скорая» наконец приехала. Джорджа отвезли в больницу. Оказалось, сломано бедро. А еще через несколько дней у него началась пневмония.

Вся наша оставшаяся семья — Джин, Пол, Бетти Сью, Донна и я — отправилась в больницу. Джордж, не понимая, что происходит, метался на постели, сбрасывая одеяла и выдергивая трубки капельницы. Наконец его связали и дали успокоительное.

Бетти Сью была вне себя от горя и твердила медсестрам, чтобы лучше следили за отцом, она выговаривала им за всё в больнице: от рваных простыней до баллонов на капельнице, которые не меняли вовремя. Наконец я сказала Бетти Сью, что своими причитаниями она делает только хуже: теперь медсестры не приходят к Джорджу, чтобы лишний раз с ней не встречаться. Она успокоилась, но лишь на один день, а потом снова продолжила кричать на медсестер, размахивать руками и жаловаться. Оставив детей с соседкой, Бетти Сью по несколько часов сидела у постели отца, держа его за руку.

В субботу вечером, когда я уже готовилась ложиться спать, Бетти Сью пришла ко мне.

— Эллиса нет уже почти два дня, — сказала она сквозь слезы. — Пол вернулся без него несколько часов назад. Пойдем со мной, мам, нужно его найти!

— Нет, никуда мы не пойдем. Закончатся деньги — сам придет.

— Может, ему плохо?

— Ты думаешь так всякий раз, когда он пропадает.

— Знаю, но мне нужно его найти. Пожалуйста, пойдем со мной.

— А кто с детьми?

— Пол. Он не знает, куда пошел Эллис после того, как они

расстались.

Я вздохнула и покачала головой.

— Ну хорошо, подожди минутку.

Взяв сумочку, я вышла вместе с дочерью. Мы принялись, как обычно, обходить все заведения, где Эллис бывал чаще всего. В некоторые из них они с Полом заходили накануне ночью, но Эллиса никто не видел. Наконец, один из барменов сказал, что прошлой ночью, почти за полночь, он вышел оттуда без Пола.

В следующем месте одна из официанток была знакомой Бетти Сью. Я подождала, пока они разговаривали.

— Привет, Луиза, — улыбнулась Бетти Сью. — Я ищу Эллиса, он не заходил?

— Да, был тут вчера вечером. Бармен выставил его перед закрытием. Вид у него был помятый.

— Он дома не ночевал. Как думаешь, куда он мог пойти? Может, с ним кто-то был, может, женщина?

— Нет, он был один. Может, лучше домой пойдешь? Он рано или поздно вернется.

— Я беспокоюсь — вдруг ему плохо?

Луиза поставила поднос на барную стойку и наклонилась к Бетти Сью:

— Если к двум ночи не найдешь его в каком-нибудь баре, можно посмотреть в ночных заведениях на Хилльджер-стрит, 1912. Только не говори, что я тебе сказала.

— Спасибо, Луиза.

Мы вышли из бара и пошли по Джефферсону. На углу с Сент-Жаном встали в толпе людей у светофора. Уже давно было пора спать. Я дернула Бетти Сью за руку и сказала:

— Мы его сегодня не найдем. Пойдем домой. Мне завтра утром вставать, а ты ведь еще хочешь идти к отцу в больницу.

Она вырвала руку и развернулась.

— Нет! Мне надо его найти. Он мне нужен! — Тут она разрыдалась. — Папа умирает в этом ужасном месте, а от их лечения ему только хуже! А Эллис, вместо того чтобы быть со мной, уходит и напивается. — Она воздела руки вверх, как будто обращаясь к небесам: — Мне нужно его найти!

Я попыталась ее урезонить:

— Ходить и искать его все равно бесполезно.

Но чем больше я говорила, тем сильнее она горячилась.

— Папа скоро умрет, может, даже завтра! Я должна, должна найти Эллиса! — с жаром повторяла она.

Несколько человек, в том числе и мы с Бетти Сью, подошли к бордюру, ожидая, что светофор вот-вот загорится зеленым. Наконец он переключился, и Бетти Сью сделала шаг вперед. Она

была где-то в футе слева от меня… и вдруг пропала.

Мимо, ослепив вспышкой света, пронесся кабриолет — так быстро, что мы даже не разглядели его очертаний. Он сбил с ног меня и еще одну женщину.

Лишь спустя целую минуту я осознала, что случилось, и села. Какой-то мужчина наклонился ко мне и помог подняться.

— Вы в порядке, леди?

— Думаю, да, — ответила я, отряхивая пыль с платья. Я осмотрела себя: левая рука и нога оцарапались о бетон, но в остальном, казалось, все было в порядке.

Кто-то начал возмущаться.

— Я сейчас позвоню в полицию! — заявил какой-то мужчина.

Я поискала глазами Бетти Сью, но ее не было видно. Несколько раз, обойдя толпу, я звала ее по имени, но она не отзывалась.

В конце улицы показался кабриолет — он ехал обратно. Она сидела на заднем сиденье. Когда машина остановилась у бордюра на противоположной стороне, с пассажирского сиденья выскочил человек, подбежал к нам и принялся кричать:

— Я говорил им, говорил, чтобы остановились! Я не виноват!

Он подходил то к одному человеку в толпе, то к другому, хватал их за руки и все повторял, что ничего не мог поделать. Водитель неподвижно сидел.

Я бросилась к машине, посмотреть, не ранена ли Бетти Сью, проверить, не нужна ли ей скорая помощь. Она сидела, уставившись прямо перед собой, и прежде, чем я успела добежать, упала с сиденья. Между нами столпились люди, обступив машину. Кто-то сказал:

— Эта женщина мертва!

Я пошатнулась, и кто-то меня подхватил.

— Нет! — кричала я. — Нет!

Человек, державший меня, обнял меня за талию и крепко прижал, чтобы я не упала. Я пыталась к ней пробиться, но не могла даже шагу ступить.

«Может, они ошиблись?» — думала я. Бетти Сью просто без сознания, вот и все. Через минуту она очнется. Просто нужно, чтобы все эти люди отошли от нее и дали вздохнуть спокойно.

— Отойдите! — закричала я. — С дороги! Я ее мать! Я должна ей помочь!

Кто-то оттащил меня и почти силком заставил сесть на скамейку. Приехала полиция, за ней — «скорая помощь». Врачи с минуту копошились над ней, затем достали из машины каталку и положили на нее.

Лишь когда ее накрыли простыней, я поняла, что тот человек

не ошибся. Моя дочь была мертва. Голова закружилась, и я упала. Мужчина, державший меня, закричал:

— Док, сюда!

Помню, как мне под нос сунули бутылочку с нюхательной солью. Это был не обморок, но я видела все как в тумане. Врач хотел отвезти меня в больницу, но я отказалась.

Полицейский участок был сразу через дорогу. Меня расспросили о случившемся, и я сказала все, что знала. Приехали другие полицейские и начали опрашивать людей в толпе. Я видела, как двух человек из кабриолета уводят в наручниках.

Подняться я даже не пробовала: знала, что не смогу стоять. Несколько человек пытались мне помочь, кто-то принес стакан воды, и я сделала пару глотков.

Джин, Бетти Сью и мои внуки были для меня самым дорогим в этом мире, а теперь Бетти Сью не стало.

Я не понимала, как Бог мог допустить такое.

Глава 71

Полицейская машина привезла меня домой. Они все настаивали, что мне нужно в больницу, но мне не хотелось. Я знала, что ни больницы, ни врачи не в силах мне помочь. Дома был один из постояльцев, и я послала его в дом Бетти Сью, сказать Полу, чтобы привел ко мне внуков, если Эллис еще не вернулся.

Пришел Пол и сказал, что Эллис только что заявился, и даже не пьяный.

— Вернись и приведи его, — сказала я. — Бетти Сью погибла.

Пол выбежал и через несколько минут вернулся вместе с Эллисом и детьми. Если бы я могла стоять, то пошла бы на кухню, схватила бы самый большой нож и забила бы Эллиса до смерти. Но сил не было.

Я велела Полу сходить к Джину и рассказать ему о случившемся. Потом пошла к себе, задернула шторы и заплакала. Голова болела так сильно, что казалось, вот-вот разорвется.

Джин пришел всего через несколько минут. Он вызвал врача, который сразу приехал и что-то мне вколол. Следующие несколько дней я все время спала.

Джорджу было 77, и его травмы и пневмония оказались для него непосильной ношей. Он умер на следующий день, так и не узнав, что наша любимая дочь опередила его.

Джин был вне себя от горя; горевала и Донна. Пол рыдал по отцу, как маленький ребенок. Теперь у него не осталось никого, кто бы хорошо к нему относился: отец, брат Бад и сестра, — все умерли, Джин вычеркнул его из своей жизни. Хоть у нас и был телевизор, Пол по несколько часов в день сидел за кухонным столом, уставившись в окно, и смотрел на проезжающие машины. Он утратил последнюю искорку жизни и замкнулся в себе. Но мне было его не жалко.

Обоими похоронами занимался Джин. Эллис был в каком-то ступоре и все повторял:

— Это я виноват, это я виноват, — пока я, не в силах больше это слушать, не сказала:

— Ты прав. Это ты виноват. Ты убил ее.

И он наконец-то заткнулся.

Тело Бетти Сью один день стояло в похоронном бюро, а потом ее похоронили в Форест Лоун, недалеко от Бада.

На следующий день в газетах «Новости Детройта» и «Свободная Пресса» вышла большая статья. Машина, сбившая Бетти Сью, пронеслась через весь Джефферсон-авеню. Несмотря

на все уговоры друга, молодой человек за рулем не захотел останавливаться: боялся, что его отправят за решетку. Оглянувшись назад, пассажир увидел Бетти Сью — она, после того как ее сбили, угодила прямо на заднее сиденье открытой машины. Тот закричал от ужаса и наконец уговорил водителя вернуться. Сначала они думали, что она жива, и предложили отвезти ее в больницу. Когда же поняли, что она мертва, то повернули машину и вернулись на место происшествия. Они примчались где-то через минуту после приезда полиции.

Глава 72

После развода с Джорджем мы со Стеллой перестали даже здороваться, но я помню, что она каждый день приходила готовить и следить за порядком. Люди из церкви и другие соседи приносили еду и вообще помогали.

Через неделю я постаралась вновь вернуться в привычное русло. Нужно было кормить жильцов, убираться в доме, поэтому в следующий понедельник я встала пораньше и занялась делами. Мне было уже почти восемьдесят, и к концу недели я поняла, что без помощи Бетти Сью ни за что не справлюсь с тринадцатью постояльцами и Полом.

Я наняла девушку, но через пять дней постоянной готовки, хождения за покупками и стирки она уволилась. За ней — еще две. Наконец пришлось признать, что ничего у меня не выйдет.

Я поговорила с двумя своими любимыми жильцами — мистером Крайдером — вдовцом и моим ровесником, и милым молодым человеком из Кентукки по имени Дуг. Я ощущала духовное родство с ними, потому что они тоже были из Церкви Святости, хотя и давно не посещали собраний. Они согласились переехать вместе с нами в дом поменьше. Я нашла местечко с четырьмя спальнями на Марк-авеню, рядом с Католической церковью Святого Бернарда. Теперь, когда доход мой резко сократился, я едва сводила концы с концами. Джин, как мог, каждую неделю помогал мне деньгами.

У мистера Крайдера была машина. Я рассказала ему, как мне не хватает своей церкви. С тех пор мы вместе с ним и Дугом каждую неделю ездили на собрания.

Эллис женился снова, всего через несколько месяцев после смерти Бетти Сью, и теперь ему было не до Пола. А без собутыльника и Пол ходил трезвым.

Глава 73

Донна окончила Юго-Восточную старшую школу и начала работать в «Мичиган-Белл» дистанционным оператором. Мы с Джином очень ею гордились. Донне было 17 лет, но она по-прежнему жила с бабушкой Мейс и платила за комнату и содержание, изо всех сил стараясь выйти в люди.

Вскоре после ее восемнадцатого дня рождения Джин получил письмо от советника в судебном процессе. Эвелин подала на него иск за неуплату алиментов. Похоже, за то время, пока Донна жила с нами на каникулах и в остальное время, будучи подростком, Джин решил, что деньги перечислять больше не нужно.

Донна отпросилась с работы, и мы втроем отправились в суд, в день, когда было назначено слушание. Я рассказала судье, что все школьные каникулы Донна проводила у Джина, и о том, что она целых два года постоянно жила у него дома. Донна, в свою очередь, рассказала, что именно он водил ее к стоматологу и другим врачам, покупал ей очки и книги, давал ей деньги на карманные расходы и оплачивал все школьные сборы. Именно он купил ей всю одежду, что у нее была.

Однако несмотря на это, судья признал Джина виновным и постановил выплатить запрошенную сумму — ведь он не сохранил чеки. Это сильно подорвало его бюджет.

Впрочем, нет худа без добра. Когда после суда мы зашли пообедать, он немного поковырялся в своей еде, размазывая ее по тарелке, и наконец сказал:

— Наверное, все эти годы ты была права на ее счет, мам. Я наконец взглянул на Эвелин твоими глазами. Я все надеялся, что добьюсь в конце концов ее любви, но теперь понял, что она никогда не любила меня, ни единого дня.

Джин наконец разлюбил женщину, чей образ преследовал его столько лет, и теперь мог найти ту, что полюбит его таким, каков он есть. Я вздохнула с облегчением.

— Пусть Эвелин радуется деньгам — зато мы наконец избавились от нее.

В девятнадцать лет Донна вышла замуж за Лонни Мабри, молодого человека, с которым они встречались еще подростками. Джину он никогда не нравился, но ему вообще не нравился никто из ребят, с которыми дружила Донна. Лонни проходил базовую подготовку в армии. Они сыграли тихую свадьбу в Баптистской церкви, и он ушел на курсы спецподготовки. Донна по-прежнему жила вместе с бабушкой Мейс.

Спустя полгода брака Донна с радостью сообщила мне, что

ждет первенца. Мы всегда любили детей, поэтому все мы, даже Пол, стали с нетерпением ждать его появления.

Глава 74

В первые несколько недель после смерти Джорджа и Бетти Сью Джин навещал меня каждый вечер. Я знала, что и ему тяжело, но мое присутствие как будто приносило ему утешение.

Однажды вечером он приехал на кремовом «Понтиаке Бонвилль» 1958 года выпуска. Я вышла на него полюбоваться. Джин был чрезвычайно горд своей машиной, ведь она была у него первой. Он покатал меня по кварталу, и когда мы вернулись домой, припарковался и сказал:

— Если бы у нас была машина, когда папе стало плохо, я бы сразу отвез его в больницу, а не дожидался бы «скорой». Не хочу больше оказаться в такой ситуации.

Я понимающе кивнула:

— Знаю, но не казни себя. Твой отец сильно ушибся при падении — не думаю, что он выкарабкался бы.

— Ну, в общем, теперь у меня есть машина.

— Это хорошо, Джин.

Мы вошли в дом, и он сел за стол на кухне. Я приготовила ему поесть и заговорила о том, о чем размышляла с самых похорон.

— А ты не думал о том, чтобы вернуться, ведь папы больше нет? — осторожно начала я.

Джин глубоко вздохнул: должно быть, он ждал, что я об этом спрошу.

— Нет, мам. Не уверен, что это правильно.

— Я просто спросила.

— Ты знаешь, как я отношусь к Полу. Вряд ли мы с ним уживемся под одной крышей. К тому же у вас теперь мало места. Тебе придется попросить съехать Дуга или мистера Крайдера, а ведь они были так добры к тебе, да и ты к ним привязана.

— Можно было бы подыскать дом побольше.

— Ну, на самом деле я кое с кем встречаюсь, и довольно часто. Ее зовут Лоретта. Она мне очень нравится, мам, и мы подумываем жить вместе.

Джин сказал именно «нравится», а не «люблю». Может, это и к лучшему, подумала я. Он так сильно любил Эвелин — и во что она превратила его жизнь?

Я села рядом с ним и положила ладонь на его руку.

— Ты заслуживаешь счастья. Надеюсь, на этот раз у тебя получится.

Эвелин тем временем родила еще одну девочку и назвала ее Линдой. Донна была рада сестренке и показала мне ее

фотографии. Линда была очень хорошенькой, вся в тугих светлых кудряшках. К тому же она еще больше отдалила Эвелин от Джина, чему я была только рада.

В сентябре 1962 года Донна все еще работала в телефонной компании, но уже собиралась в декретный отпуск — по договору со страховой компанией она не могла работать после шестого месяца беременности. Где-то раз в неделю она приходила ко мне.

Вскоре Донне предстоял переезд в Форт Райли, Канзас. Лонни нашел квартиру в Манхэттене, городке в нескольких милях от воинской части. Нам с Джином очень не хотелось с ней расставаться, но в то же время мы гордились Донной и тем, как складывалась ее жизнь.

Однажды мне позвонила Лоретта и сообщила, что у Джина проблемы с почками и его положили в Харпер-хоспитал. Я тут же набрала Донне, и поскольку у нее была машина, через некоторое время она заехала за мной, и мы вместе поехали в больницу.

Когда Донна вошла в палату, лицо Джина озарилось. Долгое время по утрам ее мучила тошнота, и когда она наконец отступила, Донна начала прибавлять в весе. На шестом месяце ее беременность наконец становилась заметной.

Джин широко улыбнулся ей:

— Я в порядке — это просто обследование. Не волнуйся. Езжай в Канзас. Через несколько дней меня выпишут, а с понедельника снова выйду на работу.

Его хорошее настроение и румянец на щеках немного меня приободрили.

Донна вернулась в Канзас, а позже, в ноябре 1962 года, в Военном госпитале Эрвин родила дочь Мелани. Роды были быстрыми и легкими.

Фотографию маленькой девочки, что Донна прислала в следующем письме, мы с Джином берегли, как сокровище.

Глава 75

Я потеряла сына и обеих дочерей, Джордж умер, а Донна жила едва ли не на другом конце страны. Вскоре моя жизнь изменилась в еще более худшую сторону: мистер Крайдер, один из моих последних постояльцев, заболел и перебрался к сыну и невестке. Другой жилец, Дуг, женился и тоже съехал. Я осталась в доме одна с Полом, который так и не нашел работу себе по душе.

Мне часто хотелось выставить его за дверь, но я не могла решиться. Целыми днями он только и делал, что спал допоздна, потом сидел у окна, уставившись вдаль, смотрел телевизор и снова шел спать.

Я держала дом в чистоте, как и всегда. Жила я лишь ради нескольких минут общения с Джином. Он приезжал дважды в неделю и отвозил меня на рынок. В остальные дни, если что-то было нужно, приходилось идти в магазин на углу, но там было дороже. К тому же я не могла носить больше одного пакета, а Пол мне совсем не помогал.

Когда Джин предлагал мне деньги, я отказывалась, говоря, что справляюсь, но… это было не так. На самом деле мои сбережения быстро таяли, а пенсии не хватало даже на одного человека, не говоря уж о двоих.

Однажды Джин привел свою подругу Лоретту познакомиться со мной. Когда они подъехали к дому, я заметила, что за рулем сидела она, и это меня поразило. И еще меня обеспокоил вид Джина. Его кожа приобрела зеленоватый оттенок, и шел он медленнее обычного. «Может быть, она за рулем именно потому, что он неважно себя чувствует?» — подумала я.

Мы вежливо поговорили, но я не прониклась к ней большой симпатией. Думаю, дело во мне: наверное, я никогда не смогла бы полюбить женщину, которую предпочел мой сын. Тем не менее ради Джина я приложила все усилия, чтобы Лоретта чувствовала себя комфортно.

Он переехал из своей квартиры к Лоретте, но со свадьбой они медлили. Мне это не нравилось. Джин все еще не поправился и не мог работать. Мне он сказал, что, как только встанет на ноги, они сыграют свадьбу. И хотя мне претила мысль о том, что мой сын живет с женщиной вне брака, перспектива свадьбы с Лореттой меня тоже не сильно воодушевляла.

Джин не вылезал из больницы, проводил там по несколько месяцев. Его почки, которые он когда-то повредил, упав с крыши, теперь отказали. Днем Лоретта работала, поэтому по будням я ходила к ним домой и готовила обед. Содержимое их

холодильника поразило меня. Большую часть продуктов Джину нельзя было есть.

Однажды я спросила у него:

— Я увидела в холодильнике огурцы. Тебе разве можно такое?

— Думаю, да. Доктор дал Лоретте список продуктов, которые мне можно.

— А другое… редиска, оливки?

— Я в порядке, мам, не волнуйся, — улыбнулся Джин.

Но я волновалась. С каждым днем он выглядел все хуже, и я не знала, помогает ему Лоретта или вредит.

Глава 76

Теперь я думаю, что Бог отмеривает каждому из нас столько счастья, сколько положено, и кому-то достается больше, чем другим. Вот как талоны на еду, что давали нам во время войны — столько-то масла, столько-то сахара, и ни крупицы больше. И еще я думаю, что иногда счастливые моменты так хороши, что должны считаться за двойную порцию — как те два года, что я прожила вместе с Джеймсом.

Оставшаяся доля моего счастья была размазана по всей жизни неровным слоем, главным образом скапливаясь вокруг Бетти Сью и Джина. Когда я теряла дорогих мне людей, поток счастья прерывался — так было, когда умерли мои папа и мама, потом Джеймс, Лулу и Бетти Сью. Теперь же я была уверена, что скоро потеряю и Джина. Похоже, моя порция счастья была на исходе.

Всякий раз после расставания с ним у меня по несколько часов болела голова, и иногда боль была такой сильной, что я принимала аспирин и лежала в темноте весь вечер, пока боль не утихнет.

Однажды утром, в апреле 1963 года, Лоретта позвонила мне, чтобы сообщить, что Джина увезли на «скорой помощи» в Харпер-хоспитал. Целых два часа я добиралась на автобусе до больницы, и все время едва сдерживалась, стараясь не броситься к водителю, барабаня в стекло, чтобы он ехал быстрее.

Когда наконец я приехала, он был в отделении интенсивной терапии. Увидев его, я до смерти перепугалась. Он лежал неподвижно, в лице ни кровинки. К обеим рукам подведены трубки капельницы и провода от нескольких мониторов. Я взяла его за руку и что-то пролепетала, он открыл глаза и слабо улыбнулся, потом снова закрыл их.

Я села на стул у кровати. Через несколько часов вошел врач и осмотрел его. Закончив, он взял меня за руку и вывел в коридор.

— Мне очень жаль, миссис Фоли. Мы вряд ли сможем что-то сделать при таком отказе почек. Я еще раз попробую переливание — иногда очень помогает.

— Мне позвонить его дочери? Она в Канзасе, у нее муж военный.

Он помедлил.

— Да, думаю, лучше позвонить.

Донна прилетела домой вместе с Мелани, и сын мистера Крайдера встретил их в аэропорту. Потом они заехали за мной, и мы вместе отправились прямиком в больницу. Донна вместе с

ребенком вошла в палату Джина. Как раз накануне ему сделали переливание, и теперь Джину было гораздо лучше. При виде внучки он разволновался:

— Какая красавица! Ну прямо куколка, да? — Он посмотрел на меня. — Правда, похожа на Донну?! А, мам?

Он прижался щекой к личику Мелани, закрыл глаза и так сидел несколько минут, качая ее. Мы были с ним до тех пор, пока позволял медперсонал, на следующий день приехали вновь, потом снова и снова, и всякий раз сидели с ним до последнего.

Доктор был потрясен улучшением состояния Джина и сказал, что, возможно, через несколько дней его выпишут. Он уже сидел и даже мог понемногу ходить.

Донна уехала из Мичигана, но я знала, что на сердце у нее неспокойно. Через месяц Джин снова попал в больницу, и на сей раз ему было хуже, чем прежде. Он то и дело терял сознание. Меня охватило отчаяние. Мне было так одиноко, как будто весь мир мой рушился. И я снова позвонила Донне.

Денег на самолет не хватало, поэтому Донна поехала на поезде. Поездка была долгой, с пересадкой в Чикаго и трехчасовой задержкой. Она опоздала: Джин умер ночью.

В Детройте Донна жила у меня. Мы достали ящик из комода, положили в него подушку — получилась кроватка для Мелани. Сама Донна снова спала со мной, совсем как в детстве.

Так, родив пятерых детей, я четверых из них потеряла. И хотя я тосковала по Лулу, но тогда у меня на руках были Бад и Джин, и от этого становилось легче. Когда умер Бад, я заботилась об остальных. Потом я потеряла Бетти Сью, и сердце мое разорвалось. Теперь и Джин покинул меня, и это было в тысячу раз хуже. Зачем вообще теперь жить?

Глава 77

Джин оставил на мое имя страховой полис на десять тысяч долларов. Часть из них забрало похоронное бюро: похороны обошлись в пять тысяч.

Джин всю жизнь откладывал деньги — в этом он пошел в меня. Когда мы с Донной пошли в банк, где у него был счет, нам сказали, что деньги уже сняли и счет закрыт. Позже тем же вечером мы с Донной, как всегда, беседовали, и я рассказала ей о последних днях Джина. Перед смертью он сказал, что половину денег оставляет дочери. Я пообещала переслать их, как только получу чек.

Лоретта не пришла на похороны Джина, а когда мы приехали к ней в квартиру, то нашли ее пустой. Что сталось с машиной Джина, мы так и не узнали, и о самой Лоретте я больше не слышала. Правильно, значит, я ей не доверяла.

Донна и Мелани вернулись в Канзас, а я осталась не просто одна, а наедине с Полом.

Глава 78

Мистер Крайдер больше не мог водить, но его сын приезжал каждое воскресенье и отвозил меня в церковь. Я жила именно ради этих нескольких часов в неделю, когда снова могла почувствовать себя членом большой семьи прихожан.

Я была разбита, и денег больше не осталось. Я ждала начислений от страховой компании — их мне хватило бы до конца жизни. Теперь у меня только и осталась, что страховка.

Я молилась, чтобы чек пришел как можно скорее, ведь надо было платить за аренду, электричество, газ и воду, да еще и покупать продукты для себя и Пола. На завтрак у нас была кукурузная каша и овсянка, на обед — болонский сандвич, а на ужин — капуста или бобы. Мяса, что я покупала, едва хватало на то, чтобы потушить с бобами.

Пол даже не пытался найти работу.

После смерти Джина прошло два месяца, а чек от страховой компании так и не пришел. Я позвонила им, но мне сказали, что на проверку нужно время. Наконец, я отказалась от телефона и с болью в сердце сообщила почтальону, что больше не могу выписывать газеты. С тех пор, как я впервые в жизни проголосовала, я постоянно читала газеты, но теперь приходилось на всем экономить.

Я каждый день справлялась у почтальона, и наконец чек пришел. В то утро мне вручили конверт, я взяла сумку, дошла до банка — идти было всего четверть мили, — и тут же положила их на свой счет.

Домой я вернулась уставшая, и мне хотелось лишь одного: отдохнуть. Я вошла в дом; в дверях меня встретил Пол.

— Мне нужны деньги на сигареты, — сказал он.

Мне стыдно признать, что мать может ненавидеть своего ребенка, и все же иногда, хоть на секунду, меня посещало это чувство.

Я покачала головой.

— Ты не курил с самого переезда отца, и сейчас обойдешься. А если так уж хочется, найди себе работу. У меня на сигареты денег нет.

Пол вырвал у меня из рук сумочку и принялся в ней шарить. Там было где-то три банкноты и кое-какая мелочь. Он достал купюру, швырнул сумку на стол и вылетел из дома.

Вернувшись из магазина, Пол сел у окна и закурил, уставившись в одну точку.

Я подумала о том, не позвонить ли в полицию, но не знала,

приедут ли они. А если и приедут, как знать, не рассмеются ли они мне прямо в лицо? Мне хотелось выгнать его, заставить уйти, но я была уже стара. Что, если со мной что-то приключится, а я буду совсем одна? Сколько я буду лежать, прежде чем мое тело кто-нибудь обнаружит? Вот чего я боялась, и если он нуждался во мне, то и я в какой-то степени нуждалась в нем.

Пол тоже не испытывал ко мне особой любви — во всяком случае, я ее никогда не замечала. Может быть, в этом была и моя вина. Он обращался со мной так, будто бы я никого не потеряла — ни Джеймса, ни Лулу, ни Бетти Сью, ни Джина. Я выносила, родила и вырастила пятерых детей, и лишь он один дожил со мной до самой старости. Единственное, что можно было сказать о нем хорошего: уж лучше жить вместе с ним, чем встретить смерть в одиночку.

Я вспоминала свою жизнь — всю, до того самого дня, когда умерли мои родители. Если бы я тогда не была у сестры, может быть, я успела бы их предупредить? А может, и сгорела бы вместе с ними?

Если бы я отказалась выйти замуж за Джеймса, пока не окончу школу, дождался бы он меня? И что бы стали делать Хелен и Томми, если бы я не согласилась на это экстренное замужество? Ведь не выгнали бы они меня из дома?

Если бы я как-то удержала Джеймса и запретила бы ему играть в бейсбол в тот день, остался бы он жив или ненавидел бы меня за то, что не дала воспользоваться такой возможностью?

Если бы я отказалась выходить замуж за Джорджа, боясь пересудов, нашла бы я кого-нибудь еще? Или прожила бы всю жизнь вдовой, и у меня не было бы Бетти Сью и Джина?

Если бы я не ухаживала за Кларой и матушкой Фоли, когда они подхватили грипп, пощадила бы болезнь Лулу? Я часто спрашивала себя: уж не я ли принесла ей смерть?

Если бы я была потверже с Бадом и Полом и не позволяла бы Джорджу их баловать, может быть, их жизнь сложилась бы лучше?

Голова раскалывалась от страшной боли. Я отправилась к себе в комнату и плотно задернула шторы. Затем легла на кровать и закрыла глаза.

Есть люди, которые в жизни ни о чем не жалеют. Как бы мне хотелось сказать о себе то же самое, но сколько в моей жизни было сожалений, сколько ошибок…

Эпилог от внучки

Наутро после похорон кто-то (должно быть, одна из моих теток по материнской линии) отвез меня в дом бабушки по дороге в аэропорт. Из ее личных вещей я хотела забрать всего три. Тетя с Мелани остались в машине, а я направилась к дому. В дверях меня встретил дядя Пол, вид у него был огорченный.

— Они приезжали вчера и все забрали, — сказал он мне.

— Кто — они? — спросила я.

— Эллис с женой.

Похоже, прежний муж Бетти Сью оказался наглее, чем я думала. Я оглядела гостиную. Мебель стояла на месте, но все побрякушки, салфеточки, — все, что можно было увезти в машине, — пропало.

Я прошла в бабушкину спальню. Большой семейной Библии — именно ее я хотела забрать больше всего — в комоде не оказалось. В чулане тоже было пусто, не считая пары крючков для проводов. Зеркальный поднос цвета морской волны, прежде стоявший на комоде, где она хранила свой одеколон «Парижский вечер», — тоже пропал. Один за другим я проверила все ящики, от верхнего до нижнего, — пусто.

Я хотела уж было спросить Пола, почему он их не остановил, не вызвал полицию, не сделал хоть что-нибудь, но вспомнила, что Эллис был намного сильнее — против него он был беспомощен, как ребенок.

Он дал мне адрес Эллиса — тот жил прямо за углом. Я позвонила в дверь, ко мне вышла новая жена Эллиса с младшей дочерью Бетти Сью на руках. Томми и Терри цеплялись за ее юбку, но когда я протянула руки, чтобы их обнять, смущенно попрятались: они меня не помнили.

— Я хочу забрать всего три бабушкины вещи, — сказала я ей.

— О чем это вы? У меня нет никаких бабушкиных вещей.

— Пол сказал, что вы приезжали вчера вечером и забрали ее одежду и остальное. Мне ничего не нужно, кроме Библии, фотоальбома и ночной сорочки, что лежала, завернутая в бумагу, в нижнем ящике.

— У меня ничего этого нет.

— А где они тогда?

— Не знаю, спроси у Эллиса.

— А он где?

— Ушел куда-то пить. Может, встретишь его в каком-нибудь баре на Джефферсоне.

Я знала: просить ее разрешить мне войти и поискать самой —

бесполезно. Мне некогда было обходить все бары в поисках Эллиса, как делала моя тетя Бетти Сью столько раз.

— Не могу, мне нужно на самолет. Скажите ему, что я заплачу, если он мне их пришлет.

Я вытащила листок бумаги из сумки, быстро написала адрес и телефонный номер и протянула ей. Потом вернулась в машину, уже зная, что, скорее всего, Эллис никогда мне не напишет, — так и случилось.

Мелани сидела у меня на коленях, пела песенку и разглядывала деревья и дома по дороге в аэропорт. Я не хотела ее расстраивать и сдерживала слезы.

Деньги, что бабушка положила на счет, стали частью ее наследства, и его разделили на четверых. Пол получил тысячу долларов, дети Эллиса поделили между собой еще тысячу, и еще одна досталась мне. Что сталось с остальными деньгами, я не знала.

Где-то через месяц мне позвонил Пол. Его деньги закончились, и он хотел приехать жить с моей семьей в Канзасе. Я сказала, что это невозможно. Через несколько лет я узнала, что его убили где-то на улицах Детройта.

Я могла бы спросить у тети Фредии, кто был моим настоящим отцом, и она сказала бы правду. Но мне было все равно: у меня уже и так был самый лучший в мире папа.

Хотя у отца был фотоаппарат «Кодак Брауни» и он любил фотографировать, моих детских снимков или семейных фотографий отца у меня совсем мало: нет фото с важными моментами, которые можно было бы хранить как память.

Лишь сев писать эту историю, я наконец поняла, что моя бабушка, Нола Мод Клейборн Коннор Фоли, уже подарила мне самую важную вещь на свете: те долгие ночи, когда я спала в ее постели и она рассказывала мне о своей невероятной жизни.

КОНЕЦ

Благодарность

Хочу горячо поблагодарить многих людей, которые помогали мне писать эту книгу.

Спасибо моей сестре и подруге Шелби Тернбулл Мак Фарлан, которая стала свидетельницей всей моей жизни. Ей известно то, чего не знают обо мне даже мои собственные дети. Именно она помогала мне проводить исследования и раскладывать детали по полочкам, когда меня подводила память. Именно благодаря ей мне удалось получить документы, которые пролили свет на историю смерти моей тети.

Моим издателям: Лоренс Монтейн, Элейн Стаббс, Скотти Карран, Мэрианн Ангер и Филу Шлэгеру из издательства «Антем Оторс». Благодаря их участию эта книга стала гораздо лучше.

Барбаре Уинтерс, Джин Харви, Джуди Кансевики и Лоренс Монтейн, моим бета-ридерам — они не только вносили поправки, но и постоянно подбадривали меня.

Сэнди Новарро, у которой теперь целая полка моих сочинений.

И моей дочери, Мелани Мабри, которая первой захотела услышать эту историю. Если она это читает, ее ждет еще парочка сюрпризов.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ
ЛОГО
ВАША КНИГА
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ РАСПОЛОЖИТЬ НА ОБЛОЖКЕ И РАССКАЗАТЬ КЛИЕНТАМ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ
ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ

notes

Сноски

1

Это 18,6 м^2.

2

Два гектара.

3

1,9 литра.

4

5 см.

5

4 кг.

6

3 кг.

7

8,2 кг.

8

Больше 1,83 м.

9

1 миля = 1,609 км.

10

1 ярд = 91,44 см.

11

Около 20 кг.

12

Около 1,62 м.

13

90 кг.

14

9 фунтов и 4 унции — это около 4,1 кг.

15

Тут мы узнаем историю рождения автора этих мемуаров — Донны Мабри, которой бабушка Мод и рассказывала всю эту летопись своей жизни. — *Прим. ред.*

16

Младший (*англ.*).